

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

2-17

**НЕРАВЕНСТВО
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2017**

УДК 322(470+571)
ББК 65.9(2Рос)
Э 40

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

Н.А. Макашева – д-р экон. наук, председатель,
Г.В. Семено – канд. экон. наук, зам. председателя,
В.С. Автономов – чл.-кор. РАН,
Н.И. Иванова – академик РАН,
Е.В. Виноградова – канд. экон. наук

Редактор-составитель выпуска –
О.Н. Пряжникова

Экономические и социальные проблемы России:
Э 40 Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ.
исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред.,
и др. – М., 2017. – **№ 2: Неравенство в современном
мире: Экономический и социальный аспекты** / Ред.-
сост. вып. Пряжникова О.Н. – 142 с.

Анализируются современные трактовки понятия неравенства. Исследуются взаимосвязи между неравенством, экономическим ростом, благосостоянием и социальной стабильностью. Рассматриваются различные стратегии сокращения неравенства и их эффективность.

Для научных работников, представителей органов государственной власти, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

УДК 332(470+571)
ББК 65.9(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>И.Г. Минервин.</i> Некоторые проблемы социально-экономического неравенства.....	7
<i>С.Н. Смирнов.</i> Региональные факторы социального неравенства и его следствия: Пример современной России	46
<i>Б.Г. Ивановский.</i> Проблемы неравенства и социальной изоляции в Евросоюзе: Показатели, критерии и методы исчисления	67
<i>О.Н. Пряжникова.</i> Подходы международных организаций к решению проблемы неравенства	99
<i>М.А. Положихина.</i> Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества	119

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высокий уровень неравенства, сохраняющийся в странах мира, замедляет экономический рост, отрицательно влияет на состояние здоровья населения, ограничивает социальную мобильность, способствует обострению социальных конфликтов и создает условия для политической нестабильности. И в развитых, и в развивающихся странах неравенство доходов является всего лишь одним из видов более широкого явления экономического и социального неравенства. Оно обусловлено прежде всего неравенством возможностей, связанным с доступом к высококачественному образованию, медицинскому обслуживанию, достойной работе. Такое неравенство является препятствием инклюзивного развития, ограничивая возможности бедных повышать свой социальный статус и реализовывать свой потенциал.

Все больше исследователей проблемы неравенства приходят к выводу, что неравенство подавляет экономический рост, что в свою очередь снижает эффективность мер по борьбе с бедностью. В условиях высокого неравенства значительная часть населения вытесняется в сегмент низкооплачиваемой занятости, что приводит к снижению спроса на внутреннем рынке и препятствует осуществлению структурных преобразований. Большой разрыв в доходах богатых и бедных слоев населения может стать причиной финансового кризиса, так как удерживает потребление на низком уровне и способствует возникновению «рыночных пузырей», дестабилизирующих экономику. Кроме того, высокая степень неравенства представляет собой препятствие для формирования охватывающей все слои населения системы социального обеспечения, так как тормозит рост среднего класса.

В условиях социальной поляризации, возникающей в обществе вследствие усугубления неравенства, качественные социальные услуги (качественное образование и качественное медицин-

ское обслуживание) становятся доступны лишь тем, кто может за них заплатить; тогда как малообеспеченные слои населения пользуются «стандартными» социальными услугами, предоставляемыми государством, которые зачастую не получают достаточного финансирования, что отрицательно сказывается на их качестве и доступности. Таким образом, неравенство сокращает потенциальный эффект социальной политики, направленной на создание равных возможностей развития для всех граждан и ограничивает социальную мобильность.

Высокие уровни неравенства разрушительно воздействуют и на социальную сплоченность, способствуют росту преступности и возникновению конфликтов, особенно в многонациональных странах. Неравенство затрудняет развитие и реализацию практик и принципов демократии в обществе. В условиях неравенства лица и группы, обладающие «экономической властью», имеют возможности трансформировать ее в политическую и реализовывать ее в собственных интересах.

Межстрановое неравенство создает трудности для стран с низкими доходами удерживать квалифицированных работников, занятых в значимых для развития человеческого капитала секторах (образование, здравоохранение) и приводит к так называемой «утечки мозгов».

В публикуемых в данном сборнике работах предпринята попытка рассмотреть современные подходы к изучению неравенства и решению проблемы неравенства. Существенное внимание уделено анализу разнообразных концепций неравенства, факторов эволюции и устойчивости такого явления, как социально-экономическое неравенство, а также рассмотрению прогнозов изменения состояния неравенства в будущем (И.Г. Минервин). Авторы рассматривают наиболее актуальные, с их точки зрения, подходы к преодолению социально-экономического неравенства и ключевые направления политики борьбы с неравенством ряда международных организаций (О.Н. Пряжникова) и стран Европейского Союза (Б.Г. Ивановский).

Обзор межрегиональных различий уровней благосостояния населения РФ представлен в статье С.Н. Смирнова. Автор анализирует показатель отношения душевых денежных доходов к прожиточному минимуму в разных субъектах РФ, а также влияние межрегиональной дифференциации покупательной способности на экономику регионов и качество жизни населения.

Анализу взаимосвязи социально-экономического и информационного неравенства посвящена работа М.А. Положихиной. В статье рассматривается уровень развития ИКТ в странах мира, а также готовность регионов России к жизни в условиях информационного общества.

Один из основных выводов, которые делают авторы, состоит в том, что противодействие росту неравенства как на международном, так и на национальном уровнях требует осуществления скоординированной политики по расширению социальных и экономических возможностей беднейших слоев населения и продвижению принципов инклюзии, которая должна сопровождаться принятием мер по сокращению возможностей ухода от налогообложения, инвестициями в социальную сферу и улучшением положения на рынке труда.

О.Н. Пряжникова

И.Г. Минервин
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

В статье рассматриваются некоторые философские, социологические и экономические подходы к изучению содержания неравенства, его исторической динамики и способам его преодоления в современном обществе. Обзор ряда работ отечественных и зарубежных специалистов позволяет показать разнообразие концепций неравенства, подходов к изучению факторов эволюции, с одной стороны, и устойчивости, с другой стороны, феномена социально-экономического неравенства, а также прогнозов относительно его будущего. Рассматриваются изменения института собственности, а также перспективы развития глобальной экономической модели, связанные с формированием и эволюцией неравенства.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство; направления исследования неравенства; факторы и динамика неравенства; исторические перспективы неравенства.

Философия неравенства

В исследованиях проблематики социально-экономического неравенства сходятся три самостоятельных, но взаимосвязанных направления: этико-философское, социологическое и экономическое.

Этика привлекает внимание экономистов, а экономика – философов. Причина – экономика (хозяйство) представляет собой ту область человеческой деятельности, в которой возникает фактическое неравенство, и этот естественный итог воспринимается общественным сознанием как несправедливость. Моральные философы, создавая концепции равенства и справедливости, естественно, обращаются к экономике. Экономисты, видя несовершенство соци-

ально-экономических систем, обращаются к этике в поиске оснований для их критики. И здесь хочется привести эмоциональное высказывание Т. Пикетти о том, что «вопрос о распределении богатств слишком важен, чтобы оставлять его на усмотрение одних лишь экономистов, социологов, историков и прочих философов. Он интересен всем... Вопросу о распределении богатств всегда будет присуще это неизбежно субъективное и психологическое измерение, которое носит политический, конфликтный характер и которое никакой анализ, претендующий на научность, не сможет устранить» [Пикетти Т., 2016, с. 21].

Современная наука уделяет этим проблемам значительное место. Здесь выделяются, с одной стороны, теоретические работы философско-социологического направления таких авторов, как Ролз, Дворкин, Нозик, с другой – аналитические доклады экономико-политической направленности, подготавливаемые коллективами аналитиков для международных организаций и форумов (Группы Всемирного банка, Всемирного экономического форума и т.п.).

Ведущие современные моральные философы отвергают всякий телеологический принцип равенства, утверждающий примат цели по отношению к средству. Хотя сутью утилитаризма является поиск критерия индивидуальной максимизации полезности, выдвигаемого в качестве основного, как справедливо отмечает О.Б. Игнаткин, «критика эгалитарного аргумента применима практически к любой концепции равенства» [Игнаткин О.Б., 2008, с. 55]. Эта критика имеет различные аспекты, мы же отметим лишь один, действительно релевантный для любой концепции равенства (будь то дистрибутивное равенство, равенство успеха, благосостояния или удовольствия).

Знакомство с концепциями Р. Дворкина, Дж. Ролза и других либеральных философов лишний раз убеждает в крайней опасности всяких уравнилельных (как либеральных, так и социалистических) теорий, предполагающих равенство ресурсов или механизмы компенсации. Такая опасность связана с отсутствием какого-либо объективного и всеми признаваемого стандарта, самого критерия, связанного с любыми оценками и предпочтениями при невозможности их межличностного сравнения и агрегирования, с одной стороны, и молчаливым присутствием некоего верховного уравнилель, распределителя, руководствующегося собственными представлениями о равенстве и справедливости – с другой. Можно рационально говорить лишь о равенстве прав, равенстве возможностей, равенстве перед законом и соответствующем содержании

закона, т.е. фактически правильная постановка вопроса заключается в отсутствии дискриминации, которое обеспечивается законодательной и правоприменительной системами общества. Равенство положения, т.е. фактическое экономическое равенство не только невозможно, но было бы общественной катастрофой.

Реальным может быть только такое равенство, которое не лишает человека его истинного выбора. Это означает, что приоритетным этическим принципом является все-таки свобода. «В идее блага для самого себя, – пишет Игнаткин, – таится опасность для свободы, а для Ролза и Дворкина, подчеркивает американский исследователь Ч. Фрайд, “не существует высшего блага, чем свобода самореализации, и эту ценность невозможно отдать ради понятия равенства на абстрактном уровне”» [Игнаткин О.Б., 2008, с. 56].

Это направление исследований нашло отражение и развитие в работах Дж. Ролза, А. Сена. По мнению философов, фундаментальные права и материальные преимущества, доступные для всех, нужно расширить настолько, насколько это возможно, поскольку это отвечает интересам тех, у кого меньше всего прав и кто имеет самые скромные возможности. «Принцип различия», введенный американским философом Джоном Ролзом в книге «Теория справедливости», ставит близкую к этому цель [Ролз Дж., 1995]. На схожей логике основан и подход индийского экономиста Амартии Сена, использующего понятие максимальных и равных для всех «возможностей» [Сен А., 1996]. Представляется рациональным отнести к категории наиболее обездоленных тех людей, которые столкнулись с самыми неблагоприятными факторами, не поддающимися контролю.

Разумеется, определенная роль отводится государству. В той мере, в которой неравенство обусловлено, по крайней мере отчасти, факторами, которые индивиды не контролируют, такими как неравенство в капиталах, передаваемых семьей (наследство, дарение, культурный капитал и т. д.), или стечение обстоятельств (особые таланты, удача и т. д.), справедливо, чтобы государство также стремилось уменьшать, насколько это возможно, подобное неравенство. Граница между уравниванием возможностей и условий часто довольно размыта (образование, здравоохранение, доход являются и возможностями, и условиями). Понятие фундаментальных благ в трактовке Ролза позволяет преодолеть это противопоставление.

Бессмысленно искать основания равенства и справедливости в какой бы то ни было экономической системе, тем более в рынке. В концепциях нравственной философии, обращающихся к дистри-

бутивному равенству, рынок воспринимается как «враг» равенству, поскольку формы экономических рыночных систем позволяли и поощряли проявления неравенства. Тем не менее Р. Дворкин и другие вновь и вновь обращаются к рынку, по их мнению, сама модель рынка должна присутствовать, поскольку благодаря его механизму соблюдается принцип равенства по отношению к людям [Игнаткин О.Б., 2008, с. 60]. Согласно Дворкину, необходим такой рыночный инструмент, который учитывал бы стремления отдельных людей. В поисках такого инструмента он обращается, например, к аукциону (конкурентным торгам), где будут выставляться все доступные в данном регионе ресурсы, при этом каждый человек должен обладать равной способностью к приобретению ресурсов [Dworkin R., 2000, p. 68].

Для функционирования такой системы необходим целый ряд условий. Одно из них относится к возможности для людей оказаться в невыгодных условиях из-за различий «природных способностей». Аукцион будет выполнять свою функцию только в том случае, если природные способности никого не поставят в невыгодное положение. В реальном мире аукцион не выполнит эту функцию, поскольку некоторые различия между людьми вызваны не их выбором, а обстоятельствами, тогда как основная цель, согласно этой концепции, состоит в том, чтобы создать инструмент, который был бы «чувствителен к стремлениям» отдельных людей, но «нечувствительным к одаренности» [Игнаткин О.Б., 2008, с. 61]. Во-вторых, система должна быть свободной от любых помех в виде рыночной власти того или иного агента (монополии или монополии), т.е. обеспечивать абсолютную свободу конкуренции всех участников, что, очевидно, невозможно в силу их естественных различий, тех самых, которые эта система призвана преодолевать. И любые гипотетические механизмы компенсации здесь оказываются бессильными.

Отсюда следует, что основанием для равенства и справедливости могут быть только этические, нравственные принципы сопереживания, сочувствия, естественного (природного) взаимоуважения и взаимопомощи. Таким образом, такие основания могут находиться не в экономической, а в духовной сфере человека. Конечно, такая постановка затрагивает в какой-то мере традиционные ценности, которые при всей их благопристойности могут подчас обернуться противоположной стороной. Такова, например, идея протестантизма о нравственной жизни христианина, видящая ценность в самоотречении, любви к ближнему, повседневном кро-

потливым труде. «Трудовая деятельность сакрализуется и рассматривается как форма служения Богу... профессиональный успех подтверждает богоизбранность христианина, поэтому становится самоцелью, а не средством достижения материальных благ» [Этика, 2006, с. 498–499]. В результате накопление здесь выступает не только как невиданный прежде идеал, но и как нравственная ценность, но при этом оно в конечном счете превращается в генератор социально-экономического неравенства.

Можно, однако, отметить, что при таком подходе отсутствует вопрос об исторической обусловленности неравенства, оно рассматривается лишь в рамках исторически определенной формы социально-экономических отношений, основанных на рыночном (капиталистическом) хозяйстве и частной собственности, с добавлением в нее условий, которые в теории должны обеспечить равенство. Знакомство с социологическими теориями неравенства наводит на мысль о преобладании в них позитивистского подхода, тогда как проблематику неравенства вряд ли можно рассматривать вне отсылки к аксиологическому характеру гуманитарной науки. Этого, по всей видимости, нельзя сказать в целом об экономических исследованиях, как правило, имеющих выход на проблематику экономической политики.

В трудах западных либеральных философов возникает поразительное противоречие между стремлением применить к своим теориям этические ценности (равенства, справедливости) и полным отсутствием проекции этических норм на реальную действительность. Это противоречие ведет к абстрактному, отвлеченному теоретизированию, полностью оторванному от реальной действительности, тогда как рассматриваемые ими этические ценности и нормы играют громадную роль в определении поведения людей, в том числе как экономических агентов.

Социология неравенства

Понятие социального неравенства, изучаемого социологией, объединяет множество факторов и условий, виды социальной дифференциации, социальных ролей и т.д. С точки зрения социологии предметом изучения выступает «неравенство между группами людей, выраженное в социальной иерархии» [Шкаратан О.И., 2012, с. 53]. Социальная же структура определяется как совокупность социальных групп и социальных институтов и отношений между ними. В каждом конкретном обществе – рабовладение, фео-

дализм, капитализм, индустриализм, постиндустриальная (информационная) экономика – социальные структуры характеризуются особенностями, складывающимися в процессе их формирования и развития.

Социология изучает неравенство в терминах социальной стратификации. Факторы стратификации выступают как факторы неравенства. В индустриальных и постиндустриальных обществах неравенство проявляется прежде всего и главным образом в сфере экономической деятельности. Социальная стратификация здесь раскрывается в отношениях групп людей по поводу распределения власти, собственности и знания. Экономистов интересует, скорее, деление общества, связанное с социально-экономическими различиями в процессе производства, в структуре рынка труда и владения собственностью.

В социологии принимается как аксиома «исторически обусловленное неравенство людей в прошлом, настоящем и будущем» [Шкаратан О.И., 2012, с. 8], признаются и исследуются изменения его масштабов, характера, возможностей и реальных показателей сглаживания или, напротив, углубления при различных формах организации общества.

Социологические исследования выявили наличие двух групп проблем – одна связана с равенством возможностей, которое определяется эволюцией политических и правовых институтов на пространстве социально-исторического развития в целом, другая – с фактическим, распределительным равенством, которое разворачивается и эволюционирует на пространстве определенных социальных и экономических отношений.

Такое различие отражается и в структуре права. Право, которое может быть названо естественным, а по сути является декларативным, выражается простой формулой: все люди равны по рождению. Но это естественное право должно быть закреплено в соответствующих правовых институтах человеческого общества (а не только в декларациях). Реальное право непосредственно связано с человеческой деятельностью, и эта деятельность по преимуществу реализуется в сфере экономики.

Таким образом, наука признает два типа равенства: назовем их для простоты равенством возможностей и равенством положения (по другой терминологии – ресурсное равенство и равенство благосостояния). Первый – воплощается при наличии соответствующих правовых институтов (равенство перед законом). Второй – предполагает фактическое равенство, но допускает различные

варианты, означающие, по существу, в том числе и нарушение фактического равенства. Возьмем, например, принцип равенства по труду. Известный лозунг «каждому по труду» будет означать соблюдение такого равенства (фактического по положению), трудность, однако, возникнет при решении задачи соблюдения такого равенства из-за невозможности адекватной оценки труда иначе как по его рыночной стоимости (и рыночной стоимости его продукта), а значит, с учетом дополнительных факторов, не относящихся непосредственно к самому труду (конкуренция, организация, эффективность). Другой известный лозунг «каждому по потребностям» означал бы (в случае его невероятной осуществимости) именно фактическое нарушение такого равенства.

Равенство возможностей – это прежде всего правовое равенство и равенство доступа к ресурсам. В развитых странах здесь достигнуты положительные сдвиги (страхование, образовательные кредиты, социальная поддержка и пр.), но в значительно более скромных масштабах, чем ожидалось теоретиками государства благосостояния. История европейских стран свидетельствует о том, что равенства прав перед рынком еще недостаточно, чтобы обеспечить равенство прав в целом. Республиканская «эгалитарная» Франция в плане концентрации богатства ничем не отличалась от монархической Великобритании. И сегодня обеспечивать все большие гарантии для прав собственности, все большую свободу для рынка и все более совершенную конкуренцию недостаточно для того, чтобы добиться в обществе справедливости, процветания и гармонии. К сожалению, это более сложная задача, подчеркивает Пикетти [Пикетти Т., 2016, с. 48]. Однако дело в том, что такая задача для одних стран более актуальна, чем для других.

С теоретической точки зрения равенство возможностей описывается в терминах социальной мобильности, которая в свою очередь зависит от типа социальной стратификации, степени открытости общества и правового (законодательного) положения его членов. П. Сорокин, например, указал на существование двух основных типов социальной мобильности – горизонтальной и вертикальной [Сорокин П., 1992, с. 393]. Последняя в свою очередь делится на восходящую и нисходящую (социальный подъем и социальный спуск). При этом мобильность возможна как добровольное перемещение или циркуляция индивидов в рамках социальной иерархии и мобильность, диктуемая структурными изменениями (например, индустриализацией и демографическими факторами).

Заметим, однако, что корень проблемы не в типах и характеристиках мобильности, а в возможности социального лифта, в частности, в наличии или отсутствии непреодолимых барьеров в виде сословий, привилегированных статусных слоев общества, прямых запретов, например, на занятие определенных должностей, получение образования и т.д. Напомним, что борьба за такую мобильность находилась в эпицентре едва ли не всех социальных и тем более революционных движений. Наиболее наглядно это проявляется в исторической траектории европейской (или атлантической) цивилизации (Хартия вольности, Декларация прав человека и гражданина и т.д.), и именно это обстоятельство объясняет сегодняшние передовые позиции Европы в области прав человека по сравнению с другими регионами мира.

Социальная мобильность, таким образом, имеет двоякое значение. С одной стороны, она отражает степень социально-экономической развитости общества, его правовой зрелости, с другой – социальная мобильность справедливо рассматривается как позитивный фактор общественного развития, поскольку содействует привлечению одаренных и динамичных людей из низов к ответственной деятельности. «Это, как правило, стабилизирует конкретно-историческое общество, делает его более адаптивным к меняющимся ситуациям в технологиях производства, экономических и социальных отношениях. В то же время социальные перемещения сами по себе не меняют характера социальной стратификации. Соответственно и исследования мобильности скорее отвечают на вопрос об эффективности использования творческого потенциала членов общества, чем на вопрос о характере социальных изменений, происходящих в нем под влиянием технологических, экономических и политических факторов... В то же время возрастание шансов на индивидуальное продвижение из низших слоев в высшие в процессе мобильности оправданно рассматривается социологами как свидетельство большей открытости общества, его демократичности, равенства возможностей для его членов. Для индивида возможность продвижения вверх не только означает увеличение доли получаемых им социальных благ, она способствует реализации его личных данных, делает его более пластичным и многосторонним. Продвижение вверх тесно связано с экономическим развитием, интеллектуальным и научным прогрессом, формированием новых ценностей и социальных движений» [Шкаратан О.И., 2012, с. 207, 209].

Среди социологов существует, однако, мнение, согласно которому, несмотря на явные успехи в приближении к равенству возможностей, действующие элиты находят способы и новые стратегии, обеспечивающие преемственность социального статуса от поколения к поколению. Сегодня в качестве ключевого момента в этих стратегиях фигурирует образовательная система. Было показано, что в современном мире образование играет особую роль как институциональный фактор социальной мобильности [Шкаратан О.И., 2012, с. 234]. Однако и образование, и здравоохранение могут служить факторами создания неравенства в руках действующей элиты.

Несмотря на ставшее в результате демократических реформ общедоступным полное среднее и высшее образование и возросший уровень образования в целом, с помощью различных, прежде всего экономических, педагогических, организационных факторов привилегированные и хорошо образованные дети получают преимущества по сравнению с менее привилегированными и менее обученными. И в этом проявляется роль культурного капитала как составляющей социальных привилегий. Образование, открывающее путь к занятию выгодных позиций в экономике, в современных условиях оказывается более значимым, чем владение собственностью. Поэтому, как доказывают современные исследователи, выравнивание материальных условий жизни еще не означает существенного сближения шансов на социальное продвижение представителей разных социальных слоев.

Еще одна точка зрения относительно развития социально-экономических отношений состоит в ослаблении позиций среднего класса и некоторых его слоев, связанном с изменениями на рынке труда. Здесь можно говорить о тенденциях, затрагивающих не столько позиции среднего класса в целом, сколько изменения в его структуре, о сдвигах в профессионально-квалификационном составе, вызванных развитием информационной экономики и соответствующих технологий, изменениями в организационных структурах производства и управления и т.п. явлениями. В современном мире происходит возрастание социального статуса и доли в национальном богатстве развитых стран слоя высокоэффективных работников, связанных с производством информации и знания, куда входят менеджеры, специалисты-профессионалы, конструкторы, технологи, которые обладают специфическими функциями в современном обществе и экономике. Таким образом, ослабление позиций одних групп сопровождается усилением других в полном соответ-

ствии с потребностями технологического прогресса постиндустриальной экономики знания [Autor D.H., 2015; Mokyr J. et al., 2015]. Общим выводом проведенных исследований является признание того факта, что под влиянием сил, присущих поздней индустриализации и становлению информационной экономики, происходят фундаментальные изменения в стратификационных системах, в результате чего возрастают социальная дифференциация и разнообразие рабочих позиций, а в итоге меняется и характер социальной мобильности [Шкаратан О.И., 2012, с. 215].

О.И. Шкаратан обобщает итоги современных исследований в области социальной мобильности и равенства возможностей следующим образом [Шкаратан О.И., 2012, с. 239–240].

Во-первых, наряду с социально-экономическими важную роль играют культурные барьеры, ограничивающие возможности индивидуальных переходов к более высоким статусным позициям из низших слоев. Тип культурной среды, в которой пребывает младшее поколение этих слоев, зачастую создает серьезные преграды для их восходящей мобильности. При этом чем слабее культурные преграды в связи с выравниваемостью уровней образования, тем больше выходцев из социальных низов попадает в средние и высшие слои.

Во-вторых, на первый план в системе вертикальной восходящей мобильности и формирования элит выдвигается принцип социальной селекции, получивший определение меритократизма. Этот принцип порожден приходом на смену индустриальному обществу с его классовой системой информационного (сетевого) общества, в котором классовая иерархия переплетается с усиливающейся иерархией по владению человеческим и культурным капиталами. В этом обществе и формируется меритократический принцип социальной селекции, при котором одаренные и хорошо образованные люди реально получают преимущества в социальном продвижении.

Экономика неравенства

Проблема экономического неравенства сегодня стоит весьма остро по причине ее осложнения как внутри отдельных стран, так и на глобальном уровне. Она занимает видное место в теоретических исследованиях специалистов и практических рекомендациях международных организаций и форумов. По сути дела, на вершине пирамиды проблем, волнующих науку, когда речь идет

об экономике, находятся две задачи: эффективность, т.е. максимизация выхода системы любого уровня при минимизации входа, и обеспечение равенства во всем его многообразии (или, что то же самое, устранение истоков неравенства)¹ применительно к элементам системы, смыкающееся со смежными областями права, социологии и этики.

Экономический анализ неравенства имеет четко выраженную специфику и область исследования. В его фокусе, как подчеркивает Т. Пикетти, рассмотрение двух аспектов распределения богатства. Это, во-первых, распределение, зависящее от противопоставления двух факторов производства – труда и капитала, так называемое «факторное» распределение, зависимое от его основы – социальной дифференциации. Во-вторых, это «индивидуальные» различия в распределении богатства, т.е. неравенство в трудовых доходах, определяемое социальным положением индивида (например, между рабочим, инженером и директором фабрики), с одной стороны, и неравенство в доходах с капитала (например, между мелкими, средними и крупными акционерами или собственниками) – с другой. Каждая из этих двух составляющих играет важнейшую роль; невозможно прийти к удовлетворительному пониманию проблемы распределения, не анализируя и ту и другую его составляющие вместе [Пикетти Т., 2016, с. 55].

Для экономистов важно, как технологический прогресс и новые экономические модели меняют соотношение спроса и предложения на те или иные ресурсы и, соответственно, игру цен, которая может привести и фактически приводит к изменениям в распределении доходов, к перенакоплению богатства одних социальных страт и обнищанию других.

Сравнительные исследования как и сам опыт стран говорят о том, что экономическое неравенство не является изолированной проблемой, она есть составной элемент общей проблемы экономического роста как основы социально-экономического развития, тесно вплетена в весь комплекс экономических проблем современного этапа промышленной революции. Главное отличие современной постановки вопроса состоит в том, что неравенство рассматривается не только как социально-экономический порок общественного устройства, но и как отрицательный фактор, тор-

¹ Конечно, это два не совсем равнозначных понятия. В рассмотрении проблемы равенства преобладают абстрактно-теоретические, философско-социологические аспекты, а неравенства – экономические.

мозящий рост производительности и эффективности производства, наносящий вред конкурентоспособности, тормозящий экономический рост.

«Положение людей остается фундаментально неравным во всех странах, включая и самые развитые постиндустриальные государства, – пишет О.И. Шкаратан. – Несмотря на активную социальную политику, до сих пор повсюду встречаются свидетельства бедности и массового экономического и социального неравенства. Во всех странах привилегированные группы людей пользуются непропорционально большой властью, богатством, престижем и другими высоко ценимыми благами. Наиболее удручающие факты неравенства в мире наблюдаются в отсталых странах. Однако и в высокоразвитых странах, справедливо гордящихся успехами в построении welfare state, проходят сложные и во многом неожиданные процессы» [Шкаратан О.И., 2012, с. 114].

Исследователи отмечают здесь следующие тенденции:

- 1) противоречивость динамики распределения национального богатства;
- 2) углубление межстранового неравенства вопреки окончанию эпохи колониализма;
- 3) изменение позиций социальных слоев на фоне глобализации рынка труда.

О.И. Шкаратан, пользуясь данными целого ряда исследователей, характеризует общую тенденцию XX в. следующим образом. С начала 1930-х и до середины 1970-х годов доля национального богатства, принадлежавшая 1% наиболее состоятельных семей, снизилась: в США с 30 до 18%; в Великобритании – с 60 до 29%; во Франции – с 58 до 24%. Однако со второй половины 1970-х годов доходы этого элитарного процента населения росли с исключительной быстротой, достигнув еще в середине 1990-х годов показателей 1930-х. Так, в США 1% населения в 2007 г. вновь стал владеть 42% национального богатства, поднявшись до уровня 1900-х годов. У высших 0,1% доходы подскочили в пять, а у 0,01% – в семь раз по сравнению с 1973 г. Если в начале XIX в. средние доходы в расчете на душу населения в развитом мире превосходили в 1,5–3,0 раза показатели группы стран с низким уровнем доходов, то в середине XX в. – в 7–9 раз, а в начале XXI в. разрыв составляет 50–75 раз [Шкаратан О.И., 2012, с. 115].

Фундаментальное исследование распределения богатства и экономики неравенства, предпринятое Т. Пикетти, показало, что, согласно историческим данным, значительный рост покупатель-

ной способности заработной платы начался лишь во второй половине, а то и в последней трети девятнадцатого столетия. Согласно расчетам Пикетти, с 1800 по 1860 г. зарплаты рабочих в Великобритании и Франции не росли, оставаясь на очень низком уровне – практически на том же, что в XVIII и предшествующих веках, а в некоторых случаях даже ниже. Эта долгая стагнация заработной платы тем более впечатляет, что экономика в эту эпоху росла ускоренными темпами. В этот же период доля капитала – промышленных доходов, земельной ренты, доходов от сдачи в аренду городской недвижимости – в национальном доходе сильно выросла. До Первой мировой войны никакого структурного уменьшения неравенства так и не произошло, имела место в лучшем случае стабилизация неравенства на чрезвычайно высоком уровне, а в отдельных случаях – возрастание неравенства, сопровождавшееся все более высокой концентрацией имущества. Трудно сказать, отмечает Пикетти, к чему бы привела эта траектория, если бы не последовавшие за катастрофой 1914–1918 гг. экономические и политические потрясения, которые сегодня, в свете исторического анализа, представляются единственными с начала промышленной революции силами, способствовавшими уменьшению неравенства [Пикетти Т., 2016, с. 26].

В середине XX в. масштабное исследование провел американский экономист С. Кузнец, который, оперируя исключительно статистикой США, показал, что в период между 1913 и 1948 гг. неравенство в доходах сильно сократилось. В 1910–1920-е годы верхняя дециль в распределении, т.е. самые богатые 10% американцев, ежегодно получала до 45–50% национального дохода. В конце 1940-х годов доля этой же верхней децили упала до 30–35% национального дохода. Снижение, составившее более 10% национального дохода, было существенным: оно соответствовало, например, половине того, что получали 50% самых бедных американцев. Сокращение неравенства было явным и неоспоримым. Несмотря на то что это в определенной мере было связано со «случайными» факторами, вызванными кризисом 1930-х годов и Второй мировой войной, и мало походило на естественный процесс, сокращение неравенства послужило основанием для теории «кривой Кузнец», согласно которой в ходе индустриализации и экономического развития неравенство повсеместно движется по «кривой нормального распределения», т.е. сначала возрастает, а затем сокращается. По мнению Кузнец, за стадией естественного роста неравенства, отличавшей первые этапы индустриализации,

которые в США пришлись главным образом на XIX в., следует стадия сильного уменьшения неравенства, начавшаяся в США в первой половине XX в.

Таким образом, согласно Кузнецу, неравенство увеличивается на начальных этапах индустриализации (когда доступ к новому богатству, созданному промышленной революцией, имело меньшинство населения) и затем начинает произвольно сокращаться на поздних стадиях развития (когда все больший процент населения оказывается задействован в наиболее передовых отраслях экономики, что приводит к спонтанному уменьшению неравенства). В промышленно развитых странах эти «поздние стадии» начались на рубеже XIX и XX вв., поэтому сокращение неравенства, произошедшее в США в 1913–1948 гг., лишь подтверждало явление, которое носило более общий характер и с которым рано или поздно должны были столкнуться все страны, в том числе и слаборазвитые, зажатые в то время в тисках бедности и переживавшие процесс деколонизации [Пикетти Т., 2016, с. 31, 32].

Другой американский экономист, Р. Солоу сформулировал условия равномерного роста, т.е. такой его траектории, при которой все параметры – производство, доходы, прибыль, зарплаты, капитал, биржевые индексы, цены на недвижимость и т.д. – растут в одном темпе, благодаря чему все социальные группы извлекают равную выгоду из роста и значительные расхождения отсутствуют [Пикетти Т., 2016, с. 29]. Однако, как показывает практика, такие идеальные условия вряд ли достижимы.

Критикуя эти положения, Пикетти отмечает, что быстрый рост, присущий всем развитым странам в послевоенную эпоху, представляет собой ключевой факт, равно как и то, что все социальные группы извлекли из него выгоду. Тем не менее сильное сокращение неравенства доходов, имевшее место во всех богатых странах в первую половину XX в., было прежде всего следствием двух мировых войн и жестоких экономических и политических потрясений, к которым они привели (особенно для обладателей крупных состояний) [Пикетти Т., 2016, с. 33].

Благодаря развитию национальной статистики многих стран Пикетти удалось привлечь к исследованию огромное количество фактических данных, в том числе по неравенству в доходах и по имущественному неравенству¹. Факты, приводимые Пикетти, более

¹ Пикетти напоминает, что подобно тому как налоговые декларации о доходах позволяют исследовать эволюцию неравенства в доходах, налоговые

чем убедительны, как и его выводы. В глобальном масштабе установленный рост соотношения между капиталом и доходом, усиливаемый неравенством в доходности капитала, означает, что с 1980-х годов имущество в среднем растет немного быстрее, чем доходы. На основе собранных им данных он приходит к выводу, что, начиная с 1970-х годов, неравенство в богатых странах заметно выросло, особенно в США, где в 2000–2010-е годы концентрация доходов вернулась к рекордным показателям 1910–1920-х годов и даже немного превысила их. Дело в том, что к началу XX в. 90% национального богатства принадлежало 10% людей, но начиная с 1970–1980-х годов произошел головокружительный рост доходов 1% самых богатых американцев [Пикетти Т., 2016, с. 16]. Если на протяжении XIX–XX вв. соотношение частного капитала и национального дохода оставалось приблизительно равным (независимо от структуры – сначала доминировала земля, затем промышленные активы и, наконец, сейчас финансы), то начиная с 1970-х годов XX в. первый преобладает. В результате неравенство в распределении имущества в мировом масштабе в начале 2010-х годов сравнимо с уровнем, наблюдавшимся в европейских обществах в 1900–1910-е годы. Доля верхней тысячной части в настоящее время составляет около 20% общего имущества, доля верхней центили – около 50%, а доля верхней децили колеблется от 80 до 90%; беднейшая половина мирового населения владеет менее чем 5% общего имущества. Это не означает, что тенденции увеличения богатства богатых наряду с обеднением среднего класса в будущем продолжится в прежних масштабах, но тем не менее она может выйти на взрывоопасную траекторию [Пикетти Т., 2016, с. 434, 436].

Такое положение приводит к фундаментальному, с точки зрения Пикетти, противоречию, существующему в современном обществе, основанном на рыночной экономике. С одной стороны, преобладает общая уверенность в том, что каждый человек имеет

декларации о наследстве дают возможность проследить эволюцию имущественного неравенства. Кроме того, доход всегда складывается из двух составляющих: во-первых, из доходов, полученных от ведения трудовой деятельности (зарплаты, оклады, премии, бонусы, доходы от работы, осуществляемой не по найму, и т.д. и другие доходы, являющиеся вознаграждением за труд, в какую бы юридическую форму они ни облекались); во-вторых, из доходов с капитала (арендная плата, дивиденды, проценты, прибыль, прирост капитала, роялти и т.д. и другие доходы, полученные от простого обладания капиталом в виде земли, недвижимости, финансов, промышленных производств, в какую бы юридическую форму они ни облекались).

равные права и что его материальное благополучие должно зависеть от индивидуальных способностей и желания много работать; с другой стороны, наблюдается растущее имущественное неравенство между очень богатыми и остальным обществом, приводящее к тому, что индивидуальный успех является все в большей мере результатом семейных связей и унаследованного состояния.

Сокращению неравенства в мировом масштабе способствовал быстрый рост бедных и развивающихся стран, особенно Китая. Однако этот процесс порождает серьезное беспокойство в развивающихся странах и еще большее – в странах богатых. Впечатляющий дисбаланс, который в последние десятилетия наблюдается на финансовых рынках и на рынках нефти и недвижимости, может вызвать сомнения в неизбежности «пути равномерного роста», описанного Солоу и Кузнецом. Нет никаких оснований верить в то, подчеркивает Пикетти, что рост носит самоуравновешивающийся характер. На протяжении слишком долгого времени экономисты пренебрегали вопросом о распределении богатства, пора вновь сделать проблему неравенства центральной в экономическом анализе и вернуться к тем вопросам, которые были поставлены еще в XIX в. [Пикетти Т., 2016, с. 33, 34].

Из всех факторов, способствующих достижению большего равенства, Пикетти выделяет процесс распространения знаний и инвестиции в повышение квалификации и в образование. Процесс распространения знаний и навыков представляет собой ключевой механизм, обеспечивающий как общий рост производительности, так и уменьшение неравенства в каждой конкретной стране и в международном масштабе. Об этом свидетельствует пример многих бедных и развивающихся стран, начиная с Китая, которые успешно догоняют страны богатые. Другие процессы, в частности возрастание роли труда и доходов, приходящихся на труд, накопление человеческого капитала под влиянием технологического развития также имеют место, но в гораздо менее значимых масштабах. Но при этом главная сила конвергенции – распространение знаний – лишь отчасти является естественной и произвольной и в значительной степени зависит от политики в области образования, от обеспечения доступа к необходимым навыкам и от институтов, функционирующих в этой сфере. Основным же дестабилизирующим фактором, представляющим главную угрозу для динамики распределения богатств в долгой перспективе, является процесс накопления и концентрации имущества на фоне слабого

экономического роста и высоких доходов с капитала [Пикетти Т., 2016, с. 40, 41].

Ключевая сила, работающая на неравенство, по Пикетти, заключена в высоких значениях отношения между основным капиталом и национальным доходом на фоне сравнительно медленного экономического роста, что имеет место в последние десятилетия. При низких темпах роста имущество, накопленное в прошлом, естественным образом приобретает непропорциональное значение, поскольку достаточно небольшого притока новых сбережений для того, чтобы постоянно и существенно увеличивать размер основного капитала. Если к тому же уровень доходности капитала заметно и в течение долгого времени превышает показатели роста, — а это тем вероятнее, чем ниже рост, то возникает большой риск расхождения в распределении богатств¹.

Имеющаяся критика в адрес такого однозначного вывода сводится, в частности, к тому, что далеко не весь капитал используется для производства, а ограничение предложения капитала гарантирует высокую норму прибыли [Харвей Д.]. Но если подобные соображения и могут вполне обоснованно скорректировать расчетные показатели, они не могут в принципе повлиять на основные выводы, касающиеся динамики неравенства и способов борьбы с ним.

Экономический рост есть источник решения социально-экономических проблем, в том числе проблем неравенства. Но Пикетти добавляет к этому очевидному утверждению (т.е. к параметру темпа роста производства и дохода) важный параметр — уровень доходности капитала. Рост экономики во все времена был ниже доходности капитала, утверждает Пикетти. Капитал в XXI в., основанный на полученном наследстве, только увеличивает этот разрыв. Сделанные им расчеты показывают, что по крайней мере до XIX в. уровень доходности капитала почти постоянно превышал показатели роста, и это вполне может снова стать нормой в XXI столетии. Более того, эта ключевая сила расхождения в распределении богатства может увеличиться за счет дополнительных механизмов, например, если наряду с уровнем богатства быстро растет норма сбережений. Это означает, что рекапитализация имущества, нако-

¹ Уровень доходности капитала отражает то, сколько приносит в среднем капитал в течение года в виде прибыли, дивидендов, процентов, арендной платы и других видов дохода в процентном выражении к своей стоимости, а уровень роста — ежегодное увеличение дохода и производства.

пленного в прошлом, осуществляется быстрее, чем растут производство и доходы и, таким образом, концентрация капитала будет достигать очень высокого уровня, который, вполне вероятно, не будет соответствовать меритократическим ценностям и принципам социальной справедливости, лежащим в основе современных демократических обществ. Такое расхождение непостоянно и представляет собой лишь один из возможных сценариев будущего, но означенная тенденция, судя по вероятному снижению демографического и экономического роста, сохранится в ближайшие десятилетия [Пикетти Т., 2016, с. 44, 45].

Если эти прогнозы верны, то процесс приведет к тому, что богатые страны окажутся в собственности их же миллиардеров или все страны будут все больше принадлежать миллиардерам и мультимиллионерам планеты. Анализ, проведенный Пикетти, показывает, что эта тенденция уже обозначилась. В условиях прогнозируемого снижения темпов мирового роста и все более мощной конкуренции за привлечение капиталов все указывает на то, что неравенство в наступившем столетии будет сильным [там же, с. 464].

И все же некоторые основания для оптимизма остаются. И связаны они с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что период кризиса, охватившего глобальную экономику и, прежде всего, сказавшегося на динамике производительности, связан не столько с временными, циклическими факторами, но, главным образом, с долгосрочным циклом смены технологического способа производства (уклада). Кроме того, тенденция возрастания доходности капитала и увеличения неравенства упирается в недостаточность спроса, означающую невозможность реализации дохода с помощью механизма рынка, а кризис потребительского спроса, как известно, порождает экономический кризис, что вызывает необходимость стимулирования спроса. Именно резкое увеличение последнего, как указывают экономисты, привело к оживлению экономического роста и в итоге к некоторому снижению уровня неравенства после Второй мировой войны. Это – объективный экономический фактор, другой – политический.

Если верен вывод, сделанный Пикетти на основании обработки огромного массива фактических данных, что в исторической перспективе показатель доходности капитала превышает показатель темпов экономического роста, то это означает, что средство борьбы с экономическим неравенством заключено в политике государства, составляющими которой являются налоговые и финан-

совые механизмы перераспределения: налоги, социальное обеспечение, бюджет, бесплатные услуги (медицина, образование), цены. Распределение богатств – говорит Пикетти – всегда имеет большую политическую составляющую и не может сводиться к одним лишь экономическим механизмам.

Этот вывод о количественных взаимосвязях между динамикой накопления и различными видами доходов ведет к постановке задачи нахождения эффективных способов социальной организации и направлений государственной политики, которые позволили бы обществу продвигаться к равенству и справедливости. И вполне логично при исследованиях таких вопросов, как распределение богатства и формирование социальных структур, Пикетти призывает объединить методы и подходы, применяемые экономистами, историками, социологами и политологами [Пикетти Т., 2016, с. 50].

Естественно, что весьма существенную роль в сглаживании неравенства играет социальная политика государства. Ряд государств провозгласили своей целью создание так называемой социальной рыночной экономики и даже достигли определенных успехов, несмотря на противоречия в ходе реализации этой политики (Германия, Скандинавские страны).

В США на протяжении первого срока президентства Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63%, в течение второго – до 79%, в середине 1950-х годов был момент, когда он достигал 91%. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 45%, а на крупные наследства – с 20 до 77%. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшей 0,1%-ной долей американцев, упала за эти годы вдвое – с 21,5 до менее 10%. Следствием стало сокращение разрыва в доходах, которое произошло в США с 1920-х по 1950-е годы, резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников. Когда же в результате политики администраций Рейгана и Бушей были резко снижены налоги, уровень неравенства в США начала XXI в. стал соизмерим с концом XIX в. Если принять прирост национального богатства в США в 2000–2007 гг. за 100%, более 73% его пришлось на долю 1% населения. Лауреат Нобелевской премии П. Кругман делает на основании этих фактов вывод о том, что масштабный рост благосостояния в 1950-е и 1960-е годы и переход от общества, пораженного крайним неравенством, к относительно равномерному распределению доходов был прежде всего результатом осознанного политического выбора, а не след-

ствием «естественного» экономического развития [Шкаратан О.И., 2012, с. 219, 220].

Указав на «центральное противоречие капитала», выражающееся в том, что норма прибыли на капитал всегда превышает темп роста дохода, Пикетти фактически указывает на невозможность решения проблемы при отсутствии серьезного вмешательства со стороны государства, направленного на перераспределение богатств, которое должно выражаться в установлении прогрессивной шкалы налогообложения и имущественного налога на глобальном уровне. Такая политика провозглашается как возможное (хотя почти нереальное в политическом отношении) противоядие от дальнейшей концентрации богатств и власти.

Главный вывод Пикетти состоит в том, что лишь прогрессивный налог на капитал, взимаемый в мировом масштабе (или по крайней мере в масштабе достаточно крупных региональных экономических зон, таких как Европа или Северная Америка), сможет эффективно противодействовать росту неравенства. Этот вывод может быть основанием для введения прогрессивного налога на самые крупные состояния в мире, который представляет собой единственный способ установить демократический контроль над этим потенциально взрывоопасным процессом и при этом сохранить предпринимательский динамизм и открытость экономики в международном масштабе [Пикетти Т., 2016, с. 443].

Таким образом, исторический анализ, проделанный Пикетти, указывает на, очевидно, единственный или, по крайней мере, наиболее реальный способ сокращения экономического неравенства – регулирование капитала с помощью тех или иных институтов и политических мер, прежде всего прогрессивного налогообложения. Ничто, однако, не мешает поставить вопрос о роли самой собственности и перспективах ее эволюции. В том, что такая эволюция имеет место, нет сомнений, важно то, какой будет ее дальнейшая судьба.

Фактор собственности: Настоящее и будущее

Перспектива неравенства связана как с функционированием капитала и его взаимодействием с трудом в качестве факторов производства, так и с перспективой эволюции собственности. Во всяком случае прогноз будущего распределительного неравенства будет зависеть от будущего собственности, ее дальнейшей трансформации.

Собственность – важнейший социальный институт и экономическое отношение, а поэтому и важнейший фактор социальной стратификации и социального неравенства. «Отношения собственности раскрывают, кто принимает решение: где, что и как производить; как распределять произведенное; кого и как награждать, стимулировать за труд, творчество и организационно-управленческую деятельность. Другими словами, собственность реально раскрывается как процесс распоряжения, владения и присвоения. Это означает, что собственность есть властные отношения, форма экономической власти, т.е. власть владельца предмета над теми, кто им не владеет, но в то же время в нем нуждается» [Шкаратан О.И., 2012, с. 95].

Однако отношения собственности имеют свою историческую динамику. Отношения собственности как доминирующий фактор социальной стратификации выходят на первый план в определенный исторический период, когда совершается «переход от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации» [Радаев В.В., Шкаратан О.И., 1996, с. 312].

Нетрудно видеть, что совмещение этих типов свойственно некоторым видам социальной организации, отличным от форм, свойственных промышленным этапам развития передовых стран. И отголоски этих смещений просматриваются, в частности, в исторической траектории России вплоть до настоящего времени.

Многообразие факторов социальной стратификации хорошо иллюстрируется примером России, ее прошлым и настоящим. Так коллективом авторов ГУ-ВШЭ под руководством О.И. Шкаратана на основе представительного социологического обследования и опросов, охвативших весь постсоветский период, показано, что в России сложилась специфическая дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая – продукт отношений, складывающихся на рынке труда. Таким образом, получила подтверждение идея о формировании в стране неозакраченного общества, не являющегося подлинно буржуазным [Социально-экономическое неравенство..., 2009].

Этот специфический тип социально-экономических отношений, характеризующийся как «власть – собственность» (или «власте-

собственность»), уходящий корнями в подобие восточного деспотизма, или «государство ордынского типа», послужил моделью для советского (и постсоветского) этакратизма (главенства государства по отношению к обществу). В такой системе, отмечает О.И. Шкаратан, верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными является государство, которое становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства [Шкаратан О.И., 2012, с. 103].

«Характерной чертой индустриальной эпохи является распространение эгалитарных идеологий и постепенное исчезновение экстремальных форм неравенства, присущих кастовой, рабовладельческой, сословной и феодальной системам. Лишь по мере созревания пред-капиталистической и наконец собственно капиталистической социетальной системы начинает складываться стратификационная иерархия, в которой различия между группами имеют экономическую основу, а доминирующим критерием социального неравенства выступают отношения собственности. Они же находят свое проявление в специфических позициях групп людей на постепенно складывающемся рынке труда. В чистом виде классовое общество разделяется на собственников средств производства (работодателей), наемных работников и самозанятых. Классовая система предполагает, что социальные группы состоят из свободных и равных в политическом и правовом отношениях граждан» [Шкаратан О.И., 2012, с. 110].

С теоретической точки зрения собственность весьма неоднозначное и неоднозначное явление. Юридически собственность – это право, дающее возможность владеть, распоряжаться и пользоваться имуществом. Экономически – это присвоение, т.е. захват. С экономической точки зрения категория собственности не связана с правом, не имеет правовой основы. Наоборот, факт собственности вытекает из присвоения результатов использования имущества. Признаком собственности является доход в любой форме (процент, рента, прибыль, оброк и т.д., даже взятка как рента за присвоение коррумпированного права на должность). Пользуешься плодами – значит владеешь. Собственность и возникла из этого присвоения, иначе надо было бы признать, что ее кто-то даровал извне, но такого дарителя просто не существует. Иными словами, не только частная собственность, но собственность вообще создается совершенно искусственно. Собственность – это право сильного, и больше ничего (Прудон говорил – кража).

В то же время существование института собственности (т.е. это право и отношение) имеет объективную основу. Она возникла под влиянием двух факторов – обособления хозяйственных единиц (семья) и ограниченности ресурсов. Важно, что отношение собственности представляет собой фундаментальное общественное отношение, укорененное в системе человеческого менталитета, существенный и стойкий элемент культуры, передаваемый из поколения в поколение, хотя и носящий исторический характер, если рассматривать его на протяжении всего существования человека разумного¹.

При этом следует сказать, что собственность есть феномен далеко не только юридический, экономический и социально-экономический, а не в меньшей степени психологический и социально-психологический. Стоит понаблюдать за поведением ребенка, процессом его социализации, формированием его самосознания, чтобы видеть, что важнейшим элементом, основанием человеческого «Я» является «мое». И это «мое» лучше не трогать из опасения катастрофических ошибок и катаклизмов, которые в настоящее время уже достаточно хорошо описаны. Очевидно, что первым естественным правом собственности было право пользования (мое то, чем я в данный момент пользуюсь). Все остальные права появились в результате хозяйственного обособления, которое требовало осуществления новых операций и, соответственно, новых

¹ Полемика о собственности представляет богатейший материал и спектр мнений. Приведем лишь одно высказывание, принадлежащее П.А. Столыпину, доказывавшему в письме Л.Н. Толстому пагубные последствия отсутствия крестьянской собственности на землю в России. «Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т.п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т.е. при наличии права собственности на землю» [Письма П.А. Столыпина]. История подтвердила правоту Столыпина. Следствием отрицания этих положений является обратный эффект: дикий разгул инстинктов собственничества и приобретательства на фоне правового беспредела, наблюдаемый в современной России.

прав, их обеспечивающих. И первым актом такого обособления было возникновение семьи.

В основе появления института собственности, а значит и всех институтов собственнического общества, лежит выделение семьи в качестве первичной общественной ячейки. Чтобы ликвидировать собственность, а также деньги и т.д., необходимо в качестве первичного условия ликвидировать семью как социальный механизм обеспечения рождения и воспитания детей. По всей видимости, большевики это прекрасно понимали. В распространении коммуналок, строительстве домов-коммун и т.п. в первые годы советской власти проявлялся не только дефицит благоустроенного жилья, но и сознательная социальная политика эрозии семьи, ее подмены «коммунной» как первичной ячейки самоорганизации общества. Уже в период брежневского «развитого социализма» был принят закон о трудовых коллективах, где эти коллективы объявлялись первичной ячейкой социалистического общества. Все это, однако, противоречит природе современного человека. Когда окончательно рухнет семья, только тогда исчезнут предпосылки и стремление к собственности, т.е. объективные и субъективные ее причины, и сформируются условия для утверждения общественной собственности, точнее, общества без собственности, подобного с этой точки зрения первобытному. Эти условия могут быть названы *обобществлением воспроизводства* (точнее обобществлением социальной организации воспроизводства человека как биологического вида) в добавление к хорошо известному из марксистской теории обобществлению производства.

Современный Запад, допуская разрушение семьи, видимо не подозревает, что тем самым готовит гибель своей экономической системы, основанной на частной собственности. Чтобы коммунизм перестал быть утопией, должно произойти обобществление не только производства, но и воспроизводства самой человеческой популяции. Это, между прочим, довольно оптимистический для коммунизма вывод. Он тем самым перестает быть абсолютной утопией и остается только утопией относительной.

Историческая динамика собственности связана с переносом основного значения с политических на экономические факторы, с обладания властью на обладание собственностью. Сначала власть дает собственность, затем собственность — власть. «Знатность происхождения и власть над зависимыми людьми вооруженных сеньоров уступает место маркировке людей по богатству и собственности. В современных информационных обществах наблю-

датели отмечают сосуществование и переплетение нескольких... систем неравенства (или иерархии): власти, собственности, престижа, многие добавляют как особую систему неравенства образование». Конечно, власть в той роли, в какой она служит основанием социальной стратификации, т.е. понимаемая как господство, означает прежде всего возможность распоряжения ресурсами общества, причем далеко не только экономическими (материальными, информационными, политическими, статусными, ресурсами принуждения). В качестве дополнительных факторов стратификационной иерархии фигурируют человеческий, культурный и социальный капитал. В этой системе переплетаются классовая иерархия с иерархией по владению человеческим и культурным капиталом [Шкаратан О.И., 2012, с. 54, 113]. Особый случай отношений власти и собственности, их фактического слияния и возникновения своего рода синтеза «властесобственности», представлен исторической траекторией советской России, продолженный и получивший свое завершение в постсоветский период в виде овладения номенклатурой «полновесно-правового владения и распоряжения» [Пивоваров Ю.С., 2014, с. 52].

Существование различных видов неравенства, различных его проявлений означает, что оно принципиально не исчезает даже с ликвидацией формальной частной собственности, чему мы были свидетелями в недавней истории. С другой стороны, при сохранении частной собственности возможно смягчение, сглаживание неравенства, чему также есть наглядные примеры.

Не будет преувеличением сказать, что эволюция современного капитализма во многом связана с эволюцией собственности. Можно отметить следующие ее проявления на протяжении XX–XXI вв.:

- появление и развитие новых форм собственности;
- появление и усиление роли новых объектов собственности;
- снижение роли собственности вообще как одной из опор рыночной экономики.

Новые формы собственности – коллективная, институциональная, публичная, развившиеся на протяжении XX в., снижают роль частной собственности, ее место в системе экономических отношений. Развитие коллективных (акционерных) форм собственности связано с отделением собственности от управления. Идея, поданная Т. Вебленом, была развита А. Берли и Г. Минзом в их известной книге «Современная корпорация и частная собственность» [Berle A.A., Means G.S., 1933], а затем исследована

многими зарубежными и отечественными экономистами [Меньшиков С.М., 1965].

Берли и Минз на основе обширного статистического материала пришли к выводу о новой стадии капитализма, которая, принципиально отличаясь от капитализма прошлого, основана на господстве крупных акционерных компаний, в которых раздробленная и размытая собственность инвесторов отделена от контроля. Вместе с тем при такой ее форме (акционерной) значительных масштабов достигает диффузия собственности, но одновременно она же способствует невиданной концентрации экономической власти. Концентрация собственности и образование гигантских объединений финансового капитала являются мощными факторами углубления неравенства.

Российская экономика в этом плане показательна. Массовая приватизация привела к чрезвычайной концентрации собственности, причем в России это явление, обычное для процесса массовой приватизации, приняло особо крупные размеры. В результате возникла мощнейшая финансовая олигархия. «Собственность, — напоминает И. Самсон, — это институт, который не меняется ни одним декретом, ни одномоментно. Если в экономике попытаться слишком поспешно повсюду насаждать частную собственность через массовую приватизацию, то она быстро сконцентрируется там, где есть экономическая власть» [Самсон И., 1998, с. 126].

В то же время в развитых странах на протяжении XX в. экономическая власть переходит в руки менеджеров, которые осуществляют контроль над экономикой в своих интересах. Иллюстрацией могут служить размеры вознаграждения менеджеров высшего звена, которые, по данным Пикетти, повышали свои доходы на 8% в год, тогда как все остальные лишь на 0,5%. Неравенство в оплате между среднестатистическим рабочим и гендиректором в 1970 г. было на уровне 1:30, а сейчас в среднем более чем 1:300, а в некоторых случаях доходит до 1:1200 [Харвей Д.]. Если индивидуальная частная собственность (предпринимательская собственность малого бизнеса) занимает ведущее место в экономике как форма собственности огромного числа предприятий малого и среднего масштаба, то акционерная, т.е. коллективная частная собственность достигла доминирующих позиций по размерам контролируемых активов. Вместе с тем эти процессы определили возвышение среднего слоя менеджеров и специалистов-профессионалов. Интенсивно развиваясь на протяжении XX в., они внесли изменения в триаду владения-распоряжения-пользования.

Другой существенный процесс, определяющий эволюцию форм собственности – развитие частных и общественных институтов, владеющих и контролирующих огромные активы во всех секторах экономики (инвестиционные компании, инвестиционные и пенсионные фонды, страховые компании). Например, пенсионные фонды в США и других развитых странах владеют значительной частью частного имущества, в том числе производственных активов.

Относительно новое явление – суверенные фонды, образующиеся за счет отчислений в государственные резервы нефтедобывающих и некоторых других стран. Их общий объем инвестиций оценивается более чем в 5 трлн долл. Если в сегодняшнем мире миллиардеры владеют примерно 1,5% от общего объема частного имущества в мире, то суверенным фондам принадлежит еще 1,5% мирового частного имущества [Пикетти Т., 2016, с. 469].

Кроме того, не теряет своего значения и даже развивается такая форма, как кооперативная собственность, которая достигает значительных масштабов, в том числе в развитых странах в целом ряде отраслей (прежде всего, в аграрно-промышленном комплексе). Объединение в производственные и сбытовые кооперативы служило традиционным решением для фермерских и крестьянских хозяйств, и не только в развивающихся странах, где оно нередко играет ключевую роль, но и для многих развитых. Эта форма также не стоит на месте. В рамках Всемирного банка была разработана новая «Модель фермерской собственности» (Farmer ownership model) с целью возрождения производственных и сбытовых кооперативов в более современной и ориентированной на частный сектор форме, предполагающей взаимосвязь рынков продукции и средств производства, которая применяется в ряде стран Африки и Латинской Америки [Стиглиц Дж., Эллерман Д., 2000]. К сожалению, в постсоциалистических странах, а также, безусловно, и во многих развивающихся странах, «кооперативы» были в большей степени государственными, а не подлинно фермерскими организациями.

Собственность и в прошлом, и в настоящем понимаемая как владение капиталом, являющимся основным элементом общественного богатства, была и остается важнейшим фактором социально-экономического неравенства. Тем не менее Новейшее время является свидетелем появления и роста значения новых факторов, связанных с выдвижением новых форм капитала – человеческого, интеллектуального, социального. На смену формальному неравенству в доступе к полному среднему и высшему образованию пришло более тонкое и гибкое фактическое неравенство в качестве

образования и в объеме реального интеллектуального капитала [Шкаратан О.И., 2012, с. 117]. Эти новые, по сути, ресурсы, которые также в широком смысле являются объектами собственности, но нового типа, определяют, по всей видимости, и новые типы отношений неравенства. Так, интеллектуальный капитал есть обладание заключенными в самих людях способностями и компетенциями в области информационных и других передовых технологий, знаниями и возможностями их продуктивного применения в своей деятельности.

Поставив прямой вопрос: совместимо ли равенство с частной собственностью, ответим на него так: смотря какое. Равенство может быть различным по форме и по существу. Оно распадается надвое: равенство возможностей и равенство состояния. Первое возможно, если понимать его как равенство перед законом. Второе – безусловно нет и вряд ли достижимо когда-либо вообще, по крайней мере в обозримом будущем, что, конечно, не закрывает путь для его теоретического исследования.

Эта простая истина была хорошо известна еще демократам и социалистам XIX в., не говоря уже о марксистах. Вот что говорил по этому поводу, например, М.А. Бакунин на Втором конгрессе мира в Берне в 1868 г.: «Пока будет существовать частная унаследованная собственность, нельзя претворить в жизнь равенство возможностей, экономическое и социальное равенство». Согласно Бакунину, экономическое и социальное равенство – это «ликвидация разных существующих в настоящее время классов... равенство не только с политической точки зрения, т.е. не только равенство перед законом, но также и с точки зрения экономической и социальной организации, в сфере культуры, воспитания, образования, средств к существованию и работы, которые должны быть одинаковы для всех, чтобы все были обязаны в равной степени заниматься и умственным и физическим трудом и чтобы общество, избавленное от врожденной привилегии, экономически и социально реализуемой в наследственном праве, впредь не могло быть разделено, как наше, на работников и господ» [Речи Бакунина..., 1978].

Звучит утопично и вполне напоминает несостоявшиеся лозунги, ибо и в советском квазисоциализме не было никакого социального и экономического равенства. Очевидно, что повсеместно (в том числе в самых развитых не только в экономическом, но и в социальном аспекте странах) сегодняшнее общество жертвует равенством ради определенности экономической организации и мотивации к труду, т.е., в конечном счете, ради эффективности.

Сказанное позволяет сделать вывод, что достижение реального распределительного равенства сопряжено с условием, невыполнимым, по крайней мере, в обозримой перспективе. Более конструктивной является постановка вопроса не об утопической ликвидации неравенства, а о сближении, или противодействии расхождению полюсов имущественного положения (содержащаяся, например, в книге Пикетти). В то же время отношения собственности как одна из фундаментальных опор капиталистической экономики в современных условиях по сравнению с эпохой первоначального капитализма уступают главенствующую роль таким ее опорам, как конкуренция, инновации и другие факторы. Об этом писали, например, Стиглиц, Портер и другие авторы. Дж. Стиглиц, рассматривая частную собственность и конкуренцию как «сиамских близнецов», делает категоричный вывод: опыт Китая и России демонстрирует, что конкуренция более важна для успешного экономического развития, чем форма собственности [Стиглиц Дж., 1998, с. 24]. Многие другие экономисты подчеркивали, что именно конкуренция, а не частная собственность, является «секретом рыночной экономики» [Интрилигейтор М., 1996, с. 134].

Таким образом, роль частной собственности видоизменяется, эволюционирует, ее пространство постепенно, в перспективе сужается, что служит объективной основой для сглаживания распределительного неравенства.

В поисках экономической модели

Обзор исследований по проблеме неравенства позволяет выделить несколько гипотетических подходов к решению проблемы.

1. Усиление воздействия на капитал как объект регулирования, расширение регуляционной и распределительной функций государства с помощью налоговых и других мер, регулирование режимов доходности, накопления и наследования капиталов.

2. Ускорение экономического роста на основе применения новых моделей роста с подтягиванием к лучшим историческим показателям с помощью максимального использования факторов технологического прогресса и других возможных рычагов стимулирования роста.

3. Изменение стратегической модели бизнеса и его позиции в обществе на основе доказательства и признания эффективности социальной ответственности и встраивания ее принципов в стратегию предприятий.

4. Изменение модели самой экономики в направлении отхода от принципа погони за экономическим ростом и накоплением капитала во что бы то ни стало, т.е. принципиальный отход от модели максимизации возрастания основных параметров экономики. Однако, учитывая, что в европейско-атлантическом социокультурном ареале накопительство представляет моральную ценность, чтобы получить такой результат, необходимо изменить систему ценностей, психологию человека, а это самая сложная задача.

При всех достижениях человечества в области социально-экономического развития феномен неравенства остается весьма устойчивым. Вместе с тем динамика различных типов неравенства различна. Гигантский взрыв, скачок от равенства к неравенству произошел с возникновением отношений собственности. В дальнейшем при всех противоречиях и зигзагах этого процесса определенный общий вектор поступательного развития все же существует, и заключается он в сокращении всех видов неравенства.

Экономическая справедливость, как и экономическое равенство располагают множеством толкований и ни одним доказательством, а это означает фактическую их неосуществимость. Это не относится к правовому равенству (равенству в правах и перед законом, или равенству возможностей) и правовой справедливости (т.е. законности). Если правовое неравенство может быть устранено или, по крайней мере, смягчено в процессе социального развития, то сложнее еще с одним понятием, используемым в экономических исследованиях – ресурсным равенством, т.е. равенством в фактическом доступе к ресурсам. Что касается фактического имущественного, или распределительного неравенства, то с ним, по всей видимости, ничего нельзя сделать в принципе, ибо всякая попытка его достижения будет означать нарушение других видов равенства.

В лозунге революции «свобода, равенство, братство» подразумевалось именно равенство в правах. Перегибы революции, выраженные в тотальной экспроприации, означали лишь разрушение производительных сил. Коренной, может быть важнейшей ошибкой большевизма была попытка подмены равенства возможностей распределительным равенством.

В первом случае – относительно равенства возможностей – исторический вектор вполне ясен: от момента появления государства, когда люди, причастные к государственной власти, – все, остальные – ничто, к постепенному сокращению непреодолимых классовых и сословных различий, к появлению социальных лифтов,

возможности которых заложены уже в самом строе, его законах и морали. Это, собственно, выражается в понятии социального прогресса. Мировым лидером в этом процессе была, конечно, Европа. Большой скачок в этом направлении был сделан благодаря буржуазным революциям. Возникший в результате строй капитализма впервые в истории предоставил формальное равенство прав гражданам передовых стран.

С равенством второго рода дело обстоит значительно сложнее. Оно не только не достигнуто, но и вряд ли достижимо, и движение здесь подвержено значительным зигзагам, отступлениям и провалам. Вместе с тем очевидно, что распределительное равенство означает фактическое неравенство в силу природного неравенства индивидов, т.е. неравенства их объективных и субъективных способностей и потребностей. Эта диалектика означает принципиальную неразрешимость проблемы с помощью каких-либо распределительных механизмов. Идея «все отнять и поделить» не проходит ни по каким параметрам – ни по критерию осуществимости, ни по критерию справедливости. Политика борьбы с неравенством предполагает иные подходы.

Различные исследователи говорят о разнонаправленности тенденций в различные периоды новой истории. И здесь просматривается некоторое расхождение в подходах и выводах между социологами и экономистами. Социологи видят не столько динамику фактических разрывов, сколько исчезновение старых и появление новых факторов социальной дифференциации. К. Маркс в XIX в. доказывал, что динамика накопления частного капитала приводит ко все большей концентрации богатства и власти в руках немногих. Американский экономист С. Кузнец в XX в. полагал, что факторы роста, конкуренции и технического прогресса обеспечивают сокращение неравенства и гармоничную стабилизацию на высших стадиях развития. Экономисты (Пикетти, например, фактически вслед Марксу) склонны видеть прежде всего углубление фактического, распределительного неравенства на протяжении XIX–XX вв. Пикетти отмечает, что экономический рост и распространение знаний позволили избежать марксистского апокалипсиса, но не изменили глубинной структуры капитала и неравенства. Если уровень доходности капитала устойчиво превышает показатели роста производства и доходов, как это было в XIX в. и как, вполне вероятно, будет в веке XXI, капитализм автоматически создает нетерпимое, произвольное неравенство и ставит тем самым

под удар меритократические ценности, которые лежат в основе демократических обществ [Пикетти Т., 2016, с. 20].

Конечно, при этом важно не только состояние разрыва, но и положение низшей точки отсчета неравенства. Об этом живо напоминают описания положения европейского рабочего класса времен Маркса и Энгельса, когда нищета промышленного пролетариата была характерным явлением, или российских полукрепостных работников, скажем, на металлургических заводах или шахтах. И то и другое прекрасно описано в соответствующей литературе. Между тем, по-видимому, фактическая база еще недостаточна, исследован материал только ведущих стран.

Очевидно, что решение вопроса во многом будет зависеть от географического охвата и временного горизонта исследования. Общая тенденция, или вектор мирового развития, на протяжении истории покажет сначала невиданный скачок неравенства с появлением собственности и государства, а затем медленное, постепенное и непрямолинейное движение к его сглаживанию. В противном случае можно было бы сделать вывод об отсутствии социально-экономического прогресса вообще.

Сегодня мы видим, что технологический прогресс, устойчиво и невиданными темпами развивавшийся в виде последовательных технологических революций, и как следствие этого высокие темпы экономического роста и роста производительности труда оказались способны в какой-то мере уравновесить процессы накопления богатства и продемонстрировать несостоятельность прогнозов абсолютного и относительного обнищания.

Замедление этих процессов, вступление мировой экономики в новую фазу, заставляющую экономистов заняться поисками новой модели экономического роста, грозит новым обострением. Говоря словами Т. Пикетти, «накопление останавливается в определенной точке, но эта точка может находиться слишком высоко, что ведет к дестабилизации. Как мы увидим, наблюдаемый с 1970–1980-х годов сильный рост общей стоимости частного имущества, измеренной в годовом национальном доходе, во всех богатых странах – особенно в Европе и Японии – полностью подтверждает эту мысль» [Пикетти Т., 2016, с. 29].

Сегодня многие авторы стали на позиции замены модели государства благосостояния (welfare state) новой моделью, отражающей резкое ухудшение экономического и социального статусов основных групп населения. Дело в том, что период относительно высоких темпов роста («тучные годы») сменился эпохой низких

темпов, а моментами и застоя. Это не могло не привести к зафиксированной исследователями отрицательной социальной динамике, что находится в полном соответствии с диалектикой взаимодействия экономического и социального развития.

Сегодня проблема обостряется устойчиво низкими темпами глобального экономического роста, вызванными, по всей видимости, фазой перехода к новому большому экономическому циклу на фоне новой, цифровой промышленной революции. Конкретно это выражается в замедлении роста производительности труда и в тенденции падения инвестиционной активности. Показатель глобального роста снизился с 4,4% в 2010 до 2,5% в 2015 г. [World Economic Forum, 2016, p. 4]. В результате к внутренней социальной поляризации добавляется также устойчивое глобальное неравенство между странами и регионами, обостряемое во многих странах с низким уровнем доходов слабой конкурентоспособностью, макроэкономической нестабильностью, зависимостью от товарного экспорта и трудностями диверсификации экономики.

В то же время, как говорится, например, в докладе Всемирного экономического форума, растущее неравенство в доходах ограничивает перспективы роста. Во многих странах, в том числе с формирующимся рынком, этот фактор наряду с другими способствует протекционистским тенденциям, препятствует открытости экономики и проведению реформ, направленных на подъем производительности и конкурентоспособности, что в свою очередь способно вызвать рост социальной поляризации и напряженности. Благоприятные перспективы экономического роста и социально-экономического развития связываются с технологическим прогрессом, цифровой революцией. Надежды связываются с передовыми технологиями – искусственным интеллектом, робототехникой, биотехнологией, интернетом вещей, аддитивными технологиями и др. – открывающими новые перспективы для роста и развития [World Economic Forum, 2016, p. 4–5].

Однако эти процессы могут иметь и обратные эффекты, усиливающие социальное расслоение, в том числе в сферах, которые непосредственно затрагивают благосостояние людей и теоретически рассматриваются как факторы, противодействующие неравенству (информатика, здравоохранение, образование). Так, исследование, недавно проведенное Лондонской школой экономики, обнаружило, что применение Интернета способствует усилению социального неравенства между богатыми и бедными. Это выражается в том, что люди с высоким уровнем образования и доходов

извлекают более значительную выгоду, пользуясь Интернетом, состоящую в возрастании объемов доступной информации, расширении возможностей совершения сделок в режиме онлайн и т.д. Пользователи с низким уровнем доходов, напротив, лишены таких преимуществ независимо от доступа к Интернету и степени владения требуемыми навыками [Internet use increases social inequalities...]. Это еще раз подтверждает мысль о том, что научные, технологические и организационные достижения человечества могут иметь две стороны, и их использование в качестве общественного блага требует соответствующих условий и механизмов.

Сокращение неравенства всегда связывалось с экономическим ростом, который служил и продолжает служить источником повышения благосостояния. Вместе с тем есть и очень важная обратная сторона этой взаимосвязи, состоящая в том, что неконтролируемый рост неравенства как раз препятствует ускорению экономического подъема [Колодко Г., 2009, с. 275]. Как и всякое человеческое достижение, новая промышленная революция с ее фундаментальными последствиями имеет и обратную сторону, несет потенциальные угрозы для экономического равенства.

Результаты технологического развития, как и многие, если не все, достижения человеческой научно-технической и организационной мысли, имеют две стороны. Наиболее вопиющий пример сегодня – достижения медицинской науки, способные продлить человеческую жизнь, но, будучи дорогостоящими, как и все новые технологии, могут стать доступными лишь узкому кругу богатых или пользующихся покровительством государства людей, привилегированным слоям общества, а, значит, могут лишь углубить неравенство между людьми.

Это означает, что надежды на научно-технический прогресс, способный сам по себе решить социальные проблемы, лишены основания. Такой прогресс должен непременно сопровождаться социально-экономическим развитием, становлением и укреплением общественных институтов, превращающих его достижения в безусловное благо.

Сегодня в решении проблем неравенства можно условно выделить два направления – количественного и качественного роста. Качественный рост означает коренные изменения в экономической системе, согласующиеся с новым технологическим укладом, новым этапом промышленной революции, с выработкой новой модели экономики.

Однако новая модель роста может состояться только как следствие коренных преобразований не только в экономической сфере. В особой мере это относится к России. Здесь чтобы перейти к этой новой модели необходимо продолжить и расширить реформы в области политической системы и в институциональной структуре с решительным поворотом к демократии, которые хорошо известны и много раз описаны. Но, пожалуй, прежде всего необходимо решительно отказаться от модели государственно-монополистического капитализма, многократно доказавшей свою неэффективность, а в российских условиях еще и круто замешанной на коррупционной составляющей.

Кризисные явления сегодня свойственны в той или иной мере не только российской экономике, но и многим другим развитым и развивающимся экономикам. Можно говорить фактически о глобальном кризисе модели роста, господствовавшей на протяжении предшествовавшего длинного цикла и свойственного ему способа производства (технологического уклада).

Следует предположить, что исчерпала свой потенциал и испытывает кризис не только модель роста, но и современная модель экономики в целом, как ее ни называй. Это уже давно не экономика капитализма времен Маркса, на основе анализа которой был придуман коммунизм. Это уже и не экономика империализма времен Ленина с ее сращиванием монополий с государством, более характерным для экономики современной России. Капитализм в его наиболее развитой форме перерос эту стадию и превратился в социальную рыночную экономику (хорошо просматривающуюся в скандинавских странах и Германии). Теперь исчерпана не только экономика капитализма, но и современная рыночная экономика. Исчерпана и идея коммунизма, на долгие годы дискредитированная практикой ленинско-сталинского большевизма. Сегодняшняя модель, господствующая в мире, это экономика роста за счет расширения спроса и потребления, или короче, экономика потребления.

Инновационная активность превратилась в механизм конкуренции, когда миссия инновации сводится к конкуренции за счет того же стимулирования спроса и роста потребления, но не к росту благосостояния за счет роста общественной производительности труда, а рента и прибыль – в главный (фактически единственный) мотив хозяйственной деятельности.

Сохранение этой модели грозит не только исчерпанием многих видов природных ресурсов и нанесением огромного ущерба экологической среде, но и моральной деградацией человечества,

поскольку в погоне за потреблением материальный прогресс намного обогнал прогресс духовный и этот дисбаланс продолжает катастрофически расширяться. Принципиально в этом нет ничего удивительного, поскольку динамика социальных (социокультурных) процессов, обладающих значительно большей исторической инерционностью, всегда отстает от материальных (развития производительных сил, технологических укладов). Однако невиданное ранее ускорение последних в XX и XXI вв. возвело проблему на грань катастрофы.

Именно в этом дисбалансе видится причина всех сегодняшних кризисных явлений и катаклизмов, охвативших буквально весь мир и поразивших как отдельные страны, так и глобальную экономику и политику. В условиях моральной деградации даже дополнительное свободное время, возникающее в результате инновации и роста производительности, начинает представлять дополнительную общественную угрозу. Отсюда и радикализация и поляризация политических течений (отход от центризма, правые уходят вправо, левые – влево, политические либералы превращаются в импотентов, экономические сходят со сцены, консерваторы тяготеют к авторитаризму).

Человечеству предстоит научиться обеспечивать экономический рост за счет других источников, либо жить и решать социальные проблемы без фактора роста, на основе каких-то других источников и ресурсов, например, за счет перераспределения богатства («революционный» способ – «все отнять и поделить» – оказался несостоятельным), или за счет его эффективного использования. Вопрос в том, насколько нужно это постоянное расширение производства и потребления, где заложена необходимость непрерывного роста и есть ли ему предел? Вот задача – рассмотреть это теоретически. Как отмечает Дж. Стиглиц, экономическая наука еще только начинает понимать взаимосвязи между демократизацией, неравенством, охраной окружающей среды и экономическим ростом. Но вывод его оптимистичен: знания позволяют надеяться на выработку дополнительных стратегий развития, направленных на достижение названных целей [Стиглиц Дж., 1998, с. 31].

Магистральное направление будущего поиска, как представляется, это отказ от всяких проявлений экстенсивного развития и перенос внимания полностью на интенсификацию социально-экономических процессов, т.е. на их эффективность. Главное – отказаться от безумной погони за инновациями как таковыми, от механизма, толкающего к непрерывному поиску новых организа-

ционных форм, технологий, производств, бизнес-моделей и моделей потребления и т.п. Предстоит найти способы замены этого механизма другим – механизмом, позволяющим более эффективно решать проблемы социального развития и благосостояния без безумной погони за ростом производства и потребления, открытием и эксплуатацией новых дополнительных природных ресурсов и т.д. Где скрывается этот механизм – это предмет поиска для последующих поколений ученых и политиков.

Развитие производительных сил, организационного и технологического потенциала, новые формы технологических укладов и моделей бизнеса создают основу для экономического роста, который, в свою очередь, открывает возможности для сглаживания неравенства и создает предпосылки для постепенного продвижения к более высокой ступени равенства, реализация которых зависит, кроме того, от целого ряда дополнительных социальных, институциональных, политических условий. Но достижения технологических революций создают условия и предпосылки для движения к равенству, но не ведут к нему автоматически. Лишь сознательные и целенаправленные действия людей способны ликвидировать или по крайней мере смягчить вопиющие проявления неравенства и несправедливости в человеческом обществе.

Если говорить о сугубо практической стороне борьбы с неравенством, то она лежит в политической области. Следует, очевидно, помнить, что все достижения так называемого социального прогресса на протяжении человеческой истории добывались в противостоянии между группами социальной стратификации (классами как их частным случаем) и борьбе людей за свои права и условия жизни. Конечно, эта борьба вовсе не обязательно сопряжена с насилием, она может реализоваться в различных формах – от революционных до вполне эволюционных и демократических, что зависит от социально-экономической зрелости и исторических традиций соответствующего общества.

Список литературы

1. Бетелл Т. Собственность и процветание. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 475 с.
2. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.
3. Игнаткин О.Б. Равенство в свободе: Принципы полит. философии Р. Дворкина / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2008. – 203 с.

4. Интрилигейтор М. Шокирующий провал «шоковой терапии» // Реформы глазами американских и российских ученых. – М.: Фонд «За экон. грамотность», 1996. – С. 128–136.
5. Колодко Г. Мир в движении. – М.: Магистр, 2009. – 575 с.
6. Меньшиков С.М. Миллионеры и менеджеры: Современная структура финансовой олигархии США. – М.: Мысль, 1965. – 455 с.
7. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014. – 336 с.
8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1001538457-kapital-v-xxi-veke-tomas-piketti>
9. Письма П.А. Столыпина Л.Н. Толстому. 23 октября 1907 г. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1636>
10. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
11. Речи Бакунина и Мрочковского на Втором конгрессе мира в Берне // Колокол: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Женева, 1868–1869. Переводы, комментарии, указатели. – М.: Наука, 1978. – С. 105–107.
12. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 532 с.
13. Самсон И. Придет ли Россия к рыночной экономике? // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 8. – С. 124–135.
14. Сен А. Об этике и экономике. – М.: Наука, 1996. – 160 с.
15. Стиглиц Дж., Эллерман Д. Мосты через пропасть: Макро- и микростратегии для России // Пробл. теории и практики упр. – М., 2000. – № 5. – С. 18–24.
16. Стиглиц Дж. Многообразие инструментов, шире цели: Движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 8. – С. 4–34.
17. Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
18. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. – М.: Олма медиа групп, 2009. – 560 с.
19. Харвей Д. О книге Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке». – Режим доступа: http://www.finansy.ru/st/post_1431932643.html
20. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 526 с.
21. Этика: Хрестоматия. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2006. – 522 с.
22. Autor D.H. Why are there still so many jobs? The history and future of workplace automation // J. of econ. perspectives. – Princeton, 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 3–30. – Mode of access: <https://www.aeaweb.org/issues/381>
23. Berle A.A., Means G.S. The modern corporation and private property. – N.Y.: Macmillan, 1933. – 289 p.

24. Dworkin R. Sovereign virtue: The theory and practice of equality. – Cambridge: Harvard univ. press, 2000. – 492 p.
25. Internet use increases social inequalities, LSE study shows. – 2016. – Mode of access: <http://www.lse.ac.uk/website-archive/newsAndMedia/news/archives/2016/02/Internet--social-inequalities.aspx>
26. Mokyr J., Vickers C., Ziebarth N.L. The history of technological anxiety and the future of economic growth: Is this time different? // J. of econ. perspectives. – Princeton, 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 31–50. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1257/jep.29.3.31>
27. World economic forum. The global competitiveness report 2016–2017: Competitiveness agendas to reignite growth: Findings from the Global competitiveness index / Schwab K., Sala-i-Martin X. eds. – Geneva: WEF, 2016. – P. 3–33. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf

С.Н. Смирнов

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И ЕГО СЛЕДСТВИЯ:
ПРИМЕР СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

В России существуют серьезные межрегиональные различия уровней благосостояния населения. Одним из показателей, используемым для сопоставлений, является отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму. Статистический анализ свидетельствует, что значение этого показателя связано с уровнем экономического развития субъекта Российской Федерации и, в свою очередь, влияет на те виды экономической деятельности, которые ориентированы на удовлетворение спроса потребителей – физических лиц. В регионах с более высоким уровнем душевых доходов населения, как правило, ниже доля бедных, доходы которых не достигают прожиточного минимума.

Ключевые слова: социальное неравенство; доходы населения; прожиточный минимум.

Неравенство в современной России

Социальное неравенство присуще любой экономической системе, хотя его формы могут быть различны. В экономике дефицита неравенство во многом определяется не столько дифференциацией заработных плат и пенсий, сколько возможностью доступа к дефицитным товарам и услугам, который обуславливал в том числе

¹ Статья написана по проекту Российского фонда фундаментальных исследований № 17-06-00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации / дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

и имущественное расслоение населения. В рыночной экономике, где основным дефицитом являются деньги, феномен социального неравенства определяется именно доходами населения, непосредственно влияющими на формирование имущественных и финансовых активов граждан. Справедливо отмечается, что «одним из основных индикаторов, позволяющих оценить направленность трансформационных процессов в обществе, является характер социального неравенства, поскольку последний выступает продуктом конкретной системы социальных и экономических отношений» [Нова ли новая Россия?, 2016, с. 153].

Проблемам социального неравенства в современной России посвящены многочисленные работы, которые опираются на существующий понятийный аппарат, определяющий социальное неравенство как двухуровневый феномен. Первый уровень – это неравенства, носящие системный, надличностный характер (экономические, политические, социально-статусные, распределительные, властные и т.п.). Второй уровень социального неравенства определяется объективными факторами – различиями индивидуальных свойств и возможностей личности [Социальное неравенство..., 2008]. В настоящей статье мы остановимся на одной из компонент социального неравенства первого уровня, а именно, экономической компоненте – дифференциации населения по денежным доходам. Существующее имущественное расслоение является предметом самостоятельного исследования и здесь не рассматривается.

Показатели дифференциации российского населения по денежным доходам стали разрабатываться государственной статистикой с начала 1990-х годов с переходом к рыночной экономике, когда государство утратило возможности их жесткого регулирования. Одним из таких показателей является коэффициент фондов, рассчитываемый как соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения. Динамика этого показателя (табл. 1) достаточно интересна и, как представляется, вполне логична.

Действительно, начальный период экономических реформ в России сопровождался резким – более чем полуторакартным увеличением расслоения населения по величине получаемых доходов. В дальнейшем же наблюдалось лишь плавное повышение коэффициента фондов. Даже приватизация, обусловившая взрывной рост неравенства россиян, не стала фактором резкого повышения коэффициента фондов. А вот так называемый «нефтяной бум» первой половины – середины 2000-х годов привел к ускорению роста до-

ходной дифференциации населения: коэффициент фондов увеличился с 13,9 в 2000–2001 гг. до 16,7 в 2007 г. (накануне «второго» финансово-экономического кризиса), или более чем на 1/5. Начиная с 2008 г. коэффициент фондов постепенно снижался, не исключая и периода экономического спада 2014–2016 гг.

Таблица 1

Коэффициент фондов в Российской Федерации

Год	Российская Федерация	Максимальное значение / регион	Минимальное значение / регион
1992	8,0	Н/д	Н/д
1993	13,5	Н/д	Н/д
1994	15,2	Н/д	Н/д
1995	13,5	38,6 / г. Москва	4,5 / Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия
1996	13,3	44,5 / г. Москва	4,5 / Республика Ингушетия
1997	13,6	42,1 / г. Москва	6 / Чувашская Республика
1998	13,8	42,4 / г. Москва	4,8 / Ленинградская область
1999	14,1	47,3 / г. Москва	4,9 / Ленинградская область
2000	13,9	46,3 / г. Москва	6,1 / Ленинградская область
2001	13,9	47,9 / г. Москва	7,2 / Кировская область
2002	14,0	41,9 / г. Москва	7,4 / Ленинградская область
2003	14,5	48,7 / г. Москва	7,6 / Тверская область
2004	15,2	43,1 / г. Москва	8,0 / Владимирская область
2005	15,2	37,1 / г. Москва	7,9 / Ивановская область
2006	15,9	39,2 / г. Москва	8,6 / Республика Алтай, Ивановская область
2007	16,7	38,3 / г. Москва	9,0 / Ивановская область
2008	16,6	30,9 / г. Москва	9,8 / Республика Ингушетия
2009	16,6	30,8 / г. Москва	9,6 / Республика Алтай
2010	16,6	28,3 / г. Москва	10,5 / Ивановская область, Тверская область
2011	16,2	27,3 / г. Москва	10,2 / Тверская область
2012	16,4	27,3 / г. Москва	11,2 / Волгоградская область, Тверская область
2013	16,3	26,2 / г. Москва	10,6 / Тверская область
2014	16,0	20,9 / г. Москва	9,8 / Тверская область
2015	15,7	Н/д	Н/д
2016	15,7	Н/д	Н/д

Источник: Составлено по данным Росстата, размещенным в Единой межведомственной информационной системе (ЕМИСС) (данные за 1992–2014 гг.), в статистических сборниках «Социальное положение и уровень жизни населения России» (2013 и 2014 гг.) и «Социально-экономическое положение России» (2015

и 2016 гг.). Режимы доступа соответственно: <https://www.fedstat.ru/organizations>; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125

Различный уровень доходов населения, как уже говорилось, определяет различные возможности формирования имущественных и финансовых активов, и в более широком смысле – различные структуры потребительских расходов домохозяйств. Например, по данным ежеквартально проводимого Росстатом выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств в IV квартале 2016 г. доля расходов на продукты питания у наиболее бедного населения (первый и второй децили) составила соответственно 44,9 и 41,8%, в то время как у наиболее состоятельного (девятый и десятый децили) – соответственно всего 29 и 18,7% [Доходы..., 2017]. Бедное население вынуждено было направлять существенно большую по сравнению с обеспеченной или относительно обеспеченной его частью долю своих расходов на оплату жилищных услуг, воды, электроэнергии, газа и других видов топлива: в первых двух децилях эти доли составили соответственно 16,3 и 15,3%, в то время как в девятом и десятом децилях – 9,1 и 11,6%. Естественно, что доли расходов на другие, значимые для человека товары и услуги у бедных меньше, а у обеспеченных – больше. Например, доля расходов на приобретение одежды и обуви в первом дециле составила 8,2%, а во втором – 8,9%, в то время как в девятом дециле – 14,1%, а в десятом – 11%. Аналогично доля расходов на организацию отдыха и культурные мероприятия составила 3% в первом дециле, а во втором – 3,6% по сравнению с 8,1% в девятом дециле и 6,5% – в десятом.

Авторы работ, посвященных экономической компоненте социального неравенства, рассматривают прежде всего динамику расслоения населения страны по получаемым доходам, распространность бедности среди различных социальных групп населения, меры, которые предпринимаются государством по поддержке доходов наименее обеспеченных семей. Значительное внимание уделяется также оценке рисков, связанных с неоправданным социальным расслоением и неравенством населения [Воейков М., Анисимова Г., 2017].

Гораздо меньше внимания уделено социальному неравенству в его географическом проявлении: здесь дело ограничивается, как правило, исследованиями неравенства между городским и сель-

ским населением [Нефедова Т., 2012]. Об особенностях самих регионов – прежде всего, структуре их экономик как факторе, обуславливающем социальное неравенство, говорится, как правило, в самом общем плане. Кажется очевидным, что в столичных центрах и нефтегазодобывающих регионах население, как правило, богаче, а там, где финансовых или сырьевых ресурсов гораздо меньше – соответственно беднее. Между тем «в России никому не нужно объяснять, сколь велики территориальные различия в условиях и уровне жизни населения», а «пространство страны стало более поляризованным, увеличился разрыв между богатыми и бедными регионами» [Зубаревич Н., 2009].

В настоящей статье предпринята попытка с использованием имеющихся в открытом доступе статистических данных оценить соответствующие разрывы, причины, которые их обуславливают, последствия этих разрывов для экономики регионов – субъектов Российской Федерации. В заключительных разделах статьи определяется, влияет ли межрегиональная дифференциация доходов населения на некоторые показатели, характеризующие качество жизни в регионах, а также на имущественные и финансовые активы населения.

Межрегиональная дифференциация покупательной способности денежных доходов населения

Российской официальной статистикой разрабатываются показатели, которые могут быть использованы в этих целях. В их числе, прежде всего, душевые денежные доходы населения. Их дифференциация между регионами страны действительно велика. Например, в декабре 2016 г. разрыв между максимальным (117,4 тыс. руб. в Чукотском АО) и минимальным (20,7 тыс. руб. в Республике Калмыкия) их значениями составил 5,7 раза при средней величине душевых денежных доходов в стране в целом 46,1 тыс. руб. При этом только в 16 из 85 субъектов Российской Федерации душевые денежные доходы населения превысили среднероссийскую величину [Социально-экономическое положение..., 2016].

Однако на основании только этого показателя говорить о том, что население одного региона беднее населения другого региона, неправомерно. Чтобы понять, какова реальная покупательная способность денежных доходов жителей, необходима корректировка на стоимость жизни в том или ином регионе. Она может быть осуществлена с использованием величины прожиточного

минимума, который устанавливается в каждом из субъектов Российской Федерации ежеквартально для населения в целом и трех его групп – детей, трудоспособного населения и пенсионеров. По данным Росстата, при среднероссийской величине прожиточного минимума в IV квартале 2016 г. 9,9 тыс. руб. в месяц наибольшей (19,5 тыс. руб. в месяц) она оказалась в Камчатском крае а наименьшей (7,8 тыс. руб. в месяц) – в Республике Мордовия. Разрыв между этими величинами составил, как это видно, 2,5 раза.

Значение отношения среднедушевых денежных доходов населения региона к величине прожиточного минимума в нем является более корректным для сопоставления субъектов Российской Федерации по бедности (богатству) их населения по получаемым денежным доходам. В декабре 2016 г. этот показатель варьировал от 2,45 в Республике Тыва до 6,90 в Санкт-Петербурге. Казалось бы, разрыв между максимальным значением, составивший 2,8 раза, более чем в 2 раза меньше разрыва между максимальными и минимальными душевыми денежными доходами. Однако при детальном анализе обращает на себя внимание, что при средней величине отношения в стране в целом 4,66, только в 13 регионах оно оказалось больше. Медианное же значение показателя, составившее 3,59, оказалось существенно – почти на $\frac{1}{4}$ – меньше его среднего значения.

В составе наиболее «богатых» регионов (табл. 2) вполне предсказуемо оказались г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, г. Москва, в которых отношение среднедушевых доходов населения к величине прожиточного минимума превысило 6, также Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО, Московская область, Краснодарский край. Однако, не проводя углубленного анализа, трудно понять причины относительного «богатства» населения, например, Республики Дагестан или Белгородской области.

На другом полюсе, в котором это отношение было меньше 3, также вполне предсказуемо оказались субъекты Российской Федерации, большинство из которых традиционно считаются бедными.

Относительное высокое отношение денежных доходов населения к прожиточному минимуму не исключает феномена бедности, определяемого в российской статистике как доля населения субъекта Российской Федерации, имеющего доходы ниже прожиточного минимума. Например, в 2014 г. в стране в целом эта доля составила 11,2% при минимальном ее значении (6,9%) в Ямало-Ненецком АО и максимальном (34,7%) в Республике Тыва.

Таблица 2

**Отношение среднедушевых доходов населения к величине
прожиточного минимума в регионах Российской Федерации
в IV квартале 2016 г.**

«Богатые» регионы	Отношение, раз	«Бедные» регионы	Отношение, раз
г. Санкт-Петербург	6,90	Республика Тыва	2,45
Чукотский АО	6,61	Республика Калмыкия	2,47
Республика Татарстан	6,24	Карачаево-Черкесская Республика	2,49
г. Москва	6,18	Республика Алтай	2,51
Ямало-Ненецкий АО	5,84	Республика Ингушетия	2,55
Республика Дагестан	5,70	Курганская область	2,65
Сахалинская область	5,33	Республика Крым	2,76
Белгородская область	5,16	Еврейская автономная область	2,79
Ненецкий АО	5,11	Кабардино-Балкарская Республика	2,90
Воронежская область	5,09	Камчатский край	2,90
Московская область	5,00	Республика Карелия	2,90
Краснодарский край	4,94	Псковская область	2,92
Республика Башкортостан	4,69	г. Севастополь	2,97
		Республика Хакасия	3,00
<i>Справочно.</i> Остальные 48 регионов – от 3,05 (Иркутская область) до 4,64 (Нижегородская область).			

Источник: Расчеты автора по данным докладов Росстата «Социально-экономическое положение России» за соответствующие периоды. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125

Для выяснения вопроса, влияет ли отношение денежных доходов населения к прожиточному минимуму на долю населения с доходами ниже прожиточного минимума, было определено значение коэффициента корреляции Пирсона¹. Он оказался отрицательным (-0,751) и значимым. Следовательно, чем выше финансовое – по текущим доходам – благополучие населения региона в целом, тем ниже в нем доля бедных.

¹ Расчеты, как и все последующие, были выполнены в программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences – Статистический пакет для социальных наук).

Факторы, определяющие межрегиональные различия отношения денежных доходов населения к прожиточному минимуму

Вопрос заключается в том, можно ли определить социально-экономические характеристики регионов, которые обуславливают их место в рейтинге среднего уровня бедности (богатства) населения. Существующая Единая межведомственная информационная статистическая система (ЕМИСС), а также данные, которые представлены в официальных публикациях Росстата, позволяют провести соответствующие расчеты.

Определение характеристик регионов, которые имело смысл включать в расчеты, проводилось на основе экспертного анализа.

Если говорить о характеристиках самого населения регионов, то интерес для тестирования представляют его различные структуры. Например, выше уже говорилось, что в Российской Федерации доходы сельского населения ниже, чем городского. Так, по данным выборочного обследования домашних хозяйств, которое проводится Росстатом с квартальной периодичностью, в III квартале 2016 г. месячный денежный доход в среднем на члена домашних хозяйств в сельской местности составил 15,3 тыс. руб., в то время как домашних хозяйств в городской местности – 24,4 тыс. руб., т.е. почти на 60% больше. Месячная стоимость натуральных поступлений, которая была выше у домохозяйств в сельской местности, составив 1,2 тыс. руб. против 0,6 тыс. руб. у домохозяйств в городской местности, не компенсировала этой разницы [Доходы..., 2016]. Результаты обследования являются репрезентативными по населению в целом и по основным социально-экономическим группам в целом по России, но только по населению в целом по субъектам Российской Федерации. Поэтому в качестве факторного признака, влияющего на отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, был выбран *удельный вес сельского населения в общей численности населения региона* на начало 2016 г. [Регионы..., 2016]. При среднем по России значении этого показателя 25,9% в региональном разрезе (исключая города Москву, Санкт-Петербург и Севастополь) оно варьировало от 4,5% в Магаданской области до 65,2% в Чеченской Республике, различаясь, таким образом, в 14,5 раз.

В случае с оценкой тесноты связи между долей сельского населения в регионе и уровнем бедности его населения в целом результаты оказались достаточно неожиданными. Первоначально

высказанное предположение, что чем выше доля сельского населения в регионе, тем ниже отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму населения, т.е. оно беднее, не подтвердилось. Связь оказалась значима, но отрицательна: коэффициент корреляции составил $-0,332$. Возможное объяснение этому парадоксу может состоять, во-первых, в том, что часть сельского населения выезжает из трудоизбыточных сельских районов в поисках доходов от занятости в города, причем, в первую очередь, из тех регионов, в которых доля сельского населения наиболее высока. Анализ таких трудовых миграций не является предметом настоящей статьи. Отметим только, что экономическим и социальным проблемам отходничества в современной России, взаимоотношениям отходников с местной властью посвящено немало научных публикаций [Плюснин Ю., 2012].

Во-вторых, такой результат может быть связан с особенностями расчета денежных доходов населения. Росстат учитывает в их составе следующие элементы: 1) доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью; 2) выплаченную заработную плату наемных работников; 3) социальные выплаты (пенсии, пособия, стипендии, страховые возмещения и т.п.); 4) доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов; 5) другие доходы. Для определения среднедушевых месячных денежных доходов населения в регионе их общая сумма делится на численность его постоянного населения и на 12 месяцев [Социальное положение..., 2016]. Упомянутый выше феномен отходничества затрудняет оценку доходов от предпринимательской и трудовой деятельности, поскольку начисляются они по месту ее осуществления, которое может находиться в другом субъекте Российской Федерации, в том числе и имеющем более высокий удельный вес сельского населения.

В-третьих, нельзя исключать и влияния на полученный результат увода в тень из-под налогообложения части доходов, получаемых населением. По оценкам, их доля составляет в стране до 20–40%. Это сокрытие распространено в сельской местности, где возможности для тенизации доходов у домохозяйств достаточно широки (например, доходов от сбора и реализации дикоросов, производства и продажи продукции животноводства, оказания строительных, ремонтных и иных услуг непостоянному населению и т.п.).

Следующим тестируемым фактором стал *удельный вес населения моложе трудоспособного возраста в общей численности населения региона*. Данный выбор также имеет экономическое

обоснование: месячный денежный доход в среднем на члена домохозяйства с детьми в возрасте до 16 лет в III квартале 2016 г. составил 17,8 тыс. руб., или всего немногим более 2/3 этой величины в домохозяйствах, где детей до 16 лет не было [Доходы..., 2017]. При среднем по России удельном весе населения моложе трудоспособного возраста в общей численности населения 18% в региональном разрезе он варьировал от 14,4% в городах Москве и Санкт-Петербурге до 34,5% в Чеченской Республике, различаясь в 2,4 раза.

Значение коэффициента корреляции Пирсона, как и в предыдущем случае, оказалось отрицательным, составив -0,170, при том, что связь была незначимой. Последнее могло быть связано с отмеченной выше нерепрезентативностью результатов обследования по социально-демографическим группам населения (в частности, семьям с детьми до 16 лет по субъектам Российской Федерации).

В числе экономических характеристик субъектов Российской Федерации, которые могут оказывать влияние на благосостояние его населения, имеет смысл протестировать в первую очередь описывающие уровень развития его экономики.

Одним из таких показателей является *валовой региональный продукт (ВРП) в расчете на душу населения*. В 2014 г. средняя величина ВРП (к моменту написания статьи данные о ВРП за более поздние годы отсутствовали) в расчете на душу населения составила в России 402,7 млн руб. при межрегиональной дифференциации в 95,5 раз – от 44,3 млн руб. в Севастополе до 4232,7 млн руб. в Ненецком АО. Проведенные расчеты показали, что связь между этим показателем и уровнем благосостояния населения действительно существует. В 2014 г. коэффициент корреляции составил 0,469 и был значимым. Таким образом, предположение, что чем выше душевая величина ВРП, тем население региона в целом менее бедное, подтвердилось.

Закономерен следующий вопрос: влияют ли на бедность (богатство) по денежным доходам различия в структуре ВРП в регионах? Для проверки этой гипотезы в качестве факторного признака для промышленного производства был выбран показатель *объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по отдельным видам экономической деятельности в расчете на душу населения в 2016 г.*

Бедность (богатство) оказались связаны положительной значимой корреляцией (0,355) с величиной данного показателя по

виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых». В стране в целом в расчете на жителя объем отгруженных товаров собственного производства по этому виду экономической деятельности составил 80,1 млн руб. при межрегиональных различиях 40 637 раз – от 0,1 млн руб. в Орловской области до 4063,7 млн руб. в Ненецком АО (в Республике Калмыкия и Севастополе этот вид экономической деятельности представлен не был).

Сырьевая ориентация российской экономики изначально предполагала такой результат. Сохранение подобной связи и в перспективе выглядит вполне реальным, поскольку в условиях экономического кризиса происходил рост добывающих отраслей и экспорта их продукции. Я.М. Миркин со ссылкой на данные Федеральной таможенной службы отмечает, что «перед нами разворачивается величественная картина экономики, работающей на вывоз сырья и только увеличивающей свои обороты». В частности, экспорт сырой нефти увеличился с 237 млн т в 2013 г. до 255 млн т в 2016 г., нефтепродуктов – соответственно со 151 до 156 млн т, дизельного топлива – с 42 до 49 млн т, природного газа – со 196 до 199 млн т, каменного угля – со 139 до 166 млн т [Миркин Я., 2017].

Аналогичная, причем более тесная положительная корреляционная связь наблюдается между бедностью и объемом отгруженных товаров в расчете на жителя региона по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства» (коэффициент корреляции составил 0,445). Иными словами, увеличение производства промышленной продукции в регионах является фактором снижения бедности. При средней величине объема отгруженных товаров по этому виду экономической деятельности в расчете на жителя в стране 231,8 млн руб., разрыв между минимальным (1,5 млн руб. в Республике Тыва) и максимальным (648 млн руб. в Ямало-Ненецком АО) составил 432 раза.

Наконец, что касается третьего вида экономической деятельности, входящей в состав промышленности, – «производства и распределения электроэнергии, газа и воды», то здесь картина аналогична предыдущим. В данном случае коэффициент корреляции также оказался положительным, составив 0,361. При средней величине объема отгруженных товаров по этому виду экономической деятельности в расчете на жителя в стране 35,3 млн руб., разрыв между минимальным (5,4 млн руб. в Республике Ингушетия) и максимальным (171,2 млн руб. в Чукотском АО) составил 31,7 раз.

Объем работ, выполненных в 2016 г. по виду деятельности «строительство» в расчете на душу населения, как и в случае с промышленностью, судя по результатам расчетов, также являлся фактором, определявшим различия региональных показателей бедности. Коэффициент корреляции оказался положительным, составив 0,480 (связь оказалась значимой). В расчете на жителя страны объем выполненных работ составил 42,3 млн руб., а в региональном разрезе он различался в 95,4 раза (от 3,4 млн руб. в Республике Калмыкия до 324,5 млн руб. в Ямало-Ненецком АО).

Логично, что в качестве следующего тестируемого показателя (фактора) были выбраны *инвестиции в основной капитал* в расчете на жителя региона. Коэффициент корреляции оказался значимым и составил 0,357. Обратим внимание, что он оказался практически таким же, как и в случае с видом экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» (напомним, что в том случае он составил 0,355). Это вполне ожидаемо, поскольку в сырьевой экспортоориентированной экономике инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения наиболее велики, как правило, в сырьевых регионах. В 2016 г., например, при средней величине инвестиций в основной капитал в стране 100,1 млн руб./человек, в Ямало-Ненецком АО они составили 2031,7 млн руб./человек, Ненецком АО – 1961,2, Сахалинской области – 507,8, Ханты-Мансийском АО – 498,8, Республике Саха (Якутия) – 287,7, Магаданской области – 262,6 млн руб./человек. На другом полюсе находились такие регионы, как Ивановская область (21,8 млн руб./человек), Республика Тыва (27,3 млн руб./человек), Республика Крым (27,9 млн руб./человек), Севастополь (30,3 млн руб./человек) и Алтайский край (31,6 млн руб./человек). Вообще, расчеты показали, что имелаась практически прямая корреляционная зависимость между этим показателем и душевым объемом отгруженных товаров в добыче полезных ископаемых (коэффициент корреляции составил 0,927). Корреляционные связи между душевыми инвестициями в основной капитал, с одной стороны, объемом отгруженных товаров обрабатывающей промышленности и объемом отгруженных товаров по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» были, хотя и значимыми, но менее сильными и оценивались коэффициентами соответственно 0,413 и 0,361.

Логичен вопрос, а влияют ли, и если да, то в какой мере финансовые результаты деятельности организаций на межрегиональную дифференциацию уровня денежных доходов населения?

В качестве фактора было выбрано *душевое значение сальдо прибылей и убытков организаций*¹. В 2016 г. значение этого показателя сильно варьировало, причем в девяти субъектах Российской Федерации оно оказалось отрицательным. В Чувашской Республике убытки составили наибольшую величину – 6,4 тыс. руб. Что касается прибылей, то лидером оказался Ямало-Ненецкий АО с душевым их значением немногим более 1 млн руб. Расчеты показали, что чем лучше финансовое положение организаций в регионах, тем богаче их население: коэффициент корреляции оказался значимым, составив 0,558.

Как и предполагалось, в результате расчетов была выявлена положительная значимая корреляционная связь между отношением среднедушевых доходов к прожиточному минимуму и *душевыми расходами консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации* в 2016 г. Значение коэффициента корреляции составило в этом случае 0,441. Регионы России также значительно различались по этому показателю. Если в стране в среднем этот показатель составил 67,9 тыс. руб., то в региональном разрезе он колебался от 32,2 тыс. руб. в Республике Дагестан до 597,3 тыс. руб. в Чукотском АО с разрывом 18,5 раз.

Интересно было также проверить, влияют ли институциональные особенности региональных экономик на отношение душевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму. В качестве факторного признака было использовано *отношение оборота малых предприятий (без микропредприятий) к численности населения региона*. В 2016 г. в Российской Федерации оно составило 127,8 тыс. руб. при межрегиональной дифференциации от 8,8 тыс. руб. в Чеченской Республике до 341,7 тыс. руб. в Москве с разрывом между этими значениями показателя 38,8 раз. Результаты расчетов свидетельствуют, что имеется прямая связь: коэффициент корреляции оказался значимым и составил 0,501. Заметим, что такой результат получен в условиях экономической стагнации, когда наемные работники, по образному выражению Я.М. Миркина, стремятся «прислониться» к крупным и средним предприятиям, риски банкротства которых, как правило, меньше по сравнению с организациями малого бизнеса [Миркин Я., Смирнов С., 2017]. Во-вторых, в малом бизнесе развиты теневые отношения [Буров В., 2011], в

¹ В сальдированном финансовом результате деятельности организаций Росстат не учитывает данные субъектов малого предпринимательства, банков, страховых организаций и государственных (муниципальных) учреждений.

том числе и связанные с извлечением доходов от трудовой деятельности и получением предпринимательского дохода, которые досчитываются официальной статистикой.

Было проверено и предположение о наличии либо отсутствии связи между отношением душевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму и *отношением оборота организаций с иностранным участием к численности населения региона*. В 2016 г. данный показатель колебался от 2,2 тыс. руб. в Республике Ингушетия до 1490,8 тыс. руб., различаясь в 677,6 раз при среднероссийском его значении 216,8 тыс. руб. Корреляционная связь оказалась положительной и значимой, составив 0,613.

Проведенные расчеты количественно подтвердили качественное предположение о связи между состоянием экономики регионов и уровнем благосостояния его населения. Еще один дополнительный вывод, который можно сделать на их основе, состоит в том, что часто критикуемый за неполноту или недостоверность представляемой статистической информации Росстат на самом деле обеспечивает сбалансированность значений показателей, которые характеризуют экономику российских регионов. Во всяком случае, резко выделяющихся значений или аномалий значений показателей выявлено не было.

Межрегиональная дифференциация покупательной способности денежных доходов населения: Влияние на экономику регионов

Выше было показано, что отношение душевых доходов населения субъекта Российской Федерации к прожиточному минимуму в нем зависит от состояния его экономики: чем выше уровень экономического развития субъекта Российской Федерации, характеризуемый различными показателями, тем выше покупательная способность денежных доходов его жителей (отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму). В свою очередь, можно предположить, что высокая покупательная способность населения обуславливает больший потребительский спрос и, соответственно, является фактором развития *розничной торговли*. При проведении расчетов общий объем розничного товарооборота в регионах в 2016 г. был отнесен к численности их населения. В Российской Федерации он составил 193 тыс. руб., в то время как в межрегиональном разрезе он варьировал от 47,2 тыс. руб. в Республике Ингушетия до 351,1 тыс. руб. в Москве

с разрывом между значениями этого показателя 7,4 раза. Расчеты, как и предполагалось, подтвердили высказанное предположение: коэффициент корреляции оказался положительным и значимым, составив 0,742.

Аналогично такое же предположение можно сделать и в отношении связи между покупательной способностью населения и *объемом платных услуг населению в расчете на жителя региона*. В 2016 г. в стране он составил 57,3 тыс. руб./человек при межрегиональной вариации от 17,5 тыс. руб./человек в Республике Калмыкия до 125,7 тыс. руб./человек в Москве с разрывом между значениями этого показателя 7,2 раза. Как и в предыдущем случае, расчеты подтвердили высказанное предположение: коэффициент корреляции оказался положительным и значимым, составив лишь несколько меньшую величину 0,618.

Выявлена также и значимая положительная корреляционная связь (0,462) между покупательной способностью населения и *оборотом общественного питания в расчете на душу населения*. В региональном разрезе значение этого показателя в 2016 г. колебалось от 0,8 тыс. руб. в Республике Ингушетия до 26,6 тыс. руб. в Республике Дагестан при среднероссийской его величине 9,2 тыс. руб.

Значительная часть покупок, осуществляемых жителями регионов России, осуществляется в кредит. По данным на 1 января 2017 г., *задолженность физических лиц по кредитам*¹ составила в стране 10,6 трлн руб., 4,5 трлн руб., или 42,5%, составила задолженность по жилищным кредитам. В расчете на жителя страны задолженность по кредитам составила 72,6 тыс. руб. с межрегиональной дифференциацией в раз – от 5,7 тыс. руб. в Республике Крым до 187,4 тыс. руб. в Ямало-Ненецком АО. Априори можно выдвинуть две гипотезы – о прямой либо обратной связи между бедностью населения и задолженностью по кредитам. В первом случае предположение заключается в том, что чем глубже бедность, тем выше необходимость в получении кредитов, и тем, соответственно, выше задолженность по ним в расчете на жителя региона. Во втором случае ситуация обратная – меньшая бедность повышает закредитованность жителей, которые считают риски снижения своих доходов и непогашения кредитов невысокими.

¹ Отметим, что речь идет об общей величине задолженности по кредитам, а не о просроченных платежах по ним.

В результате расчетов оказалось, что верна вторая гипотеза – чем богаче население региона, тем выше его закредитованность: коэффициент корреляции оказался значимым и составил 0,346. Иными словами, у более состоятельного населения, судя по этим данным, бóльшая уверенность в возможностях погашения своих кредитов. В свою очередь, кредитные учреждения (речь идет, конечно, не о микрофинансовых организациях) предпочитают иметь дело с состоятельными заемщиками.

Доходы населения и качество жизни в регионах

Различия в уровнях материальной обеспеченности, как было показано выше, определяют особенности формирования бюджетов граждан, относящихся к различным доходным группам. Межрегиональные различия в уровнях материальной обеспеченности населения, по-видимому, могут влиять на различия в качестве жизни населения. В состав характеристик последнего, в отличие от некоторых авторов, мы не включаем доходы населения, а используем только немонетарные показатели [Российская энциклопедия социальной работы, 2017].

Сначала было проверено влияние межрегиональных различий в уровнях материальной обеспеченности населения на основные *демографические* показатели, а именно, *рождаемость, смертность и соотношение разводов и браков*.

В 2016 г. *рождаемость* в регионах России при среднероссийской величине 12,9 промилле варьировала в широком диапазоне – от 9,2 промилле в Ленинградской области до 23,5 промилле в Республике Тыва с разрывом между ними 2,6 раза. Влияния межрегиональной дифференциации материальной обеспеченности на рождаемость выявлено не было: значение коэффициента корреляции практически нулевое (0,07) и, кроме того, он оказался не значимым. Этого следовало ожидать, и известная точка зрения демографов, что рождаемость определяется не только размером доходов, но и рядом иных факторов [Дарский Л., 1985], нашла дополнительное подтверждение.

Что касается *смертности* в субъектах Российской Федерации, то в 2016 г. она также сильно варьировала. Если в Республике Ингушетии она составила 3,4 промилле, то в Псковской области – 17,7 промилле, или в 5,2 раза больше (среднее значение смертности в стране составило 12,9 промилле). Связь межрегиональных различий значений этого показателя с межрегиональными разли-

чениями уровня доходов оказалась отрицательной (коэффициент корреляции составил -0,155, но связь эта была незначимой).

Связь между *отношением числа разводов к числу заключенных браков* и бедностью отсутствовала. Коэффициент корреляции, оказавшийся к тому же не значимым, был мало отличим от нуля, составив 0,03. В региональном разрезе число разводов в расчете на 100 заключенных браков в 2016 г. варьировало предсказуемо – от 14,9 в Чеченской Республике до 85,8 в Магаданской области (среднероссийское значение показателя составило 61,6).

Следующим тестируемым показателем стала *заболеваемость населения*. В 2014 г. (более поздние данные к моменту написания статьи не были доступны) в расчете на 1000 жителей в стране было зафиксировано 787,1 больных с впервые в жизни установленным диагнозом с межрегиональными различиями значений данного показателя от 434,7 в Кабардино-Балкарской Республике до 1436,8 в Ненецком АО. Связь заболеваемости с обеспеченностью населения доходами оказалось положительной (0,165), однако статистически незначимой.

Был протестирован также и показатель *числа студентов высшего образования в расчете на 1000 жителей региона*. В Российской Федерации на начало 2014/2015 учебного года оно составило в среднем 35,6 человек. Однако если в Ненецком АО учреждений высшего профессионального образования вообще не было, то в Москве в расчете на 1000 жителей приходилось 66 студентов вузов. Связь этого показателя с уровнем доходов населения практически отсутствовала (коэффициент корреляции составил 0,074 и был статистически незначим). Одним из возможных объяснений отсутствия связи может быть отсутствие жесткой привязки региона проживания студента к региону его обучения.

Еще одна важная характеристика качества жизни в регионах – это уровень преступности, представляющей угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан. В 2014 г. в России *численность лиц, потерпевших от преступных посягательств*, в расчете на 1000 жителей колебалось от 1,1 человек в Республике Ингушетия до 24 человек в Забайкальском крае при среднероссийском его значении 10,9 человек. Связь между обеспеченностью населения текущими доходами и уровнем преступности, описываемым данным показателем, была отрицательной, но незначимой, составив -0,200. Тем не менее мы вправе предположить, что чем богаче население региона, тем ниже относительная численность лиц, пострадавших от преступных посягательств.

Доходы населения, очевидно, не могут не влиять на цены в регионе. Это наглядно видно на примере цен на недвижимость. В конце 2014 г. при средней *цене 1 кв. м жилья на первичном рынке* 51 714 руб., в субъектах Российской Федерации она варьировала от 22 785 руб. в Республике Дагестан до 174 538 руб. в г. Москве. Связь с уровнем доходов населения этого показателя оказалась значимой (на уровне 0,01) и положительной, составив 0,532. То же самое можно сказать и о *цене 1 кв. м жилья на вторичном рынке*, которая в стране составила в среднем 58 085 руб. при межрегиональной вариации от 30 008 руб. в Республике Ингушетия до 191 268 руб. в Москве. Коэффициент корреляции в данном случае составил практически ту же самую величину – 0,524.

Доходы населения, имущественный комплекс и финансовые активы домохозяйств

Еще один важный вопрос, на который была предпринята попытка получить количественный ответ, состоял в наличии либо отсутствии связи между уровнем текущих доходов населения и его обеспеченностью имущественными активами, которые можно приобрести за счет получаемых доходов. Одним из таких активов является жилье. К концу 2014 г. *общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя*, составила в стране 23,7 кв. м, различаясь в региональном разрезе от 13,1 кв. м в Республике Тыва до 29,4 кв. м в Московской области. Значение коэффициента корреляции было положительным (0,128), но незначимым. По-видимому, это связано с тем, что на обеспеченность жильем населения влияет множество факторов, не связанных с текущими денежными доходами населения, – демографические, соотношение между городским и сельским населением, накопленный в советскую эпоху жилой фонд и т.п.

Можно предположить, что более тесная связь может иметь место в отношении тех предметов потребления, возможности приобретения которых непосредственно связаны с получаемыми денежными доходами. Для проверки такого предположения были выбраны две позиции – легковые автомобили и персональные компьютеры.

Согласно данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в 2014 г. *наличие легковых автомобилей в расчете на 100 домохозяйств* составляло в России 61 шт., причем если в Чукотском АО оно составляло 3 шт., то в Ямало-Ненецком

АО – 92 шт. В результате расчетов выяснилось, что связь между уровнем доходов населения и обеспеченностью автомобилями отсутствует. По нашему мнению, это может быть объяснено двумя основными причинами. Во-первых, различной обеспеченностью регионов сетью автомобильных дорог и, во-вторых, тем, что в расчетах не учитывается возрастная и модельная структура парка автомобилей, которые находятся в личной собственности граждан. Иными словами, более качественный и молодой автопарк может находиться в пользовании граждан в более богатых регионах, а менее качественный и более возрастной – в более бедных.

Что касается *персональных компьютеров*, то в 2014 г. в расчете на 100 домохозяйств их было 113 с межрегиональной вариацией от 9 шт. в Республике Ингушетия до 181 шт. в Мурманской области. В отличие от ситуации с легковыми автомобилями связь между относительным богатством / бедностью населения в регионах и обеспеченностью домохозяйств персональными компьютерами оказалась значимой и положительной (коэффициент корреляции составил 0,418). Таким образом, высказанная гипотеза подтвердилась.

Наконец, были рассмотрены объемы финансовых активов домохозяйств, а именно, вклады (депозиты) на рублевых счетах в Сбербанке в расчете на жителя региона. В начале 2015 г. в Российской Федерации эта величина составила в среднем 44 тыс. руб. при минимальном ее значении 2,2 тыс. руб. в Чеченской Республике до 123,6 тыс. руб. в Москве. Результаты расчетов свидетельствуют, что чем выше отношение душевых доходов населения к прожиточному минимуму, тем больше у населения возможностей направлять часть получаемых доходов на сбережения. Коэффициент корреляции оказался значимым и составил 0,557.

* * *

Статистический анализ различий в уровнях доходов населения между субъектами Российской Федерации, который оценивался отношением среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, подтвердил гипотезу о связи имеющихся различий с уровнем экономического развития регионов. В свою очередь, более богатое в целом население благоприятно влияет на экономику регионов, обеспечивая более высокие показатели розничного товарооборота и поступления в бюджеты субъектов Российской Федерации. В результате, несмотря на сохранение

бедности как социально-экономического феномена во всех без исключения регионах, которая в современных условиях охватывает значительные контингенты населения, в регионах с более богатым населением относительные масштабы бедности ниже.

Список литературы

1. Буров В. Теневая деятельность субъектов малого предпринимательства // LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. Saarbrücken. – 2011. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-270379.html?page=9>
2. Войсков М., Анисимова Г. Социально-экономическое неравенство: Российские тенденции // Россия и современный мир. – 2017. – № 1. – С. 46–61
3. Дарский Л. Рождаемость // Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – Режим доступа: <http://geography.su/demogr/item/f00/s01/e0001068/index.shtml>
4. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в III квартале 2016 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М., 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_102/Main.htm
5. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в IV квартале 2016 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М., 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_102/Main.htm
6. Зубаревич Н. Социальное пространство России // Полит. ру. – 2009. – 13.04. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/04/13/socprostranstvo/>
7. Миркин Я. Слезли с нефтяной иглы? Ответ Медведеву / Republic. – 2017. – 24.04. – Режим доступа: <https://republic.ru/posts/82006>
8. Миркин Я., Смирнов С. Экономический рост: Обещания и реалии // Российское сетевое издание «Первый национальный». – 2017. – 21.04. – Режим доступа: http://www.1national.ru/news_smi.php?name=ekonomicheskij_rost_obeschaniya_i_realii_&rubric=view
9. Нефедова Т. Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия РАН. Сер. Геогр. – М., 2012. – № 3. – С. 7–23.
10. Нова ли новая Россия? / Под ред. О.И. Шкаратана и Г.А. Ястребова. – М.: Университетская книга, 2016. – 400 с.
11. Плюсин Ю. Отходничество в современной России // Отечественные записки. – 2012. – № 5 (50). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/othodnichestvo-v-sovremennoy-rossii>
12. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm
13. Российская энциклопедия социальной работы / Под ред. Е.И. Холостовой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. – 1029 с.

14. Социально-экономическое положение России – 2016 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/Main.htm
15. Социальное неравенство и социально-структурные изменения / Голенкова З., Игитханян Е., Черныш М., Семенова Л. // Россия в глобальных процессах: Поиски перспективы / Отв. ред. Горшков М. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 26–51. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?id=1301&page_id=1548
16. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. – М., 2016. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/soc-pol.pdf

Б.Г. Ивановский

ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ В ЕВРОСОЮЗЕ: ПОКАЗАТЕЛИ, КРИТЕРИИ И МЕТОДЫ ИСЧИСЛЕНИЯ

В статье исследуются проблемы преодоления социально-экономического неравенства и одного из наиболее острых его проявлений – социального отчуждения в Евросоюзе. Рассматриваются понятие, факторы, показатели неравенства, бедности и общественной изоляции, а также методы их исчисления, разработанные учеными и экспертами отдельных стран ЕС в рамках Еврокомиссии.

Ключевые слова: Евросоюз; неравенство; социальная изоляция.

Понятие и показатели неравенства

Несмотря на высокий уровень экономического развития, социальное неравенство в ЕС составляет все еще относительно значительный уровень. Так, почти один из семи человек, проживающих в странах Евросоюза, подвержен риску бедности. Цифры еще выше для некоторых групп населения, таких как дети и пожилые люди. Вместе с тем степень и серьезность проблемы часто не совсем понятны ни разработчикам политики, ни широкой общественности. Зачастую она ассоциируется с развивающимися странами. Однако реальность такова, что нищета в ЕС является реальной проблемой. Это напрямую затрагивает основные права людей, ограничивает их возможности для раскрытия своего потенциала, приносит высокие издержки обществу и препятствует устойчивому экономическому росту [Poverty and inequality..., 2016].

Социально-экономическое неравенство определяется в основном различиями в диапазоне экономических и социальных факторов, которые влияют на уровень благосостояния населения,

включая доходы, образование и здоровье. Экономическое неравенство связано в первую очередь с различиями в доходах, полученными посредством оплачиваемой занятости и доходов домашних хозяйств, которые отражают совокупные эффекты заработка и чистых социальных трансфертов (налоги и льготы).

Социальное неравенство определяется также различиями в доступе к социальным услугам, например здравоохранению или образованию, социальным и институциональным сетям [Why socioeconomic inequalities increase?, 2010, p. 2]

В 28 странах изучение неравенства является весьма непростой задачей. Она предполагает рассмотрение распределения благ на двух уровнях, как на внутреннем, так и межстрановом, а также анализ его динамики. В беднейших странах социальное неравенство увеличивалось быстрее среднего показателя по ЕС. Согласно расчетам, диапазон показателя неравенства в 2014 г. в Германии, Эстонии, Словакии и Великобритании колебался в соотношении 20 к 50, что превышало на 10% это соотношение в 2013 г. Джини коэффициент в указанных странах вырос на 3,4%, а в среднем по Евросоюзу – на 1,3%. Учитывая то, что 2014 г. был последним до введения установленного минимального уровня заработной платы в Германии, тенденция роста неравенства в стране может сохраниться, полагают авторы. Несмотря на это уровень социального неравенства в Германии остается несколько ниже средне-европейского (Германия – 5,1, ЕС – 5,2). В странах Южной и Восточной Европы этот показатель составляет 6,0 [Dauderstädt M., Keltek C. Inequality in Europe, 2017, p. 4].

Крайне тяжелая ситуация в области социального развития наблюдается в странах Средиземноморья, где слабо защищенные слои населения особенно сильно пострадали в результате политики жесткой экономии. Среднедушевой доход в этих странах колеблется от 15 до 25 тыс. евро, что ниже величины дохода в среднем по ЕС (среднедушевой уровень дохода в Европе более 26 тыс. евро), однако, выше, чем во вновь принятых в Евросоюз странах Восточной Европы, где этот показатель снижался в последние годы, и в настоящее время составляет менее 15 тыс. евро. Эта тенденция наблюдается также и в Италии, где доход на душу населения упал ниже среднеевропейского [Dauderstädt M., Keltek C., 2016, p. 2].

Социальные проблемы вполне могут подорвать политику Европейского Союза. Примером того могут служить протесты в Греции, Испании, Португалии, Ирландии, Италии и т.д. Экономический союз невозможен без социального, а перечисленные страны

не могут инвестировать в социальные проекты без помощи сильнейших стран ЕС.

Ряд аналитиков ЕС считают, что экономический рост вполне может компенсировать проведение социальной политики. Бедные получают слишком мало, чтобы быть активными потребителями, а богатые, наоборот, получают слишком много, чтобы приблизиться к среднему уровню потребления. Более того, в странах с высоким уровнем экономического неравенства многие не имеют доступа к ключевым ресурсам, таким как образование, здравоохранение и сфера занятости. Если власти страны не борются с такими явлениями, они теряют человеческий капитал, что также не может не затормозить экономический рост, считают М. Додерштадт и С. Келтек.

Решение Великобритании выйти из ЕС (Brexit) еще больше осложняет проблему неравенства в регионе. В апреле 2017 г. Еврокомиссия представила документ «Европейские основы социальных прав» (Fundamental social rights in Europe)¹, в котором предлагается обсудить социальные вопросы в Европе, которые вызывают недовольство у части жителей. Литва в этом контексте упоминается как чемпион по неравенству и масштабам эмиграции. Но недовольство социальным положением наблюдается и в других странах. 8 из 10 европейцев считают, что основные вызовы ЕС – безработица, социальное неравенство и миграция. Они надеются, что рыночная экономика будет идти в ногу с социальной защитой [Pillar of Social Rights, 2017]. 7 из 10 европейцев считают, что плохо решаются вопросы занятости и социальной политики и хотят, чтобы эти вопросы решались как на национальном, так и на европейском уровне.

Когда создавался ЕС, многие надеялись, что свободное передвижение товаров, услуг, капитала и людей приведет к примерно одинаковому уровню развития разных стран, а в будущем уравниют и социальные стандарты, иными словами, что жизнь граждан ЕС станет примерно одинаковой. Однако процесс сближения застыл, поэтому в развитых и богатых странах ЕС слышны возгласы недовольства: якобы приезжие из менее развитых стран сбивают социальные стандарты, соглашаются работать за небольшую зарплату, не выполняют требования безопасности труда, не защищают свои права. Отличается и уровень безработицы в разных странах ЕС. Еще больше разницы в социальных системах стран.

¹ Mode of access: <http://intersentia.com/en/shop/academisch/fundamental-social-rights-in-europe-challenges-and-opportunities.html>

Европейские общины одни из самых равных в мире, несмотря на то что 20% самых богатых домашних хозяйств зарабатывают в 5 раз больше 20% самых бедных. Самое большое неравенство доходов наблюдается в Румынии, Литве, Болгарии, Латвии, Эстонии, Италии и на Кипре. Велик также риск нищеты: около четверти всех жителей 27 стран ЕС сталкиваются с риском нищеты [Самушкайте Э., 2017].

Социально-экономическое неравенство затрагивает не только экономическую, но и политическую сферу. Европейский союз был построен на основе принципа всеобщего равенства, а текущая ситуация во многих странах Европы ставит этот основополагающий принцип ЕС под вопрос [Рост социально-экономического неравенства..., 2016]. При этом бедность в странах ЕС является не проблемой дефицита, вызванного кризисом, а следствием несправедливого распределения богатства. По оценкам Credit Suisse 1% самых богатых европейцев (в том числе живущих в странах, не входящих в ЕС) владеют более одной трети богатства региона.

Рост нищеты и неравенства также являются результатом неадекватной государственной политики [Ortis A.A., 2015]. Директор МОТ по вопросам социальной защиты И. Ортис отмечает, что Европа давно гордится своей социальной моделью, которая способствовала процветанию и резкому сокращению бедности в период после Второй мировой войны. Однако эти важные достижения были разрушены во время финансового кризиса. Серии краткосрочных реформ корректировки экономического курса привели к росту безработицы и нищеты в Европе, затормозили процветание среднего класса. В результате в настоящее время 123 млн человек в Европейском союзе находятся под угрозой бедности, что составляет четверть всего населения региона (в 2008 г. эта величина равнялась 116 млн человек). Ситуация изменилась в результате финансового кризиса, тогда правительства использовали огромные общественные ресурсы для спасения частных финансовых учреждений. Это привело к тому, что налогоплательщики понесли огромные потери. В результате увеличился суверенный долг, что вызвало замедление экономического роста. Под угрозой нищеты к 2025 г. могут дополнительно оказаться от 15 до 25 млн человек, если политика жесткой экономии будет продолжаться.

В исследовании Европейского социального обзора, осуществленного в рамках Европейского Барометра реформ (SIM Europe Reform Barometer) представлены так называемые индексы социальной справедливости в рамках стран – членов ЕС [Social policy

reforms.., 2015, p. 4]. Авторы обзора констатируют углубление разрыва в социальной сфере между государствами – членами ЕС и снижение социального статуса по всей территории Союза с 2009 г. Особенно сильно финансово-экономический кризис сказался на социальной сфере южных стран – членов ЕС, которые не располагают финансовыми средствами для поддержания достаточного уровня социального обеспечения. Напротив, некоторые северные страны ЕС сумели не только стабилизировать, но даже увеличили уровень социальной интеграции.

В данном исследовании показатели бедности включают в себя следующие понятия: предоставление доступного жилья; борьба с детской и молодежной нищетой; гибкий график занятости для отдельных домохозяйств; борьба с неравенством доходов (перераспределение ресурсов); создание устойчивых условий жизни и труда; социальная поддержка безработных. Обобщение полученных статистических данных по 28 странам ЕС осуществлялось при помощи трех ключевых критериев, которые определяли степень полноты ответов опрашиваемых в отдельных странах на вопрос о значении того или иного показателя. К этим критериям относятся: политическая готовность к опросу, индивидуальные представления о необходимости исследования, а также финансовые ограничения.

Наиболее подробно был исследован индикатор детской бедности, скорость ответа по которому была выше средней. Это свидетельствует о том, что правительства действительно озабочены растущим количеством лиц до 18 лет, подвергающихся бедности и социальной изоляции. По данным Евростата в 2013 г. доля таких лиц в данном возрастном диапазоне составляла почти 28% [Social policy reforms.., 2015, p. 4].

Социальная изоляция (отчуждение) и неравенство

Дискуссия о бедности в ЕС тесно связана с концепцией «социальной изоляции», которая используется для того, чтобы определить процессы, ограничивающие доступ людей к материальным и духовным ресурсам, что препятствует их участию в нормальной социальной и культурной жизни, усиливает у них чувство маргинализации, бессилия и дискриминации.

Другим распространенным термином, связанным с бедностью, является «социальная уязвимость». Люди находятся в уязвимом положении, когда их личное благополучие подвергается риску, поскольку они не имеют достаточных ресурсов, рискуют

оказаться в долгах, страдать от плохого состояния здоровья, испытывают недостаток в области образования, живут в неудовлетворительных жилищных условиях и окружающей среде [Poverty and inequality..., 2016].

Концепция «социальной изоляции» первоначально возникла во Франции в первой половине 70-х годов прошлого века. Ее целью является изучение проблемы исключения из широкого спектра социальной и экономической жизни таких категорий граждан, как инвалиды, одинокие родители и безработные. В последние десятилетия концепция социальной изоляции постоянно развивалась в политической повестке дня Евросоюза и в настоящее время ее принципы прочно закреплены в европейской системе социального управления.

На Лиссабонском саммите Совета ЕС в марте 2000 г. (Lisbon Council) основной темой повестки дня стала проблема социальной изоляции. Кроме того, с принятием программы Стратегии развития Европы до 2020 г. (Europe 2020 strategy EU) на Совете ЕС в 2010 г. правительства стран-членов обязались сократить количество бедных и, следовательно, социально изолированных граждан, по крайней мере, на 20 млн человек [Massimiliano M., Ludwinek A., Ledermaier S., p. 3]. Эта цель будет решаться одновременно с ростом занятости и повышением уровня образования.

В связи с экономическим кризисом социальная изоляция растет во многих странах ЕС, поскольку проблемы трудоустройства для многих граждан усугубляются. Это, в свою очередь, приводит к росту социального неравенства и маргинализации определенных групп населения, среди которых больше всего страдают молодые люди. Так, если в период кризиса 2008–2012 гг. 24,5% всего населения Евросоюза подверглись риску социального отчуждения по причине бедности, для молодежи эта доля составляла 28,2%. Кроме того, количество молодых людей в возрасте 15–29 лет, которые не имели работы, не обучались и не получали профессиональную подготовку, достигло к 2012 г. 15 млн человек [Exploring the diversity of NEETs, 2016, p. 25].

Формы социального отчуждения включают в себя широкий спектр проблем, например, таких как недовольство, неуверенность в трудоустройстве, что сказывается на физическом и психологическом состоянии здоровья молодых людей. При этом социальная изоляция может стать не временной ситуацией, а, возможно, иметь широкие последствия на протяжении всей будущей жизни.

Улучшение условий трудоустройства и занятости играет наиболее важную роль в достижении социальной интеграции молодежи в странах ЕС. Во втором квартале 2015 г. уровень безработицы среди молодежи снизился до 20,7%. Однако доля безработных молодых людей в ряде государств – членов ЕС, особенно в странах Восточной Европы, остается все еще высокой. Около 13% лиц в возрасте 15–24 лет в настоящее время остаются вне трудовой занятости, сферы образования и профессиональной подготовки [Massimiliano M., Ludwinek A., Ledermaier S., 2015, p. 23]. В связи с этим растет риск ведения асоциального образа жизни (преступность, наркомания и т.п.).

В связи со значительным воздействием кризиса на уровень безработицы среди молодежи Еврокомиссия выдвинула ряд предложений по его снижению. Они были приняты на сессии Европарламента в 2010 г. и сводятся в основном к следующему: сокращение числа лиц, раньше времени покидающих школу; модернизация образования и профессиональной подготовки; облегчение доступа молодежи на рынок труда; содействие мобильности в рамках ЕС; эффективное использование европейских фондов для деятельности в области занятости молодежи.

В 2014 г. Еврокомиссия приняла программу под названием «Молодежные гарантии» (Youth Guarantee implementation program), являющуюся предметом постоянных изменений в зависимости от конкретной экономической и социальной ситуации в соответствующих странах EG20. Ключевым фактором этой программы является четырехмесячная гарантия включения безработной молодежи в трудовую деятельность. Другой особенностью программы является так называемая схема «рабочий мостик» (Job Bridge), что предполагает гарантию получения профессиональной стажировки в течение 6–9 месяцев для тех, кто не может получить работу в силу слабой профессиональной подготовки либо желания приобрести новые навыки. В Ирландии эта схема предусматривает размещение 9 тыс. человек в частном, государственном или общественном секторах [Massimiliano M., Ludwinek A., Ledermaier S., 2015, p. 37]. При этом стажеры получают еженедельное пособие в размере 50 евро в период обучения. Для регионов, наиболее пострадавших от безработицы, программой предусмотрено дополнительное финансирование. Вышеперечисленные направления реализации программы «Молодежные гарантии» наиболее широко используются в Австрии, Финляндии и Швеции, где удачное функционирование гарантийных схем оказало существенное влияние на снижение

уровня безработицы среди молодежи. По оценкам МОТ, внедрение «Молодежной гарантии» в еврозоне будет стоить 21 млрд евро (0,22% от ВВП ЕС). Это позволит трудоустроить дополнительно 14,6 млн человек [Exploring the diversity of NEETs, 2016, p. 28].

В качестве основного инструментария программы «Молодежной гарантии» используется набор, состоящий из 24 мер, которые включают в себя: предоставление консультационных услуг, в том числе онлайн-консультирование (консультационные центры Киберхаусы в Дании (Cyberhouse counselling service)); создание сервисных и информационных центров для социально незащищенных молодежных групп (Молодежная сеть Чавос Небо (Chavós Nebó Youth Network)) в Испании; предоставление бесплатных юридических услуг для молодых людей из уязвимых слоев населения в Греции.

Существует широкий спектр мероприятий, включенных в национальные молодежные программы, начиная от информационно-пропагандистских до предоставления конкретных услуг, таких как профессиональное обучение и приобретение опыта работы или профилактика раннего ухода из школы. Полное использование всего спектра конкретных мер по обеспечению занятости среди молодежи необходимо для индивидуального подхода к молодым людям в зависимости от их потребностей в том или ином виде деятельности. Эти меры делятся на следующие категории:

- информация, консультации и рекомендации;
- помощь в привлечении на учебу или работу. Эта система мер предотвращает преждевременное окончание школы и способствует возвращению в них для продолжения образования. Кроме того, сюда включаются меры, направленные на трудоустройство молодых людей с помощью стимулирования занятости;
- создание инфраструктуры для обучения и приобретения опыта работы в специализированных центрах подготовки;
- содействие молодежному предпринимательству, направленное на упрощение финансовых и организационных барьеров для открытия молодыми людьми собственного бизнеса;
- целевые меры, направленные на поддержку наиболее уязвимых групп молодежи – с ограниченными возможностями и из неблагополучных семей [Massimiliano M., Ludwinek A., Ledermaier S., 2015, p. 59].

В ряде стран в последние годы происходили изменения в критериях и суммах помощи по отдельным программам. В некоторых странах программы поддержки молодежи были урезаны,

в других странах были предприняты меры с целью увеличения количества молодых людей, имеющих право воспользоваться программами помощи. Так, например, в Ирландии ставки пособий для молодежи были последовательно снижены после начала кризиса в 2008 г. Уровень пособия, выплачиваемого новым претендентам от 20 лет, сократился в 2009 г. с 204 евро до 100 евро в неделю. Для лиц в возрасте 25 лет этот уровень был сокращен до 144 евро, а для лиц в возрасте старше 26 лет и старше – до 188 евро в неделю.

В Дании социальная помощь для всех молодых людей в возрасте до 30 лет с минимальным уровнем образования с 01.2014 была заменена «образовательным грантом» с более низким значением, сумма которого составила 340 евро в месяц для тех, кто живет с родителями, и 785 евро для тех, кто живет самостоятельно. В Нидерландах период ожидания пособия по социальной помощи с 2012 г. составил четыре недели для молодых людей в возрасте до 27 лет, с целью сократить количество претендентов на получение пособия.

В Греции социальные пособия по безработице для индивидуально занятых в 2013 г. были увеличены. Кроме того, молодые люди, не получившие права на социальные пособия или исчерпавшие право на него, также стали получать пособия. Однако минимальный возраст лиц, имеющих право требовать поддержку, был снижен с 45 до 20 лет. Был также увеличен максимальный уровень дохода, при котором семьи могут претендовать на получение социальной помощи (с 5 тыс. евро до 10 тыс. евро).

В Словении, в результате проведенных в 2013 г. реформ в области трудового права, были значительно смягчены условия для получения пособия по безработице для лиц моложе 30 лет и повышены их размеры от 70 до 80% от последнего заработка в течение первых трех месяцев.

Во Франции в 2009 г. был продлен доступ к фонду «Солидарный доход» (Revenu de Solidarité) молодым людям до 25 лет, хотя число лиц, имеющих право на его получение ограничивалось 3,214 тыс. рабочими часами или двумя годами работы по полной занятости.

В Швеции существенные изменения в принципах социальной поддержки молодежи были осуществлены в 2013 г., когда были введены специальные пособия для лиц в возрасте от 20 до 24 лет, которые в течение трех лет поменяли место жительства. Тем не менее чтобы претендовать на получение пособия, молодые люди должны быть заняты до этого, по крайней мере, 15 месяцев

(до 25 лет) и 6 месяцев старше 25 лет. Вместе с тем минимальный размер пособий был снижен в 2011 г. [Massimiliano M., Ludwinek A., Ledermaier S., 2015, p. 142].

Программа «Молодежные гарантии» является наиболее успешной по сравнению с другими европейскими реформами. Все государства – участники этой программы ввели в действие планы ее внедрения и адаптации с тем, чтобы более эффективно решать вопросы реализации потребностей молодежи. В долгосрочной перспективе программа адаптации молодежи обеспечит положительный эффект, когда вся система будет внедрена и отработана. Это, в свою очередь, снимет все структурные барьеры к доступу молодых людей на рынок труда, заключают авторы.

Рассматривая **гендерную структуру безработицы**, Н. Дуэль, Л. Сурау и Т. Веттер отмечают, что в большинстве стран ЕС (за исключением Греции, Дании и Чехии) от 50 до 70% из числа лиц, не имеющих работу, приходилось в 2013 г. в течение долгосрочного периода на мужчин.

Более высокая доля мужчин среди безработных в течение длительного периода наблюдается на Мальте, в Ирландии, Финляндии и Великобритании. При этом на Мальте эта тенденция объясняется большим разрывом в уровне занятости между мужчинами и женщинами, а в случае с Финляндией этот разрыв минимален среди европейских стран. В данном случае более высокая доля мужчин среди долгосрочно безработных связана с различиями в характере трудовой деятельности, выполняемой мужчинами и женщинами.

В большинстве стран экономические преобразования, следовавшие после экономического кризиса, в большей степени оказали влияние на те сектора экономики, в которых работают преимущественно мужчины [Duell N., Thureau L., Vetter T., 2016, p. 17].

В странах с высоким уровнем **долгосрочной безработицы** скорость перехода от безработицы к занятости сильно различаются, отражая динамику национальных рынков труда. При этом динамика рабочей силы может характеризоваться не только показателями прироста рабочих мест, но и размером отработанного времени.

Так, в Греции и Словакии в течение длительного периода (2010–2015) наблюдалась низкая норма перехода к занятости – 5%, что в 10–50 раз ниже, чем в странах с высоким показателем перехода от безработицы к занятости – Португалии и Испании, где эта норма достигла экстраординарного уровня.

Немецкие компании стремились приспособиться к рецессии за счет увеличения количества отработанных часов, когда два фактора способствовали достижению высокого уровня гибкости рабочего времени: широкое распространение **краткосрочной занятости** и использование так называемых **«счетов рабочего времени»**, которые применялись еще до кризиса. В Германии показатель краткосрочной занятости составил 4%. В некоторых других странах ЕС она также достигла высокого уровня. Так, в Бельгии этот показатель составил 7,5% от общего количества занятых и от 1 до 2,5% в Австрии, Чехии, Франции, Италии, Ирландии, Нидерландах и Словакии [Duell N., Thurau L., Vetter T., 2016, p. 41].

Неравенство в сфере образования остается одной из главных проблем Евросоюза. Процент молодых людей из бедных семей, которые получили научную степень, варьируется по Евросоюзу от 41% на Мальте до всего лишь 6% в Польше, Чехии и Словакии. И это также является следствием многих факторов. Например, молодые люди должны выбирать – получать ли им высшее образование и становиться квалифицированным специалистом или идти сразу на низкооплачиваемую работу, чтобы помогать своей семье?

Одним из важнейших факторов в сфере образования в ЕС является и социальное происхождение. В таких странах, как Болгария, Словакия, Венгрия, Франция, Люксембург, Португалия и Германия возможность получить высшее образование в основном зависит от социального происхождения, в Финляндии и Эстонии эта зависимость менее значима. Этот тип социального неравенства испытывают и мигранты, которые лишь во втором поколении имеют шанс получить достойное образование. Наиболее отчетливо это прослеживается в Скандинавских странах, а наименее всего в Хорватии и Англии.

В среднем по Европейскому союзу 8% молодых людей не закончили среднюю школу, более того, около 15% можно отнести к полностью безграмотным. Урезание стипендий и грантов для студентов стран, которые вынуждены смириться с политикой властей ЕС, играет очень важную роль в распространении экономического неравенства. Если студент не смог получить высшее образование, его возьмут только на низкоквалифицированную работу, а молодой человек из более благополучной семьи может получить научную степень и как следствие – более высокую и высокооплачиваемую должность. А если сопоставить количество молодых безработных в той же Испании (51%) и в Германии (7%), то получается, что от социального неравенства страдают именно в тех

странах, в которых осуществлялись меры жесткой экономии [Рост социально-экономического неравенства..., 2016].

Стратегия развития образования ЕС представлена в программе «Европа 2020: Меры ЕС для “умного развития”». В ее основе лежит задача построения экономики на основе знаний и инноваций. Программа определяет следующие четыре стратегических приоритета в области обучения и образования.

1. Возможность получения образования в течение всей жизни.
2. Повышение качества получения образования и подготовки кадров.
3. Содействие равенству, социальной сплоченности и активной гражданской позиции.
4. Развитие творческой и инновационной активности, в том числе предпринимательской, на всех уровнях образования и обучения.

Базовые цели, с которыми страны – члены ЕС готовы соглашаться, связаны с задачами, содержащимися в программе Открытый метод координации (ОМС), которые были интегрированы Советом Европы в Стратегию 2020 г. Эти задачи сводятся к следующему:

- доля молодых людей, отказавшихся от получения профессиональной подготовки и образования, должна составлять менее 10%;
- не менее 40% людей в возрасте 30–34 лет должны завершить некоторые виды высшего образования;
- не менее 95% детей (от четырехлетних до школьного возраста) должны получать начальное образование;
- по крайней мере, не менее 15% взрослого населения должно обучаться и повышать профессиональную подготовку в течение всей жизни;
- не менее 20% выпускников вузов и 6% от 18 до 34 лет с начальным профессиональным образованием должны потратить некоторое время на получение образования и обучение за рубежом;
- доля трудоустроенных выпускников от 20 до 34 лет, получивших высшее образование от одного до трех лет назад, должна составлять не менее 82%.

Кроме того, в задачи модернизации высшего образования в рамках приоритетов 2020 г. входит адаптация европейских университетов к глобальной конкуренции и повышение их рейтинга. В связи с этим определяются следующие цели:

- рост числа выпускников вузов;

- повышение качества и актуальности преподавания и обучения;
- содействие мобильности студентов и персонала вузов в целях приграничного сотрудничества;
- укрепление «треугольника знаний», связывающего образование, научные исследования и инновации;
- создание эффективных механизмов управления и финансирования высшего образования [Social policy reforms., 2016, p. 80].

Здравоохранение является одним из ключевых факторов социального развития, ключевым элементом инвестиций в человеческий капитал, а также фундаментальным определителем экономических и социальных результатов общественного развития. Большинство стран Европы считает предоставление услуг здравоохранения неотъемлемым, гарантированным правом любого человека, независимо от величины затрат на их оплату. Правительственные органы должны способствовать сохранению здоровья граждан путем создания условий для поддержания здорового образа жизни и предупреждения болезней. Система здравоохранения должна быть направлена на снижение факторов социального неравенства для тех, кто подвержен риску социальной изоляции, отмечает Д. Талбот [Social policy reforms., 2016, p. 61].

Совет Европы в 2006 г. опубликовал заявление «Об общих ценностях и принципах здравоохранения в странах ЕС». В нем определены принципы равенства к допуску к качественной медицинской помощи. Кроме того, в 2007 г. Еврокомиссия опубликовала Белую книгу: «Вместе за здоровье: Стратегический подход к ЕС 2008–2013» (Together for Health: A Strategic Approach for the EU 2008–2013). В книге изложена первая согласованная стратегическая основа, содержащая направления деятельности в области развития здравоохранения в ЕС. Стратегия предусматривает право людей быть ответственными за сохранение собственного здоровья и всеобщего доступа к услугам здравоохранения.

Особое внимание на реализацию политики в области здравоохранения в рамках ЕС было уделено таким странам, как Греция, Испания и Португалия, где в наибольшей степени осуществлялось сокращение финансирования в результате кризиса. При этом наиболее чувствительной сферой оказалась психиатрия. Поэтому Европейская комиссия определила «предупреждение депрессии и суицида» одной из приоритетных проблем в области здравоохранения. Это отражено в Европейском пакте психического здоровья и благополучия (European Pact for Mental Health and Well-being).

Меры, предпринимаемые государствами – членами ЕС в области **социального обеспечения**, рассматривают У. Бартлетт и П. Тайтент, которые определяют социальное обеспечение, как защиту отдельных лиц и семей от социальных рисков и предоставление им минимальных жизненных стандартов [Social policy reforms., 2016, p. 74]. Защита от социальных рисков может быть осуществлена в виде пособий, услуг и в натуральной форме. Помимо этого помощь может быть оказана через институты гражданского общества.

Для оценки уровня социального обеспечения авторы предлагают рассматривать семь показателей. Первые три показателя связаны с денежными пособиями:

- круг потребителей – определение лиц, претендующих на получение пособий;
- таргетинг – определение круга лиц, которые претендуют по получению пособия, не нуждаясь в нем;
- размер – величина пособий имеет особое значение в условиях жесткой бюджетной экономии, когда правительство может ограничивать размер пособий в реальном или номинальном выражении.

Если первые три показателя связаны с денежным обеспечением, то следующие два индикатора имеют отношение к предоставлению социальных услуг.

- Качество социальных услуг – определяет степень соответствия услуг требуемым потребностям их получателей.
- Обмен информацией между государствами по специфическим проблемам социальной защиты – информация по социальным услугам часто требует пересечения административных границ, например, обнаружив факты жестокого обращения с детьми, требуется обмен информацией работников здравоохранения.
- Шестой показатель представляет оценку степени преодоления бедности и социальной изоляции путем активной поддержки безработных и включения их в производство. Этот показатель характеризует масштабы, характер и степень успеха политики социальной активации со стороны правительства.
- Седьмой показатель характеризует социальные услуги, предоставляемые организациями гражданского общества, которые зачастую предлагают более качественные услуги, чем государство (близость к потребителям).

Население Европы стремительно стареет и, как ожидается, число лиц старше 65 лет удвоится к 2050 г. Этот **демографический**

сдвиг оказывает сильное влияние на государственные программы, связанные с социальным обеспечением [Bell J., Livingston G., Patten E., 2015]. В ближайшие десятилетия, исходя из отмеченных тенденций демографического развития, бремя по уходу за престарелыми родителями, вероятно, будет возрастать. В Германии и Италии, одних из самых «старых» наций в мире, к 2050 г. лица старше 65 лет составят более 30% от общего населения страны (табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста старшего поколения (от 65 лет и старше) в США, Германии и Италии (в % к численности населения)

Годы	США	Германия	Италия
1950	8,3	9,6	8,1
1960	9,2	11,5	9,5
1970	9,8	13,6	11,1
1980	11,3	15,6	13,4
1990	12,5	15,0	14,9
2000	12,4	16,3	18,3
2010	13,1	20,8	20,3
2020	16,6	23,1	22,8
2030	20,2	28,2	26,8
2040	21,2	31,8	31,7
2050	21,5	32,7	33,0

Источник: World Population Prospects: The 2012 Revision. United Nations, Population Division of the Department of Economic and Social Affairs.

По сравнению с США в Италии и Германии в два раза больше людей считают, что за экономическое благополучие пожилых людей правительство должно нести большую ответственность. Это является одним из ключевых выводов исследования, проведенного в рамках Исследовательского центра Пью (Pew Research Center). Основываясь на опросе более 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше, в США, Германии и Италии, выявлено, что многие семьи в этих странах сталкиваются с двойной проблемой: уход за престарелыми родителями и поддержкой взрослых детей. В исследуемых странах более половины взрослых, которые имеют хотя бы одного ребенка до 18 лет и старше, оказывают финансовую или нематериальную помощь детям в течение всего года. Примечательно, что во всех трех странах финансовая помощь в большей степени оказывается детям, нежели стареющим родителям. В исследовании также отмечается высокая обеспокоенность общественности по поводу социального обеспечения в будущем.

Во всех трех обследованных странах наблюдается скептическое отношение к системам социального обеспечения, в том числе и к системе пенсионного обеспечения. Отмечается, что все три системы пенсионного обеспечения финансируются за счет взносов работников. В Европе наблюдается тенденция к росту доли пожилых людей и сокращению доли трудоспособного населения, что затрудняет финансирование выплат нынешним пенсионерам.

Если государственные пособия уменьшаются или отсутствуют вообще, будущие пенсионеры должны полагаться в большей степени на собственные сбережения. 56% американцев и 61% немцев, которые еще не достигли пенсионного возраста, вкладывают деньги в частные пенсионные фонды или другие сберегательные формы, не полагаясь на органы социального обеспечения. В Италии же только 23% будущих пенсионеров поступают подобным образом, 76% не откладывают деньги на предполагаемую пенсию. Во всех трех изучаемых странах большинство молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет не откладывают средства и полагаются на систему государственного социального обеспечения. В Германии же 44% опрошенных заявили о том, что они откладывают часть заработка на формирование будущей пенсии. Среди итальянцев в возрасте от 50 до 64 лет только 25% вкладывают деньги в частные пенсионные фонды и только 13% молодых людей поступают подобным образом.

7 из 10 итальянцев (70%) ответили, что они помогали в течение года своим престарелым родителям с различными поручениями, в частности по ремонту и уборке дома, в то время, как в личном уходе предоставляют помощь 26% и в финансовой поддержке 20% опрошенных. Аналогично, 68% немцев помогли стареющим родителям по дому и его ремонту, личный уход обеспечивают 13% и финансовую поддержку оказывают 18%.

31% взрослых в Италии, 23% в Америке и 19% в Германии составляют так называемую «бутербродную группу» (sandwiched), поскольку зажаты между своими детьми и родителями так как имеют одного или двух родителей в возрасте 65 лет или старше, либо воспитывают маленького ребенка, либо оказывают финансовую помощь взрослому ребенку. Так, 64% итальянцев в возрасте от 40 до 50 лет чаще всего оказываются в этой ситуации. В Америке 47%, а в Германии 41% жителей в данной возрастной группе «зажаты» между престарелыми родителями и своими детьми [Bell J., Livingston G., Patten E., 2015].

Совершенно очевидно, что социальные факторы, определяющие качество жизни людей, представляют собой сумму условий, в которых они растут, живут, работают и стареют. Все эти факторы оказывают влияние на физическое и духовное здоровье людей. Эти факторы включают не только уровень занятости и доходов, но и качество предоставляемого в молодости образования и других социальных услуг. Необходимо также учитывать и состояние окружающей среды, в которой обитают люди. В связи с этим **состояние жилья** является одним из ключевых факторов здоровья нации, полагают Д. Ахрендт, Д. Юнгблат, М. Ройз и С. Николь.

В Европейском обзоре качества жизни за 2012 г. (European Quality of Life Survey (EQLS) отмечается, что только 3% населения Евросоюза живут в неблагоприятных жилищных условиях, хотя по отдельным странам эта величина может существенно отличаться. Так в Румынии, где отсутствуют базовые жилищные условия, у 22% ее жителей в домах отсутствуют туалеты и душевые. Подобные проблемы наблюдаются также в Болгарии и странах Балтии [Inadequate housing..., 2016, p. 19].

Строительные дефекты жилья является общей проблемой практически для всех стран ЕС. 12% респондентов жалуются на повышенную влажность и протечки в стенах и крышах и 9% живут с гнилыми окнами, дверьми и полами. 14% опрошенных сообщили, что не имеют возможности поддерживать в своих жилищах достаточный температурный режим. Подобные проблемы наиболее распространены в Греции, где 51% жилых домов не отвечают стандартам. В наименьшей степени эти проблемы существуют в Австрии и Швеции, где 92% резидентов указали на их отсутствие.

15% интервьюируемых жителей ЕС указали на недостаток жилплощади, 14% сообщили об отсутствии садового участка, балкона или террасы. Эти проблемы в наибольшей степени характерны для Латвии, где 31% пожаловались на перенаселенность, 7% сообщили о наличии недостатка площади и перенаселенности. В наименьшей степени эти проблемы присущи Словении, где у 86% населения нет проблем с жизненным пространством.

Если осуществить все работы по улучшению жилищных условий сейчас, то это позволит сэкономить около 200 млрд евро ежегодно, отмечают авторы. При этом наибольший социальный и экономический эффект будет получен от улучшения условий отопления и изоляции жилых помещений. Подобные меры, как известно, способствуют предотвращению респираторных и вирусных заболеваний, что сокращает показатели зимней смертности.

Предоставление других недостающих жилищных услуг, которые также необходимы и обязательны, не оказывает столь значительного влияния на решение долгосрочных проблем здравоохранения.

Работы по реконструкции начались в рамках ЕС в 2013 г. с затратами 60 тыс. евро на квартиру (включая НДС). В то время как компенсационные выплаты для жителей были снижены с 6 тыс. евро до 1 тыс. евро, от других платежей (подключение к инженерным коммуникациям и др.) владельцы квартир были освобождены. Однако ремонт окажется более затратным, поскольку он предполагает увеличение общей площади квартир, а также компенсацию за предоставление социального (бесплатного) жилья.

Далее в исследовании приводятся примеры реализации различных проектов по повышению качества жилья в отдельных городах и странах ЕС.

Лондон. Осуществляемая с 2008 г. муниципальными властями Лондона политика по устранению перенаселенности жилых помещений оказалась успешной в общественном жилом секторе двух городских районов – Камден (Camden) и Тауэр Хамлетс (Tower Hamlets). В результате норма перенаселенности в этих районах, составлявшая в 2011 г. наивысшую величину – 16,7%, сократилась до 13,2% в 2012–2013 гг. [Inadequate housing..., 2016, p. 56]. Тем не менее расчеты в области перенаселенности в частном секторе, показывают ее значительный рост по сравнению с общественным сектором, что, по мнению авторов, во многом определяется перемещением жителей из государственного жилого сектора в частный.

Ирландия. В целях более эффективного использования энергоресурсов была разработана специальная Программа по улучшению теплоснабжения жилых помещений (Better Energy Warmer Homes scheme), которая распространялась на всю территорию Ирландии. Программа включает в себя проекты по модернизации и улучшению механизмов энергосбережения при одновременном снижении дефицита топлива, что способствует ликвидации негативных последствий, связанных с плохой изоляцией жилых помещений. Программа является хорошим примером решения проблем недостаточной энергоэффективности жилого фонда, связанных в основном с низким его качеством, что порождает недостаток ресурсов для отопления, бедность и плохое здоровье. На сегодняшний день Программа способствовала улучшению энергоэффективности более 8 тыс. домашних хозяйств путем финансирования 106 отдельных проектов, что позволило сэкономить 56 кВт•ч электроэнергии в течение трех лет.

Амстердам, комплекс Bosleeuw представляет из себя комплекс четырехэтажных многоквартирных домов на западе Амстердама, принадлежащих государственной жилищной корпорации Стадгенут (Stadgenoot) в планы которой входило обновление и реконструкция этого комплекса. Однако разразившийся финансовый кризис внес коррективы в планы корпорации, поэтому вместо реконструкции всего квартала, который был густо заселен, было решено начать реконструкцию одного 179-квартирного дома с арендной платой 300–400 евро в месяц за квартиру площадью 50–60 кв. м.

Ремонт зданий должен финансироваться в течение 25 лет за счет арендных платежей, которые составят 10% всего объема инвестиций равного 10 млн евро. Предполагается, что сумма аренды увеличивалась на 40 евро в месяц в целях компенсации затрат на центральное отопление, утепление наружных стен и полов. Два других вида платежей носили необязательный характер. Первый связан с расширением площади ванной комнаты за счет ликвидации встроенных шкафов в спальне, что увеличивало стоимость аренды на 10 евро в месяц. На эту же сумму возрастала аренда при установке солнечных батарей на крыше здания.

Латвия. Жилищный фонд Латвии сформировался в основном между 50-м и 90-м годом прошлого столетия. 70% всех зданий в стране старше 50 лет и построены по единому стандарту, разработанному еще в коммунистический период. Жилищный фонд Латвии катастрофически стареет, что вызывает значительное беспокойство как у жителей, так и у городских властей. При этом наиболее остро стоит вопрос с обеспечением адекватного отопления жилья, затраты на которое составляют основную часть затрат домовладельцев. Средний счет по оплате за отопление старой квартиры в Риге составляет около 170 евро в месяц, что часто в 3 раза превышает аналогичные счета в квартирах новой постройки. Учитывая, что среднемесячная зарплата в Латвии составляет 600 евро, затраты на обеспечение жилья теплом сильно влияют на материальное положение людей.

В связи с этим энергетическая компания «Солнечная энергия» (Sun Energy (ESCO)) разработала программу, направленную на тотальный ремонт всего старого квартирного фонда, включая подвалы, лестницы, двери, системы горячего водоснабжения, отопления, вентиляции и крыши, чердачное пространство. Основные элементы этого проекта характеризуются следующими мероприятиями:

- улучшение жилища в целом;

- подход к модернизации каждого дома, как особенного и уникального;
- улучшение эстетичности зданий и устранение их технических недостатков;
- включение в проекты мер по улучшению качества жизни, окружающей среды и энергетического обеспечения [Inadequate housing..., 2016, p. 81].

Недостаточная обеспеченность энергией является одним из факторов социального отчуждения людей от участия в общественной жизни. Поэтому **проблемы энергетической бедности** приобретают в странах ЕС все большее значение. Под «энергетической бедностью» имеется в виду ситуация, когда отдельные граждане или домохозяйства не в состоянии обогреть жилище или получить другие энергетические услуги в соответствии с приемлемыми стандартами и по доступным ценам. Это понятие включает и тех, кто живет в условиях жаркого климата, но не в состоянии охладить свое жилище и тех, кто не имеет возможности приготовить горячую пищу, или разогреть воду для принятия душа, стирки белья, или использовать бытовую технику (стиральные машины, утюги, телевизоры, компьютеры и т.п.) [Energy poverty handbook, 2016, p. 17].

Большинство исследователей объясняют причины недостаточной энергетической обеспеченности граждан следующими тремя обстоятельствами:

- 1) низкий доход;
- 2) плохая термозащита и качество строений;
- 3) высокие цены на энергоносители.

Показатели обеспечения энергоносителями определяются также и другими факторами, например, существенное влияние оказывает соотношение между динамикой цен на энергоресурсы и ростом личных доходов или эффективностью потребления источников энергии. При этом отмечается тесная взаимосвязь между состоянием жилья, потребностями в энергоносителях и энергетической бедностью. Неудовлетворительное состояние жилых помещений является ключевым фактором в увеличении потребностей в энергии и, кроме того, оказывает негативное влияние на состояние здоровья. Установлено, что более 60% жилых домов в Великобритании, Бельгии, Италии, Испании и Франции были построены с нарушениями в теплоизоляции.

Неудовлетворительное состояние энергообеспечения оказывает также существенное влияние и на уровень занятости. Про-

блемы со здоровьем приводят к потере рабочего времени вследствие респираторных и более серьезных заболеваний.

По данным британского министерства здравоохранения [National Health Service (NHS)], на лечение гриппа и простуды ежегодно расходуется более 1 млрд ф. ст. Негативный эффект воздействия холода на состояние здоровья людей проявляется при относительно умеренной температуре наружного воздуха в диапазоне от 4 до 8°C.

В течение нескольких прошедших десятилетий многие страны сделали значительный вклад в повышение энергетической эффективности их жилищного фонда путем принятия обязательных стандартов при строительстве новых зданий. В зависимости от стройматериалов определяется уровень теплообмена между внешней и внутренней средой, и обычно измеряется U – коэффициентом, низкий уровень которого означает плохой уровень изоляции. Этот коэффициент рассчитывается отдельно для стен, полов и крыш и в целом для климатического региона, после чего определяется его средневзвешенное значение общей жилой площади. Те, кто имеет собственное жилье, осуществляют ремонт зданий за свой счет или пользуются поддержкой различных программ, спонсируемых государством. В странах ЕС – 28 наблюдается значительный разброс видов топливных ресурсов для отопления или охлаждения жилища. Распределение энергоносителей между этими странами осуществляется в следующем порядке.

- Природный газ используется в основном в Англии, Словакии, Нидерландах, Люксембурге, Италии, Венгрии, Германии, Франции, Чешской Республике и Бельгии.

- Нефтепродукты в большой степени используются в Люксембурге, Ирландии, Греции, Кипре и Бельгии.

- Местные топливные ресурсы широко используются в Швеции, Литве, Финляндии, Эстонии и Дании.

- Биомасса, в основном на деревянной основе, широко применяется в Румынии, Литве, Латвии, Эстонии и Болгарии.

- Электроэнергия в значительных объемах используется для отопления жилищ в Швеции, Португалии, Мальте, Финляндии и Кипре. Новые технологии – высокотемпературные насосы (heat pumps) все более активно используются для электрификации помещений.

- Уголь занимает значительную долю в энергообеспечении Польши и в меньшей степени в качестве средства для отопления в ряде других стран ЕС [Energy poverty handbook, 2016, p. 53].

В странах Центральной и Восточной Европы отмечается наиболее высокий уровень энергетической недостаточности. Уязвимое положение граждан этих стран в области энергообеспечения авторы объясняют таким наследием централизованно планируемой экономики, как недостаточная теплоизоляция жилищного фонда, низкие цены на энергоносители и неустойчивость структуры потребления топливных ресурсов. При переходе этих стран к рыночной экономике в 1990-е годы добавили к названным недостаткам. Добавились и другие проблемы, например, такие, как повышение тарифов на энергоносители без адекватной компенсации и повышения энергоэффективности. К этому следует добавить зависимость от российских импортных поставок топлива и связанные с этим инфраструктурные блокировки его подачи.

Энергетическая бедность присутствует также и в странах Западной и Северной Европы. Однако в них она связана с определенными демографическими группами населения или типами жилья и возможностями приобрести (купить) «доступное тепло». Наиболее значительные уровни энергетической бедности в этой группе стран наблюдаются в Великобритании, Ирландии, Франции и Бельгии.

Одним из наиболее часто используемых показателей измерения энергетической бедности является соотношение дохода домашних хозяйств к расходам на энергопотребление. Домашнее хозяйство считается энергетически бедным, когда расходы на энергию составляют менее 10% от его среднего дохода по стране.

Текущая политика Еврокомиссии в области борьбы с энергетической бедностью сосредоточена на защите потребителей в рамках регулируемого рынка и включает в себя следующие меры:

- кратковременная финансовая помощь, выделяемая на оплату счетов за потребление энергоресурсов;
- программы энергетической эффективности с целью улучшения качества строительных материалов или повышения эффективности энергии, используемой в бытовых приборах;
- предоставление информации с целью лучшего понимания прав потребителей и формирования тарифов на энергоносители, а также мер по энергосбережению [Energy poverty handbook, 2016, p. 125].

Несмотря на то что Евросоюз – один из наиболее развитых регионов мира, энергетическая бедность еще является здесь большой проблемой. Это подтверждается следующими данными:

- 42 млн человек имеют задолженность по коммунальным услугам;
- 54 млн человек не обеспечены приемлемыми тепловыми условиями;
- 161 млн человек несут несоразмерные жилищные расходы.

Ряд европейских стран, например Испания и Португалия, предпринимают усилия в борьбе по преодолению энергетической бедности, что зафиксировано в программе «Устойчивое городское развитие» (Sustainable urban development). Эстония планирует до 2020 г. уменьшить число людей, находящихся под угрозой риска энергетической бедности, на 15% и увеличить социальную помощь на 11%. Литва, Италия и Франция планируют существенно увеличить инвестирование в жилье и социальную инфраструктуру, уделив основное внимание многоквартирному строительству. Бельгия, Люксембург и Швеция связывают социальную интеграцию с эффективностью энергообеспечения в рамках одной из Операционных программ (Operational Programmes). Целью этой программы является «обеспечение высокоэффективной когенерации тепла и энергии», а также «обеспечение поддержки физической и социальной регенерации депрессивных общин» [Energy poverty handbook, 2016, p. 155].

Методы измерения неравенства

Неравенство в странах ЕС определяется, прежде всего, различиями в распределении денежных ресурсов внутри или между различными популяциями. Для этого используются следующие методы:

- **коэффициент Джини** фиксирует различия в неравенстве доходов домохозяйств в течение определенного периода либо между различными регионами и странами. Его величина колеблется между 0 (отсутствие неравенства) и 1 (общее неравенство);
- **коэффициенты дециля** измеряют различия в доходах между высоко и низкооплачиваемыми работниками. Часто используется соотношение 90/10 децилей, которое показывает разрыв топ 10% самых богатых и 10% работников с самыми низкими доходами;
- **показатель «риска бедности»** определяет «тех, кто получает ниже 60% национального среднего эквивалентного располагаемого дохода», рассчитывается как доход домохозяйства, деленный на его «эквивалентный размер»;

– **порог бедности** – определяется как 60% от среднего уровня дохода для любого конкретного государства. Это означает, что те, кто имеет доход ниже этого уровня, находятся на пороге бедности или ниже его. Например, в Великобритании порог бедности составляет 17 тыс. евро в год (ниже этого уровня в Великобритании проживает 17% населения). В Чешской Республике порог бедности составляет 6 тыс. евро (10% населения проживают ниже этого уровня бедности) [Why socio-economic inequalities increase?, 2010, p. 18].

Уровень бедности измеряется в ЕС с использованием **индикатора AROPE**, который отражает ситуацию, при которой люди подвергаются тому или иному риску нищеты, характеризующему, во-первых, недостаточным материальным обеспечением, во-вторых, низкой интенсивностью работы в своих домашних хозяйствах. Коэффициент AROPE – это доля общей численности населения, которая подвержена риску нищеты или социальной изоляции. Это относительная величина, которая зависит от конкретных условий жизни каждой страны [Ortiz A. Europe for the many..., 2015].

Разница в уровне бедности измеряет расстояние между доходом (медианным эквивалентным) людей, живущих ниже порога бедности, и значением этого порога с точки зрения покупательной способности [Poverty and inequality..., 2016].

Как правило, люди, которые в течение нескольких лет находились ниже уровня бедности, могут быть в более экстремальной ситуации, чем те, кто находится в такой ситуации в течение короткого времени. Таким образом, важно также измерить продолжительность жизни людей в бедности. Однако в настоящее время на уровне ЕС подобные данные отсутствуют, что ограничивает возможность оценки тех, кто более длительный срок находится ниже значения порога бедности и, вероятно, окажется в худшем положении.

Значительный вклад в разработку методов определения неравенства внес доклад, подготовленный Европейским фондом улучшения условий жизни и труда (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound)). В нем приведены результаты сравнительного анализа в области неравенства доходов в странах – членах ЕС до и после финансового кризиса 2005–2014 гг. Объектом исследования является не только неравенство в размерах заработной платы, но также и в уровнях общих доходов, которые более полно отражают изменения показателей неравенства в период турбулентности экономик [Vacas-Soriano C., Fernández-Macías E., 2017, p. 4]. Так, включение в рас-

четы информации по доходам самозанятых позволяет определять значения неравенства на более высоком уровне, поскольку доходы наемных работников более неравномерно распределяются среди самозанятых, нежели между наемными работниками. Та же тенденция характерна и для доходов на капитал, которые распределяются более неравномерно по сравнению с трудовыми доходами. Однако влияние доходов от капитала на динамику неравенства трудно измерить, и их роль в этом процессе является вторичной, возможно по причине трудности измерения величины капитала и доходов, получаемых от него.

Эволюция неравенства доходов в период производственного цикла представляет особый интерес для исследователей на стадии кризиса. Теоретически неравенство в доходах должно оказывать антикризисное воздействие, увеличиваясь во время спада экономики. С другой стороны, уровни заработной платы должны соответствовать фазам цикла, поскольку поиски квалифицированных рабочих мест затрудняются во время рецессии [Vacas-Soriano C., Fernández-Macías E., 2016, p. 6].

Уровни неравенства существенно сокращаются при слиянии семейного дохода и социальных государственных выплат. При этом уровни неравенства довольно близки при начальном измерении заработной платы работников, занятых полный рабочий день, и окончательном расчете доходов домохозяйств. По оценкам ОЭСР Джини индекс домохозяйств в 2014 г. составлял 0,336 (доход относительно 2013 г.) (см. табл. 2), что существенно ниже аналогичного показателя в США, который был равен за этот же период 0,390¹ [Vacas-Soriano C., Fernández-Macías E., 2016, p. 17].

Уровень неравенства в отдельных странах определяется динамикой экономики, рынком труда и его институтами, а также особенностями социальной политики, характерными для соответствующих групп стран, классифицируемых в соответствии с общими особенностями, определяющими уровни неравенства (группы располагаются по мере уменьшения уровня неравенства).

Средиземноморские страны (Кипр, Греция, Италия, Португалия и Испания) характеризуются высоким уровнем неравенства располагаемого дохода домохозяйств. То же относится и к показателю неравенства трудовых доходов, особенно когда анализ включает данные по безработным и малоактивным гражданам.

¹ OECD Income Distribution Database for the working age population, considered as 18–65 years.

Включение дохода семьи существенно влияет на показатели общего неравенства, в то время как состояние государственного социального обеспечения играет сравнительно скромную роль в перераспределении дохода.

Таблица 2

**Джини коэффициент для некоторых видов доходов
(страны ЕС в целом)**

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Месячная зарплата, служащие (з. п.д.) ¹	0,376	0,367	0,360	0,356	0,346	0,352	0,352	0,346	0,346	0,344
Месячный трудовой доход, рабочие (з. п.д.)	0,413	0,406	0,398	0,396	0,384	0,390	0,388	0,381	0,382	0,381
Месячный трудовой доход, рабочие	0,419	0,413	0,408	0,406	0,395	0,400	0,400	0,394	0,394	0,394
Годовой трудовой доход, трудоспособные	0,632	0,619	0,613	0,603	0,601	0,607	0,608	0,605	0,607	0,605
Годовой трудовой доход, все население	0,492	0,482	0,474	0,467	0,464	0,473	0,477	0,477	0,480	0,481
Рыночный доход домохозяйств	0,493	0,480	0,474	0,463	0,459	0,469	0,471	0,470	0,474	0,472
Располагаемый доход домохозяйств	0,355	0,344	0,343	0,337	0,330	0,333	0,333	0,333	0,334	0,336

Страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва) также характеризуются значительным уровнем неравенства по показателю располагаемого дохода домашних хозяйств. По неравенству заработной платы они занимают наивысшую позицию среди стран ЕС, но в отличие от Средиземноморских государств в этих странах неравенство сокращается при учете безработных и нетрудоспособных граждан. Семейные доходы и объем государственных пособий оказывают незначительное влияние на показатели общего неравенства.

¹ Заняты полный рабочий день.

Англосаксонские страны (Англия и Ирландия) характеризуются средним или высоким уровнем неравенства доходов и наивысшим его уровнем по заработной плате наемных служащих. При включении в расчеты безработных и недееспособных граждан уровень неравенства по оплате их труда существенно снижается. Влияние же семейного дохода ничтожно. Что касается государственного социального обеспечения, то в Англии оно оказывает среднее, а в Ирландии сильное влияние на сокращение уровня неравенства, что послужило основанием для снижения позиции этих стран в финальном процессе ранжирования стран по уровню неравенства.

Страны Центральной и Восточной Европы разделены между средним (Польша и Венгрия) и низким уровнем неравенства располагаемого дохода домашних хозяйств (Словения, Чехия и Словакия). Эти страны имеют относительно низкий уровень неравенства по доходам работающих, однако показатель неравенства возрастает, если учитываются безработные и нетрудоспособные граждане. Сильное влияние в сокращении неравенства оказывают семейные доходы, особенно это заметно в Словении, Венгрии и Чехии.

Страны континентальной Европы (Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург и Голландия) ранжируются от среднего (зарплата) до низкого уровня неравенства. При включении в расчет данных по безработным неравенство доходов увеличивается, что понижает ранговое значение этого показателя среди этих стран. Семейные доходы оказывают среднее влияние на показатель неравенства, в то время как государственное социальное обеспечение — значительно снижает показатель неравенства [Vacas-Soriano C., Fernández-Macías E., 2016, p. 34].

Большое значение на динамику уровней неравенства оказывает состояние **среднего класса**¹, поскольку его размер ранжи-

¹ В данном исследовании средний класс определяется размером располагаемого дохода домохозяйств в диапазоне от 75% до 200% от его медианного уровня в каждой стране. Те, кто имеет доход ниже 75%, относятся к нижнему классу, те, у кого доход выше 200% от медианного уровня, являются представителями класса с высокими доходами. В предыдущих исследованиях использовались другие интервалы для определения среднего класса. Так, например, в исследовании МОТ средний класс определялся диапазоном от 60 до 200% от медианы. При этом предлагалось избегать определения среднего класса на нижнем уровне (60%) диапазона, используя 15% (от 75 до 60) как черту бедности в качестве границы между нищетой и нижней точкой среднего класса.

руется в диапазоне от 50 до 70% общей численности населения отдельных стран ЕС. Наибольшее количество представителей среднего класса отмечается в Скандинавских странах и некоторых странах ЦВЕ (Чешская Республика, Словения и Словакия). Существенно меньше его в континентальных странах и еще меньше в средиземноморских странах и государствах Балтии. Разрыв между странами в размерах среднего класса сопровождается также значительной дифференциацией в доле людей, имеющих низкий и особенно высокий уровни доходов. Так, число людей, находящихся на нижнем уровне материального обеспечения, составляет примерно 30% всего населения в средиземноморских странах. В англосаксонских, балтийских и Скандинавских странах, а также в некоторых странах ЦВЕ (Чехия, Словакия и Словения) эта величина составляет 20–25%. Что касается доли населения, имеющих большие доходы, то в Скандинавии, Бельгии, Словении и Словакии он составляет примерно 5%, между 5% и 10% – в континентальных, остальных странах ЦВЕ и англосаксонских странах. Около 10% людей с высокими доходами приходится на средиземноморские (за исключением Италии) и балтийские страны.

Измерение **относительной бедности** по доходам отражает только часть картины и не полностью описывает сложность категории «бедность». Необходимо измерить другие элементы, определяющие многомерный характер бедности. К ним относятся уровень задолженности, уровень безработицы и занятости, состояние здоровья, уровень образования, число людей, живущих в условиях недостаточного жилья и плохих экологических условиях, доступность государственных услуг.

При измерении бедности следует также учитывать систему социального обеспечения страны, поскольку это дает представление об эффективности системы перераспределения ресурсов. В государствах – членах ЕС риск бедности будет значительно выше, чем в действительности, если бы не было социальных трансфертов. В самых щедрых и эффективных системах уровень бедности сокращается за счет социальных трансфертов на 50% и более, тогда как при наименее эффективном уровне ставка снижается только на 20% или менее.

Показатели депривации – еще один важный подход к измерению относительной бедности. Это попытка выйти за рамки монетарных показателей и полнее учитывать реальный уровень жизни. По сути, этот подход включает идентификацию товаров или видов деятельности, которые рассматриваются как основные

потребности в стране. Это может быть наличие новой, а не подержанной одежды, подходящей обуви, мяса или рыбы в рационе, адекватное отопление, телевидение, возможность отправиться в паб или на социальную прогулку с друзьями после трудовой недели. В некоторых странах бедность измеряется путем сочетания относительных уровней дохода с показателями депривации.

И, наконец, еще одним способом измерения бедности является так называемый **бюджетный стандарт**, в котором бедность рассчитывается на основе стоимости конкретной корзины товаров и услуг (продукты, одежда, личная гигиена, расходы на здравоохранение и образование, товары и услуги для дома, жилье, транспорт, топливо и т.д. [Wage bargaining under..., 2015, p. 234].

Заключение

Неравенство между различными группами людей – бедными и богатыми, одинокими и семейными, мужчинами и женщинами, молодыми и пожилыми – вызов социальному прогрессу. Свою миссию в XXI в. ЕС видит в обеспечении безопасности и содействии экономической и социальной солидарности европейцев. Рост бедности, изоляции, неравенства в получении доходов и важнейших социальных благ относятся к основным рискам, порождаемым интеграцией мирового масштаба, играющим все возрастающую роль в системе вызовов безопасности нынешнего столетия. Борьба с бедностью не только моральный долг общества, но и экономическая необходимость [Ales E., Jaspers T., 2009, p. 8].

Для достижения более высокого уровня равенства граждан стран – членов ЕС Еврокомиссия разработала рекомендации, являющиеся руководящими принципами решения данной проблемы в будущем. Эти рекомендации включают реализацию следующих четырех политических задач, которые должны быть адаптированы для институционального и национального контекстов.

1. Укрепление институциональной демократии:

- поддержка более активного участия граждан в процессах бюджетирования и распределения ресурсов;
- разработка политики, препятствующей проникновению корыстных интересов в механизмы социально-экономических процессов, посредством внедрения обязательных реестров общественного лобби и сбалансированных составов экспертных групп в целях применения более жестких правил по защите интересов трудящихся;

- предоставление более качественной и доступной информации об административных и бюджетных процессах.

2. Реинвестирование в социальную сферу государственных слуг:

- гарантия бесплатного, общедоступного, всеобщего образования и здравоохранения для всех граждан;

- приоритет гендерного бюджетирования и систематический анализ предлагаемых мер экономической политики в отношении их воздействия на женщин и девочек. Осуществлять финансирование, способствующее гендерному равенству, включая перераспределение обязанностей по уходу за престарелыми, инвалидами и детьми;

- разработка системы социальной защиты, отвечающей потребностям наиболее уязвимых слоев общества, защиты малообеспеченных домашних хозяйств, детей и молодежи.

3. Гарантия предоставления достойной работы и заработной платы:

- обеспечение механизма взаимосвязи занятости с системой социальной защиты;

- устранение гендерного разрыва в оплате труда и согласование планов по сокращению гендерного неравенства в области денежной компенсации и стажа работы;

- признать в качестве трудового вклада работу по уходу за детьми и престарелыми, а также предоставлять услуги для облегчения их обслуживания. Обеспечивать оплачиваемый медицинский и семейный отпуск, предоставлять гибкий рабочий график и отпуск по уходу за ребенком.

4. Налоговое законодательство:

- расширять сотрудничество в борьбе с уклонениями от налогов и вредной налоговой конкуренцией, что требует принятия всеобъемлющей прозрачной системы отчетности для крупных компаний, работающих в Европе, для более полного сбора налогов;

- интенсификация исследований в области изучения влияния налоговой политики на развитие стран Содружества с целью постепенного роста их налоговых поступлений;

- обеспечивать равноправное участие развивающихся стран в международных налоговых дискуссиях и принятии решений;

- содействие прогрессивным налоговым системам в Европе [Ortis A., 2015, p. 5].

Список литературы

1. Рост социально-экономического неравенства в ЕС // Политобразование. Информационно-аналитический журнал. – М., 2016. – 29.10. – Режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/rost-socialno-ekonomicheskogo-neravenstva-v-es>
2. Самушкайте Э. Литва – чемпионка ЕС по уровню неравенства и эмиграции // DELFE.RU. – 2017. – Апрель. – Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/news/live/litva-chempionka-es-po-urovnyu-neravenstva-i-emigracii.d?id=74473072&rsslink=true>
3. Bell J., Livingston G., Patten E. Family support in graying societies: How Americans, Germans and Italians are coping with an aging population // Pew Research Center. Social & Demographic Trends. – Washington, DC. – 2015. – 21.05. – Mode of access: <http://www.pewsocialtrends.org/2015/05/21/family-support-in-graying-societies/>
4. Changes in remuneration and reward systems / Corral A., Duran J., Isusii I., Fric K., Demetriades S., Aumayr-Pintar C.; Eurofound, European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. – Luxembourg. – 2016. – 63 p.
5. Dauderstädt M., Keltek C. Inequality in Europe: Relatively stable, absolutely alarming / Friedrich-Ebert-Stiftung. – Berlin. – 2017. – 8 p.
6. Dauderstädt M., Keltek C. No progress on social cohesion in Europe / Friedrich-Ebert-Stiftung. – Berlin. – 2016. – 7 p.
7. Duell N., Thureau L., Vetter T. Long-term unemployment in the EU: Trends and policies / Bertelsmann Stiftung, Economic Research & Consulting. – Brussels. – 2016. – 86 p.
8. Energy poverty handbook / The Greens EFA group of the European Parliament; ed. by K. Csiba. – Brussels. – 2016. – 183 p.
9. Exploring the diversity of NEETs / European foundation for the Improvement of living and working conditions. – Dublin. – 2016. – 63 p.
10. Fóti K., Fromm A. Approaches to the labour market integration of refugees and asylum seekers / European foundation for the improvement of living and working conditions. – Dublin. – 2016. – 50 p.
11. Fundamental Social Rights in Europe: Challenges and Opportunities / Ales E., Jaspers T., Lorber P., Sachs-Durand C., Wendeling-Schröder U. – Cambridge. – 2009. – 166 p. – (Social Europe Series).
12. Inadequate housing in Europe: Costs and consequences / Ahrendt D., Jungblut J.M., Roys M., Nicol S. / European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound). – Luxembourg. – 2016. – 103 p.
13. Living and working in Europe. Eurofound yearbook 2015 / Eurofound, Publications office of the European Union. – Luxembourg. – 2016. – 90 p.
14. Massimiliano M., Ludwinek A., Ledermaier S. Social inclusion of young people / Eurofound. Publications Office of the European Union. – Luxembourg. – 2015. – 145 p. – Mode of access: http://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1533_v3.pdf

15. Ortis A. Europe for the many, not the few. Time to reverse the course of inequality and poverty in Europe // OXFAM briefing paper. – Brussels. – 2015. – Mode of access: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp206-europe-for-many-not-few-090915-summ-en.pdf
16. Paskov M., Dewilde C. Income inequality and solidarity in Europe / Amsterdam Institute for Social Science Research, University of Amsterdam. – Amsterdam. – 2012. – 43 p.
17. Pillar of Social Rights / European Commission. – 2017. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-1007_en.htm
18. Poverty and inequality in the European Union. – London. – 2016. – Mode of access: <http://www.poverty.org.uk/summary/eapn.shtml>
19. Schellinger A. Giving teeth to the EU's social dimension. Dismal failure and promising potential / Friedrich Ebert Stiftung, International Policy Analysis. – Berlin. – 2015. – 15.09. – 14 p. – Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/11649.pdf>
20. Social mobility in the EU / Ludwinek A., Anderson R., Ahrendt D., Jungblut J.-M., Leončikas T.; Foundation for the improvement of living and working conditions. – Luxembourg. – 2017. – 83 p.
21. Social policy reforms in EU: A cross-national comparison. Social inclusion monitor Europe – Reform barometer / Ed. by J. Arpe, S. Milio, A. Stuchlik. – 2015. – 102 p. – Mode of access: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/publications/publication/did/social-policy-reforms-in-the-eu-a-cross-national-comparison-1/>
22. Unemployment, internal devaluation and labour market deregulation in Europe/ ed. by Myant M., Theodoropoulou S. and Piasna A. / European Trade Union Institute (ETUI). – Brussels, 2016. – 255 p.
23. Vacas-Soriano C., Fernández-Macías E. Income inequalities and employment patterns in Europe before and after the Great Recess / European foundation for the improvement of living and working conditions. – Luxembourg, 2017. – 60 p.
24. Wage bargaining under the new European Economic Governance. Alternative strategies for inclusive growth / Edited by G.V. Gyes and T. Schulten / European Trade Union Institute (ETUI). – Brussels, 2015. – 417 p.
25. Why socio-economic inequalities increase? Facts and policy responses in Europe European Commission / Directorate-General for Research Communication Unit. – Brussels, 2010. – 48 p.

О.Н. Пряжникова

ПОДХОДЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА

В статье рассматриваются подходы ряда международных организаций к борьбе с неравенством. Представлены ключевые направления деятельности в сфере сокращения неравенства Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, Международного валютного фонда, Международной организации труда и Оксфам.

Ключевые слова: неравенство; бедность; ООН; Всемирный банк; МВФ; МОТ; Оксфам.

Неравенство как глобальная проблема

В последние несколько десятилетий наблюдается тенденция усугубления неравенства доходов как на глобальном уровне, так и внутри стран. Сегодня на долю 1% самого богатого населения планеты приходится 40% мировых активов, при этом 50% населения мира обладает лишь 1% мирового богатства, что свидетельствует о высокой степени концентрации богатства и большом неравенстве [Inequalities and...]. При этом наблюдается прогресс в сокращении доли беднейшего населения. Однако, по оценкам экспертов, для того, чтобы 1 млрд населения с самыми низкими доходами мог бы получать 10% глобального дохода, если изменения будут идти теми же темпами, что и сейчас, потребуется 800 лет [Ortiz I., Cummins M., 2011].

Несмотря на сокращение крайней бедности в целом, в последние несколько десятилетий наблюдается рост неравенства в развитых странах. Если в 1980 г. доходы 10% самых богатых слоев населения стран ОЭСР были примерно в семь раз выше доходов 10% самых бедных, то сейчас это превышение составляет 9,5 раза [Keeley B., 2015, p. 10].

Несмотря на то что многие развивающиеся страны демонстрируют успехи в сокращении бедности в последнее время, в них также растет неравенство. Так в Азии неравенство доходов выросло в таких странах, как Китай, Индия и Индонезия. В Китае разрыв доходов начиная с 1990 г. рос в среднем на 1,6% в год.

Самый высокий в мире уровень неравенства сохраняется в странах Латинской Америки, хотя в этом регионе разрыв доходов между бедными и богатыми в последнее время значительно сократился. Здесь улучшились показатели уровня бедности, неравенства доходов домашних хозяйств и неравенства в оплате труда. Если в 2000 г. на 4 долл. в день жили в среднем 40,4% населения стран Латинской Америки, то в 2012 г. доля таких граждан снизилась до 20,4%, а доля населения, живущего на 2,5 долл. в день, сократилась соответственно с 23,9 до 12,8% [Growth, employment..., 2017, p. 41].

Снижается уровень неравенства и бедности и в беднейших странах мира – странах Африки южнее Сахары, – где в период с 1990 г. индекс Джини в среднем по странам сократился почти на пять пунктов. Согласно данным Всемирного Банка в 1981 г. в странах Африки южнее Сахары 51% населения считались бедными, живя на сумму менее 1,25 долл. в день. В 1999 г. таких было 58%, а к 2010 г. их насчитывалось 48% [Growth and poverty..., 2016, p. 8]. Тем не менее неравенство и бедность в Африке остаются высокими и продолжают тормозить социально-экономическое развитие региона.

Международные организации воспринимают неравенство как одно из существенных препятствий устойчивого развития и экономического роста и заявляют о насущной необходимости поместить цели сокращения неравенства в центр политики экономического развития как на глобальном, так и на национальных уровнях. В статье рассматриваются подходы к борьбе с неравенством таких организаций, как Организация Объединенных Наций, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Международная организация труда и Оксфам, а также представлены ключевые направления их деятельности в данной области и приведены основные выводы ряда экспертов международных организаций по проблеме неравенства.

Организация Объединенных Наций

В сентябре 2000 г. под эгидой ООН состоялся Саммит тысячелетия (Millennium summit) с участием представителей 189 государств. На этом саммите были утверждены Цели развития тысяче-

летия (Millennium development goals (MDG)), а также меры, которые планировалось осуществить к 2015 г. по решению проблем крайней бедности, голода, гендерного неравенства и сокращения детской смертности в мире. Ключевой проблемой, обозначенной в декларации саммита стало неравенство в современном мире, которое препятствует инклюзивному развитию и сокращению бедности, подрывает сплоченность общества.

Проект по реализации MDG под эгидой ООН начался в 2004 г. в так называемых «пилотных» странах – Доминиканской Республике, Эфиопии, Гане, Кении, Сенегале, Таджикистане и Йемене. Его целью было определение наиболее эффективных способов интегрирования MDG в национальные стратегии борьбы с бедностью и неравенством. В ходе проекта формировались такие показатели, как необходимое число учителей в районе с определенным количеством населения; количество детей, нуждающихся в вакцинах; протяженность дорог, которые необходимо построить, и т.д. Исходя из данных показателей создавались модели для других развивающихся стран с высоким уровнем неравенства. На основе проекта был разработан Практический план достижения MDG¹, в котором представлены конкретные стратегии для борьбы с бедностью в развивающихся странах.

В целом с 1990 по 2015 г. в развивающихся странах показатели крайней бедности (люди, зарабатывающие менее 1,25 долл. в день) снизились с 49 до 14%, смертность матерей при родах уменьшилась на 45%, доля населения, получающего недостаточно питания, и смертность детей младше пяти лет сократились вдвое [Health in..., 2015, p. 3; The Millennium development goals..., 2015, p. 4]. Следует отметить, что в ряде стран, например в Китае, ключевым фактором сокращения крайней бедности явился рост экономики и торговли.

Эксперты UNICEF² указывают на огромный вклад MDG в улучшение положения детей в развивающихся странах, отмечая при этом, что в ходе реализации проектов под эгидой ООН особый акцент делается на повышение так называемых «средних» показателей сокращения бедности. Это иногда приводит к тому, что в некоторых странах правительства в погоне за ростом средних по-

¹ A Practical plan to achieve the Millennium Development Goals. – Mode of access: http://www.unmillenniumproject.org/reports/index_overview.htm

² Progress for children beyond averages: Learning from the MDGs / UNICEF. – N.Y., 2015. – 65 p. – Mode of access: https://www.unicef.org/publications/files/Progress_for_Children_No._11_22June15.pdf

казателей благосостояния упускают из вида проблемы самых бедных граждан. Кроме того, в докладе ООН [The Millennium development goals., 2015] говорится о том, что по состоянию на 2014 г. в мире сохранялась острая проблема неравенства доходов, гендерного неравенства, миллионы людей жили в условиях крайней бедности, миллионы вынуждены были покидать места своего проживания из-за военных конфликтов, последствий изменения климата и деградации окружающей среды, что сводит на нет попытки улучшить экономическую составляющую борьбы с неравенством и наносит удар в первую очередь по самым бедным слоям населения [Renwick D., 2015].

Проведенное Исследовательским институтом социального развития ООН (The United Nations Research institute for social development (UNRISD)) исследование бедности и неравенства в мире [Combating poverty., 2010] легло в основу стратегии трансформационного развития ООН после 2015 г. (transformative development agenda beyond 2015). Если раньше программы, осуществляемые под эгидой ООН, главным образом делали акцент на целенаправленной помощи бедным, то в будущем планируется уделять большее внимание институциональной и политической средам, так как их качество является причиной бедности и неравенства и препятствием к их сокращению. Опыт стран, демонстрирующих успехи в борьбе с неравенством, показывает, что эффективно работают осуществляемые правительствами стратегии, в которых сочетаются цели экономического развития и активная социальная политика.

В докладе UNRISD выделяются три главных элемента стратегии, способной обеспечить сокращение неравенства и устойчивое развитие. Во-первых, меры, направленные на то, чтобы результатом роста и структурных преобразований экономики стало создание рабочих мест с адекватной заработной платой и доступных всем членам общества вне зависимости от дохода, классовой принадлежности, пола или национальности. Во-вторых, всеобъемлющая социальная политика, в основе которой лежат универсальные права человека и которая реализует общественный договор о распределении благ между гражданами и государством, а также способствует структурным преобразованиям, сплоченности общества и демократии. В-третьих, подотчетность государства гражданам и гражданская активность, способствующие тому, что государство реально отвечает на запросы и удовлетворяет потребности граждан, а также тому, что бедные и ущемленные слои населения могут влиять на проводимую политику.

На 70-й ассамблее ООН в 2015 г. были приняты новые 17 Целей устойчивого развития (Sustainable development goals (SDG)), которые пришли на смену MDG. Они должны быть реализованы до 2030 г. и предполагают совокупное финансирование в размере от 90 до 120 трлн долл. SDG призваны ликвидировать все формы бедности, голод, гендерное неравенство, обеспечить возможности для здоровой жизни и благосостояния для людей всех возрастов, а также обеспечить доступ для всех к недорогим, надежным и современным источникам энергии. Если MDG делали акцент главным образом на проблемы бедности и здравоохранения, то SDG распространяются и на такие сферы, как защита окружающей среды, последствия изменения климата, защита прав человека, гендерное неравенство. Все это делает их более универсальными, т.е. актуальными для всех стран, а не только для развивающихся [Renwick D., 2015].

Успехи в реализации MDG в целом были омрачены ростом неравенства и углублением экологических проблем в мире. По мнению экспертов ООН, такие явления могли стать следствием того, что основной фокус проводимой под эгидой ООН политики был сделан на создание условий для устойчивого развития, тогда как следовало достичь более эффективного баланса между экономическими, социальными и экологическими целями программы. Смещение акцента в ходе реализации SDG на сокращение неравенства между и внутри стран, а также сохранение окружающей среды как залога процветания будущих поколений будет способствовать сбалансированию социальной и экологической политики и целей экономического развития [Managing the transition., 2013, p. 3].

Исследования UNRISD показывают, что только воздействие на структурные причины неравенства могут способствовать сокращению бедности и экономическому росту¹. Страны, которые смогли сократить бедность в достаточно короткий временной период принимали меры, одновременно стимулирующие рост экономики и рост благосостояния населения, а именно: повышение компетентности государственных служащих, институционализацию социальных прав и конкурентных демократических режимов. Так как сам по

¹ UNRISD research and policy brief 10. – 2010. – 2 p. – Mode of access: [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/httpNetITFramePDF?ReadForm&parentuid=82BBE4A03F504AD9C1257734002E9735&parentdoctype=brief&netitpath=80256B3C005BCCF9/%28httpAuxPages%29/82BBE4A03F504AD9C1257734002E9735/\\$file/Policy-Brief-10.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/httpNetITFramePDF?ReadForm&parentuid=82BBE4A03F504AD9C1257734002E9735&parentdoctype=brief&netitpath=80256B3C005BCCF9/%28httpAuxPages%29/82BBE4A03F504AD9C1257734002E9735/$file/Policy-Brief-10.pdf)

себе экономический рост не гарантирует повышения социального благополучия граждан и сохранения экологического равновесия, то политика, направленная на экономическое развитие и одновременно сокращение неравенства должна сочетать меры по достижении социальной инклюзии и устойчивого развития. Это предполагает эффективную работу механизмов перераспределения как товаров и услуг, так и социальных выплат, защиту прав граждан.

Таким образом, по мнению экспертов ООН, именно социальная политика представляется тем инструментом сокращения неравенства, который продвигает фундаментальные ценности социальной инклюзии, солидарности, равенства и уважения прав человека. Главной составляющей социальной политики является механизм социальной защиты населения в меняющихся социально-экономических условиях. В современном мире растет важность взаимосвязи мер социальной защиты с мерами, направленными на экономическое развитие и сохранение экологического равновесия, способствующие, например, созданию «зеленых» рабочих мест и «зеленому» потреблению. И наконец, социальная политика может и должна формировать структурные изменения, нивелируя структурные причины неравенства и экологически опасного поведения [Cook S., Yi I., 2011, p. 136]. Примерами таких изменений, по мнению специалистов UNRISD, могут стать практики перераспределения ресурсов, такие как земельные реформы, особенно в странах с высоким уровнем неравенства, где жизнеобеспечение бедных слоев населения зависит от возделывания земли; налоговые реформы, направленные на совершенствование налогового администрирования с целью предотвратить уклонение от выплаты налогов, а также введение прогрессивного налогообложения и т.д. [Managing the transition..., 2013].

Всемирный банк и Международный валютный фонд

В декабре 1999 г. Всемирный банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ) представили новый подход в их отношениях со странами с низким доходом на душу населения, основой которого стала разработка и внедрение в этих странах стратегий сокращения бедности как их условия включения в программы, финансируемых ВБ и МВФ. Предполагалось, что эти стратегии будут способствовать лучшей координации помощи развивающимся странам, поступающей из разных источников. Такой подход призван стимулировать правительства бедных стран самостоятельно уста-

навливать приоритеты развития и стимулировать доноров помощи приводить свои действия в соответствие с приоритетами развития страны-реципиента помощи. Странам предлагался набор стандартных стратегий, в рамках которого они определяют приоритеты и конкретные меры и программы по их достижению, а также необходимые для этого объемы ресурсов. Предполагалось, что такого рода процедуры, с одной стороны, будут способствовать взятию правительствами на себя обязательств по борьбе с бедностью и следованию им, а с другой – подотчетности правительств и их партнеров по реализации принятой стратегии.

Страны, участвующие в данной инициативе ВБ и МВФ, готовят так называемые Рамочные стратегии сокращения бедности (Poverty reduction strategy papers (PRSP)), которые обновляются каждые три года и по которым ежегодно составляется отчет о текущем состоянии. В PRSP описываются макроэкономические аспекты состояния национальной экономики, структурная политика, анализ уровня бедности, проводимая стратегия сокращения бедности, социальные программы, которые планируется осуществить в течение трех лет или в течение более длительного периода с целью поддержки экономического роста и сокращения бедности, а также указываются финансовые издержки проводимой политики и источники их финансирования.

ВБ и МВФ в своем подходе к решению проблем бедности руководствуются рядом принципов [2005 Review of., 2005]. Во-первых, участие в программах ВБ и МВФ всегда является инициативой самой страны, программы реформ разрабатываются с учетом страновой специфики (неравенство социальных групп, гендерное неравенство, неравенство регионов внутри страны) и при их имплементации принимаются в расчет конкретные приоритетные направления, способные ускорить сокращение неравенства внутри той или иной страны. Во-вторых, при разработке стратегий сокращения бедности ВБ и МВФ стремятся учитывать и задавать вектор средне- и долгосрочного развития институтов и системы управления в стране с целью ускорения роста экономики, а также устанавливают средне- и долгосрочные цели (монетарные и немонетарные) по сокращению неравенства и бедности. В-третьих, ВБ и МВФ позиционируют свой подход как всеобъемлющий и ориентированный на результат, т.е. данные организации основывают стратегию борьбы с бедностью на тезисе о том, что устойчивое развитие невозможно без ускоренного экономического роста, для которого необходимым условием являются макроэкономическая стабиль-

ность, структурные реформы, социальная стабильность. И наконец, этот подход ориентирован на партнерство государства, внешних акторов и внутренних стейкхолдеров, способствуя тем самым разделению ответственности для достижения лучших результатов.

Таким образом, благодаря тому, что разработка программ развития строится вокруг потребностей конкретной страны, концепция борьбы с неравенством и бедностью ВБ и МВФ делает возможным решение специфических для каждой страны проблем, тормозящих процессы ее развития. При том что опыт имплементации программ разный в разных странах, важно отметить общую особенность процесса внедрения стратегии в бедных странах: здесь реализация реформ, нацеленных на развитие, проходит в условиях слаборазвитых институтов и ограниченных возможностей. Во многих странах подход PRS помог запустить и ускорить процесс формирования реальной политики, направленной на социально-экономическое развитие. В частности, это выражается в установлении более ясных и конкретных целей и их взаимоувязывание с мерами, предпринимаемыми государством; повышении качества бюджетного процесса и систем мониторинга; расширении пространства диалога для определения национальных приоритетов развития и обсуждения политики борьбы с бедностью; восполнении статистических и аналитических пробелов в исследовании социально-экономической ситуации в конкретной стране; согласовании и гармонизации деятельности доноров, предоставляющих помощь, с национальными интересами стран. Вместе с тем эксперты ВД и МВФ признают, что подход PRS не является панацеей в борьбе с бедностью, так как не может компенсировать такие системные недостатки, как неэффективное управление и несовершенство институтов [2005 Review of.., 2005].

Параллельно с реализацией практических программ по сокращению неравенства эксперты международных финансовых организаций постоянно ведут исследование причин и факторов, влияющих на рост и / или снижение неравенства. Среди недавних исследований, посвященных анализу взаимосвязи роста экономики и неравенства, следует отметить работу специалистов МВФ Остри, Берга и Тсангаридиса [Ostry J.D., Berg A., Tsangarides Ch.G., 2014]. В этой работе приведены расчеты уровней зависимости между перераспределительными трансфертами, уровнем неравенства и экономическим ростом в экономике ряда стран. Ученые использовали данные о доходах до уплаты налогов и осуществления финансовых трансфертов, отражающих рыночное неравенство (market

inequality), и данные по так называемому чистому неравенству (net inequality) – статистика по доходам после уплаты налогов и осуществления социальных трансфертов. Проанализировав полученные расчеты, авторы пришли к следующим выводам:

1) страны с высоким неравенством больше других прибегают к перераспределению; эта связь проявляется значительно сильнее в странах ОЭСР, менее интенсивна, но тем не менее выражена и в странах, не входящих в ОЭСР;

2) более низкий уровень чистого неравенства устойчиво коррелируется с более быстрым и более продолжительным ростом;

3) перераспределение доходов в целом благоприятно влияет на рост; лишь в некоторых крайних случаях оно негативно сказывается на росте.

Эксперты МВФ указывают на то, что результаты их исследования свидетельствуют о существовании общей взаимосвязи перераспределения и роста, при этом история свидетельствует о том, что превысив определенный уровень перераспределение оказывает деструктивное влияние на рост. Очевидно, что условием для того, чтобы перераспределение ускоряло экономический рост и делало его долгосрочным, является эффективность механизмов перераспределения.

Перераспределительная роль налоговой политики в сокращении неравенства исследуется и в работе специалистов отдела фискальной политики (fiscal affairs department) МВФ Бастальи, Коади и Гупты [Bastagli F., Coady D., Gupta S., 2012]. Налоговая политика, а именно прогрессивное налогообложение и значительные перераспределительные трансферты, стали важным фактором сокращения неравенства доходов в развитых странах, тем не менее начиная с середины 1990-х годов неравенство по располагаемым доходам (доход после уплаты налогов) выросло в связи с сокращением объемов социальных выплат и более плоской шкалой прогрессивности подоходного налога. Политика сокращения неравенства, по мнению экспертов, должна сочетать налоговые рычаги и бюджетные расходы и стремиться к потенциально оптимальному соотношению негативных и позитивных эффектов этой политики на социальное равенство и рост.

Со стороны налогообложения, полагают авторы, ключевым фактором является наличие потенциала для увеличения редистрибутивного значения подоходных налогов. Приоритетом должно стать также сокращение возможностей для уклонения от уплаты налогов, которыми в большей степени пользуются граждане с вы-

сокими доходами. В экономиках с относительно низкими ставками налогов рекомендуется повышать подоходный налог для населения со средними и высокими доходами, при этом повышение налога для самого богатого одного процента граждан может потребовать более эффективной международной кооперации как средства борьбы с уклонением от налоговых выплат. Что касается социальных расходов, то необходимо остановить сокращение перераспределительных трансфертов.

Описанные выше меры могут внести свой вклад в сокращение неравенства в развитых экономиках, нуждающихся в бюджетной консолидации. В краткосрочном периоде меры по сокращению неравенства в развитых странах должны включать сохранение большинства социальных выплат, в том числе пособий по безработице, до того времени, когда экономика начнет восстанавливаться и безработица снижаться. Это может способствовать поддержанию агрегированного спроса и ограничению роста неравенства доходов.

Что касается развивающихся стран, то использование возможностей фискальной политики для борьбы с неравенством требует совершенствования инструментов сбора налогов, а также использование прогрессивной шкалы подоходного налога и повышения эффективности расходования бюджетных средств.

Эксперты рекомендуют сконцентрировать усилия по мобилизации ресурсов на расширении налоговой базы подоходного налога и налогов на потребление. Расширять базу налога на доходы для физических и юридических лиц следует прежде всего за счет сокращения числа агентов, освобожденных от уплаты налогов или пользующихся налоговыми льготами. Следует также бороться с практикой ухода от уплаты налогов и повышать налоговую дисциплину. Эти меры повысят собираемость налогов, которые будут направлены на финансирование социальных трансфертов. Последние, в свою очередь, должны стать более таргетированными и способствовать не только борьбе с бедностью, но и повышению качества образования и уровня здоровья бедных слоев населения. Сокращению неравенства должно также способствовать расширение охвата населения государственной пенсионной системой. При наличии финансовых ограничений рекомендуется прибегать к таргетированным выплатам социальных пенсий [Bastagli F., Coady D., Gupta S., 2012, p. 23–24].

Взаимосвязь неравенства доходов и экономического роста исследовали сотрудники МВФ Берг и Остри [Berg A., Ostry J.D., 2011].

Они показали, что, с одной стороны, неравенство является естественным фактором эффективного функционирования рыночной экономики, при этом неравенство может разрушительно влиять на факторы экономического роста, увеличивая риск возникновения кризиса и / или делая невозможным для бедных семей инвестировать в образование. Исследование также показало, что долгосрочный рост устойчиво связан с более равным распределением доходов в обществе. Рост неравенства может сократить продолжительность роста экономики. Вместе с тем неподготовленные и плохо реализованные меры по снижению неравенства не создают предпосылок для увеличения спроса и подрывают рост. Меры по сокращению неравенства должны включать, по мнению экспертов, таргетированные субсидии, расширение экономических возможностей бедных, активную политику на рынке труда, стимулирующую занятость.

Исследования ВБ [Taking on inequality..., 2016] подтверждают тот факт, что инвестирование в дорожное строительство, особенно в сельской местности, и в электрификацию также расширяет возможности роста доходов бедного населения, способствует росту занятости и продвижению гендерного равенства. Расширение возможностей развития в раннем детстве (early childhood development), доступности услуг здравоохранения, повышение качества образования способствует сокращению неравенства в сфере когнитивного статуса граждан, неравенства в возможности граждан получать полноценное питание и поддерживать определенный уровень собственного здоровья. Обусловленные денежные трансферты (conditional cash tranfers) самым бедным слоям населения помогают предотвратить рост неравенства и поддерживать потребление, особенно в периоды экономических спадов. Такие денежные трансферты могут компенсировать препятствия для беднейшего населения в доступе к кредитованию, в том числе с целью получения средств для инвестирования в образование и получение услуг здравоохранения.

Повышение качества конкуренции и экономической эффективности также способствует сокращению неравенства. Анализ проектов инвестиций в дорожное строительство выявил важность конкуренции в данной сфере. Данные проекты призваны увеличить транспортные потоки и снизить плату за транспортировку, что возможно при наличии конкуренции между транспортными компаниями.

Эксперты настаивают на том, что определяющим критерием финансовых интервенций с целью снижения неравенства в обществе, в том числе в виде социальных трансфертов, должна быть их эффективность. Программы развития в раннем детстве наиболее эффективны, когда они направлены на детей до 3 лет и включают социально-психологический компонент, обучение родителей и обеспечение стандартов питания. В сфере образования повышение качества преподавания и практика обусловливания финансовых трансфертов роста числа выпускников школ более эффективны, чем просто строительство новых школ. В сфере здравоохранения важно определить группу населения, получающую помощь, и долю их вклада в оплату получаемых услуг.

Успех в борьбе с неравенством более вероятен при осуществлении интегрированных финансовых трансфертов, нежели отдельных и изолированных. Так, обусловленные денежные трансферты в сочетании с инвестициями в производственные активы, профессиональное обучение и облегчением доступа к кредитованию дают больший эффект сокращения неравенства, чем если бы они осуществлялись изолированно. Инвестирование в строительство дорог в свою очередь привлекает дополнительные капиталовложения в электрификацию, сельское хозяйство, водоснабжение и повышение качества санитарных условий, что не только расширяет коммуникацию, помогающую людям удовлетворять свои базовые потребности, но и улучшает качество услуг, повышает общую безопасность и производительность труда. Кроме того, специалисты ВБ подчеркивают важность структуры осуществляемых финансовых интервенций и приводят пример налоговых систем стран Восточной Европы, где сохраняется плоская шкала подоходного налога и при сходном с другими странами Европы уровне собираемости налога налоговая система не выполняет в полной мере свою рестрибутивную функцию [Taking on inequality..., 2016, p. 153].

Международная организация труда

В основе определения неравенства в рамках подхода к этой проблеме Международной организации труда (МОТ) лежит идея неравенства возможностей доступа к достойной работе. Это неравенство приводит к неравенству заработной платы и других привилегий, получаемых семьями работников. Неравенство также проявляется в труде разнообразных категорий: труде мужчин и женщин, труде в легальном и теневом (неформальном) секторе,

в городе и деревне, защищенном законодательством и незащищенном и т.д. Институт рынка труда способствует сокращению неравенства, соотнося спрос и предложение рабочей силы, способствуя повышению качества рабочей силы и реализации принципа справедливости.

В докладе МОТ [Заработная плата..., 2016] отмечается, что в последнее время в мире растут неравенство в сфере оплаты труда и доля фонда заработной платы в совокупных издержках предприятий, что выливается в рост неравенства доходов домашних хозяйств. Чтобы защитить малооплачиваемых работников многие страны ввели институт минимальной заработной платы, что, согласно исследованиям, способствует росту и поддержанию доходов низкооплачиваемых работников, большую часть которых составляют женщины. В мире продолжает сохраняться разница в оплате труда мужчин и женщин, так гендерный разрыв почасовой оплаты по странам мира варьируется от 0 до 45% в пользу мужчин.

В настоящее время наблюдается рост неравенства в оплате труда разных категорий наемных работников. Так в Европе 10% наиболее высокооплачиваемых работников получают 25,5% совокупного фонда оплаты труда, при этом максимальные выплаты получает 1% самых высокооплачиваемых служащих. В развивающихся странах разрыв еще значительнее. Так на заработную плату высокооплачиваемых работников в Бразилии приходится 35%, Индии – 42,7%, ЮАР – 49,2% от фонда заработной платы, а на оплату 50% наименее оплачиваемых работников в ЮАР приходится 11,9%, а в Индии – 17,1% фонда оплаты труда [Заработная плата..., 2016, с. 3].

Низкие темпы роста заработной платы приводят к снижению совокупного спроса. Стимуляция роста заработной платы должна учитывать специфику экономики той или иной страны, так как неадекватный ее рост может привести к росту затрат предприятий и к сокращению экспорта и инвестиций. Сдерживание роста заработной платы или ее сокращение в тех или иных странах могут спровоцировать снижение регионального или даже мирового совокупного спроса и/или дефляцию. МОТ призывает к координации политики в сфере оплаты труда на международном уровне, в связи с чем вопросы политики оплаты труда теперь включены в повестку встреч G20. В результате в 2016 г. G20 призвала правительства стран мира проводить долгосрочную макроэкономическую политику, направленную на стимулирование роста оплаты

труда и производительности труда, в том числе вводя институт и минимальной оплаты труда и коллективных переговоров.

Коллективные переговоры могут стать потенциальным механизмом сокращения неравенства в оплате труда между предприятиями и внутри них. Предлагается проводить такие переговоры на национальном и отраслевом уровнях с участием большого количества работодателей. При этом государство могло бы законодательно распространять действия вырабатываемых на переговорах коллективных договоров на всех работников конкретных отраслей. МОТ приняла международные трудовые нормы в отношении коллективных переговоров и минимальной заработной платы, указав на тот факт, что минимальная заработная плата и коллективные переговоры представляют собой дополняющие друг друга меры в рамках политики сокращения неравенства.

На уровне предприятий в последнее время появляются инициативы в сфере борьбы с неравенством заработной платы между предприятиями, в частности заказчиками и подрядчиками, продвигающие идею включения в коллективные договоры, обуславливающие уровень оплаты труда, всех звеньев цепочек поставок. Специалисты МОТ подчеркивают важную роль предприятий в снижении неравенства и / или сдерживания его роста посредством саморегулирования. Согласно экспертам МОТ, «устойчивые предприятия должны участвовать в механизмах социального диалога и поддержания трудовых отношений на надлежащем уровне, таких как коллективные переговоры, а также информирование и консультации с работниками, участие работников в принятии решений» [Заработная плата..., 2016, р. 9].

В докладе МОТ подчеркивается, что неравенство в оплате труда между мужчинами и женщинами имеет место на предприятиях любого типа во всем мире и особенно велико на предприятиях с высокой средней заработной платой.

Среди других мер политики сокращения неравенства МОТ также рекомендует применение инструментов налогово-бюджетной политики. С точки зрения формирования практики оплаты труда дифференцированное и прогрессивное налогообложение может также способствовать ограничению роста заработной платы высшего менеджмента, так как при прогрессивных ставках подоходного налога у наиболее высокооплачиваемых кадров остается меньше стимулов для того, чтобы требовать все большей оплаты за свой труд.

МОТ рекомендует активно реализовывать набор комплексных мер, которые способны опосредованно влиять на трудовые доходы и их распределение. Это среди прочего доступность качественного образования, программы повышения квалификации, службы по подбору вакансий в соответствии с параметрами соискателей. Кроме того, необходимо принимать меры для решения проблемы разрывов в уровне заработной платы при нестандартных формах занятости, временных работников и работников, работающих на замене, а именно обеспечить их защитой на рабочем месте, которой наделены стандартные работники, с целью предотвратить использование нестандартных форм занятости только для снижения затрат на оплату труда за счет снижения заработной платы, а также ухудшение условий труда. Такие формы занятости находят все большее распространение в промышленно развитых и развивающихся странах.

Оксфам

Оксфам, некоммерческая неправительственная организация, финансируемая за счет пожертвований, возникла в 1995 г. на основе Оксфордского комитета помощи голодающим (Oxford committee for famine relief), основанного в 1942 г. Сегодня деятельность Оксфам направлена на борьбу с бедностью, обеспечение доступа всех людей к базовым социальным благам, продовольствию, чистой питьевой воде, медицинским услугам, образованию, оказывает нуждающимся гуманитарную помощь, продвигает гендерное равенство и борется с изменением климата.

Борясь с неравенством, «Оксфам призывает к согласованным действиям для построения справедливой экономической и политической системы, в которой каждый гражданин представляет ценность» [На пути к равенству..., 2014, с. 23]. Росту неравенства, по мнению экспертов организации, способствует существующая система распределения, а также система привилегий, бенефициарами которой являются отдельные экономические акторы и / или определенные отрасли (нефтяная, газовая и т.д.). Использование офшорных зон и налоговых убежищ позволяет скрывать доходы и уходить от уплаты налогов. Эти практики Оксфам приравнивает к такому пагубному явлению, как коррупция.

Продвигая свою политику [An economy for the 1%, 2016, p. 7; На пути к равенству..., 2014, с. 24–26], Оксфам руководствуется тем, что интересы общества и решение проблемы крайнего неравенства

должны быть определяющими при заключении глобальных соглашений, национальных программ и стратегий. Он рекомендует правительствам заключать соглашения с международными организациями, в которых заявлялось бы о борьбе с неравенством, а также создавать национальные комиссии по ликвидации неравенства.

Политика в сфере экономики должна способствовать снижению экономического неравенства и гендерной дискриминации, а именно сокращению разрыва оплаты труда мужчин и женщин, введению компенсаций за неоплачиваемый уход за детьми и пожилыми людьми и т.д.

Оксфам заявляет о необходимости установления во всех странах мира минимального размера оплаты труда и в перспективе его увеличение до прожиточного уровня, а также призывает к введению ограничений неадекватного роста премиальных выплат высшим управленческим кадрам.

В сфере налогообложения эксперты организации указывают на необходимость перераспределения налоговой нагрузки, а именно ее смещения с трудовых доходов и с потребления на налогообложение доходов от капитала и богатства (объектов роскоши). Кроме того, предлагается в будущем ввести глобальный налог на богатство. Совершенствование налогового регулирования на международном уровне должно способствовать ликвидации налоговых лазеек и любых возможностей ухода от уплаты налогов, значительно подрывающих способность государств решать проблемы неравенства ввиду нехватки поступлений в бюджет. Необходима система глобальной публичной отчетности и обмена налоговой информацией, государственных реестров конечных прав собственности, а также стремление положить конец существованию налоговых гаваней.

Согласно Оксфам, услуги здравоохранения и образования должны стать бесплатными для всех. Это будет способствовать сокращению неравенства возможностей представителей обеспеченных и малоимущих слоев населения. Организация призывает к изменению на международном уровне политики в сфере НИОКР с целью ликвидации монополии фармацевтических компаний на установление цен на лекарства. Она предлагает заключать новые международные соглашения по НИОКР, стимулировать инвестиции в производство доступных лекарств, в частности дженериков, а также исключить из торговых соглашений условия, касающиеся интеллектуальной собственности.

Важным шагом к сокращению неравенства Оксфам считает создание условий для предоставления всем гражданам минимального социального обеспечения, а именно: гарантированных услуг по уходу за детьми и пожилыми, детских пособий, пособий по безработице, пенсий, что будет способствовать защите беднейших слоев населения.

Заключение

В мире растет обеспокоенность увеличением разрыва в доходах богатых и бедных слоев населения. Неравенство в обществе замедляет экономический рост, сокращает социальную мобильность и нарушает стабильность социальных систем, приводя к разобщенности и конфликту.

Различные международные организации, ставящие своей целью борьбу за сокращение неравенства, заявляют о том, что противодействие углублению неравенства как на глобальном, так и национальном уровнях требует проведения разумной политики по расширению социальных и экономических возможностей беднейших слоев населения и продвижению принципов инклюзии. Такая политика должна включать инвестирование в образование и здравоохранение, облегчение доступа бедного населения к образовательным услугам, медицинской помощи и кредитованию. Политика перераспределения, проводимая на постоянной основе и предполагающая использование фискальных инструментов, трансферты и выплату субсидий наиболее уязвимым категориям граждан, не должна нарушать макроэкономическое равновесие и сочетаться с мерами по стимулированию роста. В рамках политики на рынке труда следует осуществлять меры по повышению квалификации рабочей силы, помощи безработным в поиске занятости, защите прав работников, законодательному установлению минимального уровня оплаты труда и продвижению практик ведения коллективных переговоров работников и работодателей.

Список литературы

1. Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: Обзор международных докладов / Вестн. Моск. ун-та., Сер. 18. Социология и политология. – М., 2016. – № 3. – С. 74–91. – Режим доступа: <http://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/200/194>

2. Заработная плата в мире в 2016–2017 гг. Доклад (Краткий обзор) / ILO. – 2016. – 11 с. – Режим доступа: http://www.ilo.org/global/research/global-reports/global-wage-report/2016/WCMS_544096/lang--en/index.htm
3. Инвестирование в развитие: Практический план достижения Целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Общий обзор / Millennium Project. – 2006. – 87 с. – Режим доступа: <http://www.unmillenniumproject.org/documents/russianoverview.pdf>
4. На пути к равенству: Искореним чрезмерное неравенство. Краткий доклад Оксфам. – 2014. – 30 с. – Режим доступа: <http://www.oxfam.ru/articles/>
5. 2005 Review of the poverty reduction strategy approach – balancing accountabilities and scaling up results. Synthesis / IMF and World Bank. – 2005. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2005/091905s.htm>
6. Addressing inequalities: The heart of the post-2015 agenda and the future we want for all. Thematic think piece / ECE, ESCAP, UNDESA, UNICEF, UNRISD, UN Women. – 17 p. – Mode of access: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/10_inequalities.pdf
7. An economy for the 1% // Oxfam briefing paper. – Oxford, 2016. – N 210. – 43 p.
8. Bastagli F., Coady D., Gupta S. Income inequality and fiscal policy / IMF, Staff discussion note. – 2012. – N 8. – 36 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2012/sdn1208.pdf>
9. Berg A., Ostry J.D. Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? / IMF, Staff discussion note. – 2011. – N 8. – 20 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2011/sdn1108.pdf>
10. Combating poverty and inequality: Structural change, social policy and politics / UNRISD. – Geneva, 2010. – 360 p. – Mode of access: [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/92B1D5057F43149CC125779600434441/\\$file/PovRep%20\(small\).pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/92B1D5057F43149CC125779600434441/$file/PovRep%20(small).pdf)
11. Cook S., Yi I. Combating poverty and inequality through social policies: Reflections on the UNRISD report // Global social policy. – 2011. – Vol. 11, Is. 2–3. – P. 135–137. – Mode of access: <http://journals.sagepub.com/toc/gspa/11/2-3>
12. Culpeper R. Approaches to globalization and inequality within the international system // UNRISD, Overarching concerns programme paper. – 2005. – N 6. – 27 p. – Mode of access: [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/B8D267D84E8E6A66C12570AE002F994E/\\$file/culpeper.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/B8D267D84E8E6A66C12570AE002F994E/$file/culpeper.pdf)
13. Economic Security for a Better World / International labour organization. – Geneva, 2004. – xxv, 450 p.
14. Furceri D., Loungani P. Capital Account Liberalization and Inequality // IMF Working paper. – 2015. – N 243. – 26 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15243.pdf>
15. Growth and poverty in Sub-Saharan Africa / Ed. by Ch. Arndt, A. McKay, F. Tarp. – Oxford: Oxford univ. press, 2016. – 466 p.

16. Growth, employment, and poverty in Latin America / Cruces Gu., Fields G.S., Jaime D., Viollaz M. – Oxford: Oxford univ. press, 2017. – 500 p. – Mode of access: <https://www.wider.unu.edu/publication/growth-employment-and-poverty-latin-america>
17. Health in 2015: From MDGs to SDGs / World health organization. – Geneva, 2015. – 204 p. – Mode of access: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/200009/1/9789241565110_eng.pdf?ua=1
18. Inequalities and the Post-2015 development agenda. A concept note / UNRISD. – 5 p. – Mode of access: [http://www.unrisd.org/80256B3C005BB128/httpNetITFramePDF?ReadForm&parentunid=A71DED8DFFA71E4EC1257A8D00501D06&parentdoctype=projectauxiliarypage&netitpath=80256B3C005BB128/%28httpAuxPages%29/A71DED8DFFA71E4EC1257A8D00501D06/\\$file/Inequality%20Concept%20Note%20FINAL.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BB128/httpNetITFramePDF?ReadForm&parentunid=A71DED8DFFA71E4EC1257A8D00501D06&parentdoctype=projectauxiliarypage&netitpath=80256B3C005BB128/%28httpAuxPages%29/A71DED8DFFA71E4EC1257A8D00501D06/$file/Inequality%20Concept%20Note%20FINAL.pdf)
19. Inequalities and the Post-2015 Development Agenda. Policy brief 15 / UNRISD. – 2012. – Mode of access: [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/F7619CAD1B60C5D3C1257A8C0035A481/\\$file/RPB15e.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/F7619CAD1B60C5D3C1257A8C0035A481/$file/RPB15e.pdf)
20. Keeley B. Income inequality: The gap between rich and poor, OECD insights. – P.: OECD Publishing, 2015. – 117 p. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264246010-en>
21. Managing the transition from MDGs to SDGs – an UNRISD contribution to what it will take / UNRISD. – Geneva, 2013. – 4 p.
22. Ostry J.D., Berg A., Tsangarides Ch.G. Redistribution, inequality and growth // IMF Staff discussion note. – 2014. – N 2. – 30 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1402.pdf>
23. Ortiz I., Cummins M. Global inequality: Beyond the bottom billion / UNICEF social and economic policy working paper. – N.Y., 2011. – 65 p. – Mode of access: https://www.unicef.org/socialpolicy/files/Global_Inequality.pdf
24. Poverty and shared prosperity 2016: Taking on inequality / World bank group. – Washington, 2016. – 170 p.
25. Poverty, inequality and evaluation: Changing perspectives / Ed. by R.C. Rist, F.P. Martin, A.M. Fernandez; World bank group. – Washington, 2016. – 291 p.
26. Renwick D. Sustainable development goals // Council on foreign relations. – 2015. – 09.23. – Mode of access: <https://www.cfr.org/backgrounder/sustainable-development-goals>
27. Research for Social Change: Transformations to Equity and Sustainability. UNRISD Strategy 2016–2020 / UNRISD. – 2015. – 36 p. – Mode of access: [http://www.unrisd.org/80256B42004CCC77/\(httpInfoFiles\)/AA1325A0788B08EBC1257F1D005A3FA3/\\$file/Transformations_to_Equity_and_Sustainability_UNRISD_Strategy_2016-2020.pdf](http://www.unrisd.org/80256B42004CCC77/(httpInfoFiles)/AA1325A0788B08EBC1257F1D005A3FA3/$file/Transformations_to_Equity_and_Sustainability_UNRISD_Strategy_2016-2020.pdf)
28. Solimano A. Comments on Jayati Ghosh's presentation Macroeconomic policy and inequality / UNRISD. – Geneva, 2006. – 6 p.

29. Taking on inequality: Poverty and shared prosperity 2016 / The World bank. – Washington, 2016. – 170 p.
30. The Millennium Development Goals Report 2015 / United Nations. – N.Y., 2015. – 72 p. – Mode of access: [http://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20\(July%201\).pdf](http://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20(July%201).pdf)
31. Vaughan-Whitehead D. Curbing inequalities in Europe – How can social dialogue and industrial relations help to close the gap? – Geneva: ILO, 2017. – 31 p. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/meetingdocument/wcms_544236.pdf

М.А. Положихина

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК НОВЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются взаимосвязи социально-экономического и информационного неравенства в обществе. Анализируются данные Индекса развития информационно-коммуникационных технологий по странам мира и Индекса готовности к информационному обществу регионов России. Обсуждаются меры по повышению информационной грамотности населения страны.

Ключевые слова: информационное неравенство; индекс развития информационно-коммуникационных технологий; индекс готовности к информационному обществу; информационная грамотность населения.

Информационное неравенство представляет собой один из естественных видов социального неравенства и существует в любом обществе. Действительно, трудно представить даже двух людей, обладающих одинаковыми источниками информации или информационными ресурсами – жизненным опытом, образованием, профессиональной квалификацией, социальным и карьерным статусом.

Давно известно и о значении уровня информированности для экономики. Секреты, хранимые гильдиями ремесленников в Средние века, коммерческие тайны и промышленный шпионаж Нового времени, утечки инсайдерской информации в банковской сфере и на фондовых рынках Новейшего времени – все это примеры того, как доступ к определенной информации или его отсутствие приводит, соответственно, к экономическим успехам или провалам.

Благодаря развитию новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и распространению сети Интернет, со-

циальное и экономическое значение информации существенно возросло. Соответственно, приобрело дополнительное (новое) содержание традиционное информационное неравенство и, одновременно, повысилась его роль в процессах экономического роста и социального развития.

В публичном дискурсе идея о значимости различий в доступе к новым ИКТ и к сети Интернет разных социальных групп населения появилась в конце XX в. Начиная с 1995 г. Национальное управление по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США (NTIA) опубликовало три отчета о распространении Интернета в США и доступе к использованию ресурса [Falling through the Net..., 1995; Falling through the Net II., 1998; Fact Sheet., 1999]. В последнем из них была предпринята попытка дать определение «digital divide» – «цифрового неравенства» или «цифрового разрыва» [Fact Sheet., 1999]. В американской литературе появились ссылки на представления о цифровом неравенстве, изложенные в отчете NTIA.

На официальном международном уровне о цифровом неравенстве впервые заговорили в 1997 г. в ходе обсуждения ООН программы развития стран третьего мира. Но действительно широкий научный и общественный интерес к этому вопросу появился с начала 2000-х годов. На саммите «Большой восьмерки» в 2000 г., проходившем на о. Окинава (Япония), была принята Хартия глобального информационного общества. В ее первой статье зафиксировано, что «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества» [Окинавская Хартия., 2000]. На Всемирном саммите по вопросам информационного общества, прошедшем в 2003 г. в Женеве, было представлено современное видение цифрового неравенства. В общем случае под ним понимают ограничение возможностей развития из-за неравного доступа разных социальных групп населения и разных стран к ИКТ. При этом выделяют неравенство непосредственно в доступе к ИКТ и неравенство в их использовании.

В русскоязычной литературе термину «digital divide» обычно соответствуют понятия «информационное неравенство», «цифровое неравенство» и «цифровой разрыв», которые употребляются как синонимы. Представляется, что используемые в данном случае понятия не совсем отражают сущность описываемого явления.

Первое – слишком широкое по содержанию и не связывает неравенство с развитием ИКТ. Другие – более точны по переводу, но слишком узкие по трактовке. Возможно, правильнее говорить об информационно-цифровом неравенстве как определенном виде неравенства, обусловленного именно развитием новых ИКТ. Далее в работе будет использоваться это словосочетание как русский аналог английского термина «digital divide».

Связь информационно-цифрового неравенства и социально-экономического развития

В современном (постиндустриальном, информационном) обществе доступ к информации превратился в одну из главных ценностей, определяющих благосостояние как отдельных людей, так и государств в целом [Никитин М., 2011]. Соответственно, существует два аспекта информационно-цифрового неравенства: в межличностной социальной сфере и глобальной экономической сфере (стран, регионов, территорий). Кроме того, говорят о неравенстве, связанном со способностью или неспособностью разных групп населения конвертировать использование ИКТ в политическое участие. Но в данной работе этот аспект информационно-цифрового неравенства не рассматривается.

Межличностное информационно-цифровое неравенство. В докладе Генеральной Ассамблеи ООН от 16 мая 2011 г. доступ к сети Интернет отнесен к базовым (или неотъемлемым) правам человека. Ограничение доступа к сети Интернет и распространению информации признается нарушением основных прав человека [La Rue F., 2011]. Развитие ИКТ приносит очевидную выгоду частным лицам. Благодаря новым технологиям стало проще и удобнее общаться и получать информацию; появились бесплатные цифровые продукты и новые формы досуга [Цифровые дивиденды., 2016, с. 2]. И тем труднее становится жизнь людей, которые по различным причинам не используют ИКТ (не имеют к ним доступа или не владеют соответствующими навыками). Они чаще теряют работу, лишаются возможности участвовать в процессах управления обществом, становятся политически и экономически бессильными. Специалисты отмечают, что информационно-цифровое неравенство усугубляет прочие формы неравенства [Волченко О.В., 2016].

Особым образом проявляется информационно-цифровое неравенство на рынке труда. С одной стороны, умение пользоваться

компьютером и Интернетом становится обычным требованием при поступлении на работу. С другой стороны, рынок труда поляризуется. Исследования показали, что внедрение ИКТ ведет к замещению стандартных трудовых операций и, тем самым, к снижению спроса на работников средней квалификации. При этом спрос на работников высокой и низкой квалификации возрастает [Цифровые дивиденды..., 2016, с. 3].

Глобальное информационно-цифровое неравенство. Специалистами признается, что развитие ИКТ стимулирует усиление интеграции и повышение эффективности производства, а также внедрение инноваций. «Цифровые дивиденды» получаются в результате ускорения экономического роста, появления новых рабочих мест и услуг, повышения качества последних. Однако эффект от применения ИКТ распределяется неравномерно [Цифровые дивиденды..., 2016, с. 2]. Страны, которые не могут повысить уровень использования новых технологий, неизбежно отстают от своих соседей. В глобальном контексте цифровой разрыв (т.е. разница в распространенности и использовании ИКТ между странами) ведет к углублению экономического и социального неравенства в мире и, тем самым, к росту его нестабильности. Более того, если государство не принимает меры по сокращению информационно-цифрового неравенства, новые технологии, таящие в себе огромные возможности, способствуют усилению дифференциации общества.

Значение преодоления цифрового разрыва как с точки зрения развития отдельных стран, так и роста благосостояния населения, очевидно. Как и то, что между информационно-цифровым неравенством и состоянием социальной и экономической сфер общества существуют разнообразные прямые и обратные связи. Не только распространение новых ИКТ и, соответственно, ограничения доступа к ним влияют на экономику и положение людей. В свою очередь, уровень информационно-цифрового неравенства зависит от ряда экономических и социальных факторов.

Социальные факторы. Выделяются возрастные, образовательные и гендерные, а также имущественные и культурные факторы, ограничивающие возможности и направления использования ИКТ.

Так, по данным Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union – ITU – специализированное подразделение ООН, определяющее стандарты в области ИКТ), в 2013 г. в мире пользовалось Интернетом 37% женщин и 41% мужчин. Гендерный цифровой разрыв более выражен в развивающихся странах (среди женщин интернет-пользователей на 16% меньше,

чем среди мужчин), чем в развитых (разница составляет 2%) [Measuring the information society 2016, 2016]. Другие исследования показали, что меньшая вовлеченность женщин в практики использования Интернета во многом является результатом их ущемления в экономической и образовательной сфере, а также гендерной «не-нейтральностью» самого Интернета: там содержится большее количество информации и ресурсов, актуальных для мужчин [Волченко О.В., 2016, с. 169, 170]. Таким образом, гендерная составляющая информационно-цифрового неравенства в значительной степени является производной от других видов неравенства (прежде всего, экономического и образовательного).

Повышение информированности, т.е. увеличение объема информации, которой владеет индивидум, является одним из традиционных способов улучшить положение в общественной иерархии и повысить благосостояние. Действует и обратная связь: чем более высокое положение на социальной лестнице занимает индивидум и выше его благосостояние, тем он, в общем случае, более информирован и располагает большими информационными ресурсами. Применительно к современности это означает, что возможностей пользоваться новыми ИКТ меньше у людей с низким уровнем образования и доходами, пожилых людей, а также проживающих в сельской местности. Соответственно, именно эти социальные группы получают меньше всего благ от распространения ИКТ и нуждаются в определенной поддержке со стороны государства.

По мере повышения уровня информированности (информационной грамотности) возрастает роль индивидуальной мотивации к обучению навыкам пользования и к расширению направлений использования новых ИКТ. Так, люди с низкими уровнем образования и доходами используют Интернет преимущественно для связи и развлечения. Направления использования Интернет более образованных и обеспеченных людей разнообразнее, в них преобладает интернет-коммерция и интернет-банкинг [Measuring the information society 2016, 2016]. Высокообразованные люди проводят больше времени онлайн и чаще используют Интернет для решения рабочих и образовательных задач, а также для социального и политического участия [Волченко О.В., 2016, с. 168].

Экономические факторы. Уровень использования новых ИКТ зависит от цен на технику (компьютеры и мобильные телефоны) и от стоимости услуг связи (фиксированной и мобильной), наличия соответствующей инфраструктуры и системы обучения. Общемировой тенденцией является снижение стоимости услуг связи,

особенно мобильной. Но стоимость техники остается одним из основных факторов, ограничивающих распространение новых ИКТ [Measuring the information society 2016, 2016].

Потребность в повышении уровня информированности людей (и особенно, работников) служит источником постоянного спроса на услуги систем образования и подготовки кадров (хотя стимулы развития последних более разнообразны). Расширение использования ИКТ ведет к появлению новых требований, касающихся, в первую очередь, высококвалифицированных работников. По мнению специалистов, в настоящее время идет своеобразное «соревнование» между развитием технологий и совершенствованием образовательных систем, которые должны обеспечить возможность своевременного овладения людьми необходимых навыков [Measuring the information society 2016, 2016].

Для объяснения механизма возникновения и действия информационно-цифрового неравенства ученые используют различные теоретические конструкции, в том числе концепцию диффузии инновации (предложенную Э. Роджерсом); модель принятия технологии (technology acceptance model); теорию мотивированного действия (theory of reasoned action) и теорию запланированного поведения (theory of planned behavior); гипотезу о неравенстве в знании (knowledge gap hypothesis, предложенную Дж. Тиченором и соавторами); теорию капиталов П. Бурдье и т.д. [Волченко О.В., 2016]. Специалисты отмечают, что информационно-цифровое неравенство работает по принципу петли обратной связи. Например, люди с низким уровнем образования реже пользуются Интернетом, что ограничивает их возможности в получении более высокого уровня образования, что в свою очередь снижает возможности использования Интернета. И наоборот, люди с высоким уровнем образования чаще пользуются Интернетом, что повышает их уровень информированности («информационное богатство») и способствует активному использованию Интернета. Информационно-цифровое неравенство воспроизводит само себя [Волченко О.В., 2016, с. 180] – как на стороне «информационной бедности», так и на стороне «информационного богатства».

Однако степень теоретической проработанности различных аспектов и проявлений информационно-цифрового неравенства еще недостаточна. Ограничен и массив имеющихся эмпирических данных. Тем не менее проблема информационно-цифрового неравенства уже превратилась в важный элемент политики в развитых и развивающихся странах [Волченко О.В., 2016, с. 167]. В свою

очередь это обусловило рост общественного внимания к измерению информационно-цифрового неравенства и поискам путей сокращения цифрового разрыва на мировом и национальных уровнях.

Информационно-цифровое неравенство в мире и его измерение

Одним из наиболее авторитетных исследований, посвященных измерению уровня развития ИКТ в странах мира и их информационно-цифрового неравенства, является доклад Международного союза электросвязи (ITU). Начиная с 2009 г. ITU ежегодно публикует рейтинг развития стран в сфере ИКТ, построенный на основе Индекса развития ИКТ (ICT Development Index – IDI). Если первый доклад ITU, представляющий данные за 2002 и 2007 гг., охватывал 154 страны, то последние – уже 175 стран или почти 90% из 195 признанных в настоящее время независимых государств.

Методология составления IDI нацелена на измерение: уровня и прогресса в области ИКТ в отдельных странах в сравнении с другими странами; цифрового разрыва между странами; потенциала развития ИКТ и той степени, в которой страны могут воспользоваться ИКТ для ускорения роста и развития [Измерение информационного общества, 2015, с. 11]. Расчет IDI основывается на сведении в единый критерий 11 показателей из трех областей (субиндексов): доступа к ИКТ (пять показателей), использования ИКТ (три показателя) и навыков использования ИКТ (три показателя) – табл. 3. В соответствии со значениями IDI все страны мира делятся на четыре группы: с высоким уровнем развития ИКТ, выше среднего, средним и низким уровнем развития ИКТ (табл. 1).

Расхождения в величине IDI определяют цифровой разрыв между странами мира (табл. 1, 2).

Как видно из приведенных данных, уровень развития ИКТ растет во всех странах мира. За весь период наблюдения (с 2002 по 2016 г.) минимальное значение IDI увеличилось с 0,51 до 1,07, или в 2,1 раза; максимальное значение – с 6,05 до 8,84, или в 1,5 раза. В целом темпы расширения использования ИКТ в «отстающих» странах были выше, чем в «лидирующих». В результате цифровой разрыв между ними уменьшился с 11,9 до 8,3 (табл. 1, 2). Специалисты объясняют это, прежде всего, распространением мобильной сотовой связи.

Таблица 1

**Информационно-цифровое неравенство стран мира
в 2007 и 2016 гг.¹**

№	Группировки по уровню развития ИКТ	Значение IDI				Количество стран	
		2007 г.		2016 г.		2007 г.	2016 г.
		разброс	среднее	разброс	среднее		
1	Высокий	5,29–7,50	6,40	6,94–8,84	7,80	33	44
2	Выше среднего	3,41–5,25	4,10	5,04–6,90	5,92	33	42
3	Средний	2,05–3,34	2,70	2,88–5,03	4,05	44	45
4	Низкий	0,83–2,03	1,34	1,07–3,5	2,06	44	44
5	В целом	0,83–7,50	3,40	1,07–8,84	4,94	154	175

Однако темпы развития ИКТ в странах мира замедляются. Минимальное значение IDI в 2016 г. выросло по сравнению с 2007 г. в 1,3 раза (с 0,83 до 1,07), а максимальное – в 1,2 раза (с 7,5 до 8,84). При этом существенно увеличилось количество стран с высоким уровнем развития ИКТ (на 33%) и с уровнем развития ИКТ выше среднего (на 27%). Общее количества изучаемых стран за этот период возросло только на 14%. Рейтинг ITU также показывает, что цифровой разрыв между разными группами стран медленно, но сокращается. В 2007 г. соотношение средних значений IDI между группами стран с высоким уровнем развития ИКТ и с уровнем развития ИКТ выше среднего составляло 1,56; между группами стран с уровнем развития ИКТ выше среднего и со средним уровнем развития ИКТ – 1,52; между группами стран со средним и низким уровнями развития ИКТ – 2,0. В 2016 г. эти соотношения составили, соответственно, 1,30; 1,46 и 1,97 (табл. 1). Это свидетельствует о том, что по мере того, как информационные общества становятся все более зрелыми, темпы их роста и информационно-цифровое неравенство постепенно снижаются. Тем не менее цифровой разрыв между странами мира остается еще очень значительным.

Необходимо отметить, что в настоящее время в мире больше всего стран со средним уровнем развития ИКТ (45 из 175 или почти 26%). Хотя доли стран с высоким и низким уровнем развития ИКТ незначительно меньше (по 25%) – (табл. 1). В группу стран с высоким

¹ Составлена на основе данных [Measuring the Information Society..., 2009, p. 46] и [Measuring the information society..., 2016, p. 35].

уровнем развития ИКТ входят наиболее развитые страны, прежде всего западноевропейские, ряд восточноазиатских и восточно-европейских стран, а также США, Канада и Австралия. Группу стран с низким уровнем развития ИКТ составляют развивающиеся страны Африки и Азии. Группа стран с уровнем развития ИКТ выше среднего включает большинство южно-европейских и центрально-европейских стран, а также некоторые латиноамериканские и азиатские страны.

Данные рейтинга ITU позволяют оценить динамику внутри и между разными группами стран. Например, смену стран-лидеров. Если в 2002–2007 гг. первое место в мире по уровню развития ИКТ занимала Швеция, то в 2016 г. в качестве мирового лидера в этой сфере выступает Юж. Корея. Хотя десятка наиболее передовых стран по уровню развития ИКТ достаточно стабильна. В нее входят, в основном, североевропейские и скандинавские страны, в том числе Дания, Исландия, Норвегия, Нидерланды и Великобритания, а также Швейцария. Стабильно сохраняется и позиция в самом конце рейтинга за Нигером (табл. 2).

Изменение положения в рейтинге ITU дает возможность судить, насколько развитие ИКТ в стране отстает или опережает средние темпы этого процесса в мире и в данной группе стран. В частности, данные свидетельствуют об усилении позиций ряда восточноазиатских стран, в том числе Гонконга и Японии. Можно говорить об опережающей динамике развития ИКТ, например, в Германии, Франции, Эстонии. А вот показатели Швеции, Финляндии и Венгрии относительно других стран, наоборот, ухудшаются. Более медленно развиваются ИКТ и в США – их положение во втором десятке стран за последние годы мало изменилось. Ухудшается (относительно других стран) положение Бразилии, Юж. Африки и Индии. Причем, если Бразилия входит в группу стран с уровнем развития ИКТ выше среднего, то Ю. Африка – в группу стран со средним уровнем развития ИКТ, а Индия – в группу стран с низким уровнем развития ИКТ. Необходимо отметить прогресс в развитии ИКТ в Казахстане и Китае. Обе эти страны повысили свой рейтинг и перешли к 2016 г. из группы стран со средним уровнем развития ИКТ в группу стран с уровнем развития ИКТ выше среднего (табл. 2).

Но наиболее ярким является пример Белоруссии. В 2002 г. эта страна занимала 57 место в рейтинге ITU и отставала от России (52 место). К 2016 г. она поднялась на 31 место, перейдя в группу стран с высоким уровнем развития ИКТ и перегнав Россию (43 место).

Причем по ряду компонентов индекса IDI Белоруссия опередила многие более развитые страны. Так, уровень развития стационарной связи в стране выше не только, чем в России, но и чем в США. По охвату населения высшим и профессиональным образованием страна находится на уровне США (опережая Россию). А по ширине полосы пропускания международного трафика Интернета (бит/с) на одного пользователя и количеству абонентов мобильной сотовой связи на 100 человек населения она даже впереди лидера рейтинга ITU – Юж. Кореи. Хотя адекватность некоторых данных по Белоруссии можно поставить под сомнение. Например, охват населения средним образованием в 107% вызывает недоумение. Возможно, здесь проявляются расхождения между международной и национальной методиками учета. Но даже при возможной корректировке данных прогресс страны в сфере ИКТ несомненен (табл. 2, 3).

Таблица 2

Динамика ICT Development Index по некоторым странам мира за 2002–2016 гг.¹

№	Страны	2002 г.		2007 г.		2016 г.	
		рейтинг	индекс	рейтинг	индекс	рейтинг	индекс
	Высокий уровень развития ИКТ						
1	Швеция	1	6,05	1	7,50	7	8,45
2	Юж. Корея	3	5,83	2	7,26	1	8,84
3	Финляндия	8	5,38	9	6,79	17	8,08
4	Великобритания	10	5,27	10	6,78	5	8,57
5	США	11	5,25	17	6,44	15	8,17
6	Германия	14	5,02	13	6,61	12	8,31
7	Япония	18	4,82	12	6,64	10	8,37
8	Франция	25	4,37	23	6,16	16	8,11
9	Эстония	31	3,93	26	5,97	18	8,07
	Уровень развития ИКТ выше среднего						
10	Венгрия	36	3,49	35	5,19	48	6,72
11	Россия	52	2,71	50	3,83	43	6,95
12	Бразилия	54	2,55	60	3,48	63	5,99
13	Белоруссия	57	2,53	54	3,76	31	7,26
	Средний уровень развития ИКТ						
14	Казахстан	68	2,17	69	3,25	52	6,57
15	Юж. Африка	77	2,11	87	2,70	88	5,03
16	Китай	90	1,95	70	3,11	81	5,19
	Низкий уровень развития ИКТ						
17	Индия	117	1,19	118	1,59	138	2,69
18	Нигер	154	0,51	154	0,82	175	1,07

¹ Составлена на основе данных [Measuring the Information Society..., 2009, p. 22] и [Measuring the information society..., 2016, p. 12].

К 2016 г. Россия также вошла в группу стран с высоким уровнем развития ИКТ. Согласно данным ИТУ, преимущества страны лежат в области навыков работы с ИКТ и частично в области доступа к ИКТ. Так, по охвату населения средним образованием и по количеству абонентов мобильной сотовой связи на 100 человек населения Россия опережает Юж. Корею. Но она значительно отстает от других стран с точки зрения обеспеченности стационарной связью и фиксированной широкополосной связью. Хотя это отставание не является критичным в перспективе в связи с быстрым развитием мобильной связи. Однако пока большее распространение мобильной связи по сравнению с другими странами не компенсирует отставание от них в развитии стационарной сети (табл. 3).

Таблица 3

Уровень развития ИКТ в России на фоне других стран мира в 2016 г.¹

№	Показатели и субиндексы IDI	Юж. Корея	США	Белоруссия	Россия
А	Доступ к ИКТ, в том числе:	8,99	8,27	7,80	7,23
1	количество абонентов стационарной телефонной связи на 100 человек населения, ед.	58,06	35,52	49,04	25,70
2	количество абонентов мобильной сотовой связи на 100 человек населения, ед.	118,46	117,59	123,64	159,95
3	ширина полосы пропускания международного трафика Интернета (бит/с) на одного пользователя	46,744.48	99,016.99	139,374.33	26,845.33
4	доля домашних хозяйств, имеющих компьютер, %	77,07	87,32	63,08	72,51
5	доля домашних хозяйств, имеющих доступ в Интернет, %	98,07	82,20	59,12	72,05
Б	Использование ИКТ, в том числе:	8,57	7,57	5,88	5,87
6	доля отдельных лиц, пользующихся Интернетом, %	89,90	74,55	62,23	73,41
7	количество контрактов на пользование фиксированной широкополосной связью на 100 человек населения, ед.	40,25	31,53	31,35	18,77

¹ Составлена на основе данных [ICT Development Index 2016, 2016].

№	Показатели и субиндексы IDI	Юж. Корея	США	Белоруссия	Россия
8	количество контрактов на пользование мобильной широкополосной связью на 100 человек населения, ед.	109,67	109,23	61,83	71,29
В	Навыки работы с ИКТ, в том числе:	9,08	9,18	8,96	8,55
9	средняя продолжительность периода образования, лет	11,89	13,60	11,98	11,95
10	охват населения средним образованием, %	97,73	95,93	107,03	98,83
11	охват населения высшим и профессиональным образованием, %	95,35	88,81	88,86	78,00

Гораздо более важным фактором для России является низкая пропускная способность трафика (в 1,7 раз меньше, чем в Юж. Корею, в 3,7 раз – чем в США и в 5,2 раза – чем в Белоруссии), что указывает на использование устаревшего или не очень качественного оборудования. Тревожным симптомом также служит отставание от стран-лидеров по охвату населения высшим и профессиональным образованием (табл. 3). Хотя адекватность последнего показателя вызывает сомнения. Возможно, что здесь или проявляются расхождения между международной и национальной методиками учета, или сказывается «провал» в отечественном среднем специальном образовании.

Необходимо отметить, что одним из индикаторов выполнения принятой в 2014 г. Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020)» являлось достижение 10-го места в международном рейтинге ITU [Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313, 2014]. Однако в результате корректировки государственной программы в 2017 г. цели были изменены. Теперь к 2020 г. предполагается достичь только 40-е место в рейтинге ITU, т.е. практически сохранить существующее положение. Кроме того, планируется увеличить долю домашних хозяйств, имеющих доступ в Интернет, до 95% от их общего числа (в том числе до 83% в 2017 г.) и повысить до 95 количество абонентов мобильной широкополосной связи на 100 человек населения. Увеличение количества абонентов фиксированной широкополосной связью на 100 человек населения исключено. В первоначальной версии предполагался их рост до 34 [Постановление Правительства РФ от 31.03.2017 № 308, 2017].

Нельзя не признать, что такие планы по развитию ИКТ в России вполне реалистичны, хотя и не очень амбициозны. С одной стороны, при очевидном улучшении ситуации с внедрением ИКТ, в стране наблюдается замедление этого процесса. По мнению специалистов, пик роста аудитории Интернета в России прошел. За 2014 г. в Интернете появилось всего 2% от общего числа отечественных пользователей, тогда как в 2013 – 8% от всех российских пользователей, а в 2012 – 12% [Количество пользователей..., 2015]. С другой стороны, расширению использования ИКТ способствует естественная демографическая тенденция – увеличение доли населения, хорошо знакомого (в том числе с детства) с ИКТ, – а также целенаправленные действия государства по внедрению ИКТ в различные сферы.

Как динамика развития ИКТ в России будет соотноситься со скоростью этого процесса в других странах мира, сказать трудно. Возможно, что страна переходит от стадии количественного накопления нововведений к этапу качественных преобразований, затрагивающих самые разные сферы жизнедеятельности. В этом случае даже при замедлении темпов развития ИКТ можно ожидать значительного прогресса в уровне их использования и, соответственно, сокращения отставания от стран-лидеров. Но возможен и более негативный сценарий – когда качественный скачок в использовании ИКТ не произойдет, а ситуация стабилизируется на достигнутом уровне. В этом случае цифровой разрыв между Россией и передовыми в области ИКТ странами будет увеличиваться.

Информационно-цифровое неравенство в России

Для любых направлений общественного развития в России традиционно первостепенное значение имеет территориальный фактор. Не может быть одинаковой скорость процессов на таком огромном и разнообразном пространстве. Соответственно, различаются и темпы внедрения новых ИКТ в разных регионах страны, а место проживания во многом предопределяет возможности и ограничения доступа к ним. Таким образом, информационно-цифровое неравенство в России имеет, прежде всего, региональный аспект.

Региональное информационно-цифровое неравенство. Признание значимости различия территорий по уровню внедрения ИКТ послужило основанием для изучения и измерения цифрового разрыва внутри страны, прежде всего, между различными административными единицами.

Институт развития информационного общества (ИРИО – независимая исследовательская и сервисная организация, созданная 07 сентября 1998 г.) с 2005 г. публикует композитный Индекс готовности регионов России к информационному обществу. Методология ИРИО направлена на оценку степени и динамики различий между субъектами РФ в информационной сфере. Индекс рассчитывается на основе показателей, характеризующих факторы развития информационного общества (человеческий капитал, экономическую среду и ИКТ-инфраструктуру), а также использование ИКТ в шести областях (государственное и муниципальное управление, образование, здравоохранение, бизнес, культура, домохозяйства) [Индекс готовности регионов..., 2015].

Как показывают данные Индекса готовности к информационному обществу, группы регионов – лидеров и аутсайдеров с точки зрения внедрения ИКТ – в России достаточно стабильны. Первые места традиционно занимают столицы (Москва и Санкт-Петербург) и богатые ресурсодобывающие области (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО). На последних местах находятся республики Северного Кавказа и Сибири. При этом заметен значительный прогресс, т.е. повышение положения в рейтинге, Республики Татарстан, Ленинградской и Сахалинской областей, а также Хабаровского края, Тюменской и Камчатской областей. Наоборот, отставание в сфере внедрения ИКТ, т.е. снижение положения в рейтинге, демонстрируют Самарская область, Республика Карелия, Томская область (табл. 4).

Необходимо отметить, что на динамику Индекса готовности к информационному обществу сильно влияют изменения в методике расчетов: уменьшение количества субъектов РФ (с 88 до 81) и увеличение числа используемых показателей (с 77 до 94). Именно это, очевидно, во многом объясняет резкое ухудшение положения в рейтинге Чукотского и Ненецкого АО (табл. 4).

Согласно другим исследованиям, наибольшее проникновение Интернета (измеряемое по доле пользователей в общей численности взрослого населения) на конец весны 2017 г. фиксируется в Северо-Западном (77%), Центральном (71%) и Уральском (73%) федеральных округах (ФО). Эти округа сохраняют лидерство в стране, хотя доля интернет-пользователей по сравнению, например, с третьим кварталом 2014 г. возросла во всех регионах. В том числе в городах-миллионниках она увеличилось с 69 до 74%, а в сельской местности – с 51 до 59%. При этом Санкт-Петербург по уровню интернет-проникновения (75% зимой 2015 г. – 81% весной

2017 г.) обогнал Москву (76 и 79% соответственно). Наиболее же быструю динамику демонстрирует Дальневосточный ФО. В третьем квартале 2014 г. доля интернет-пользователей здесь составляла 55,5% (что было худшим показателем среди ФО), а к концу весны 2017 г. – уже 73%. Сейчас в роли аутсайдера выступает Приволжский ФО (доля интернет-пользователей составляет 65% на конец весны 2017 г.), хотя раньше его положение по сравнению с другими округами было лучше [Количество пользователей..., 2015; Количество пользователей..., 2017].

Таблица 4

Динамика Индекса готовности к информационному обществу ряда регионов России за 2004–2005 и 2013–2014 гг.¹

№	Регион	2004–2005 гг.		2013–2014 гг.	
		рейтинг	индекс	рейтинг	индекс
1	г. Москва	1	5,65	1	0,693
2	г. Санкт-Петербург	2	4,86	2	0,643
3	Ханты-Мансийский АО	3	4,41	4	0,569
4	Ямало-Ненецкий АО	4	4,27	3	0,609
5	Томская область	5	4,06	9	0,512
6	Самарская область	6	3,80	29	0,467
7	Мурманская область	7	3,75	6	0,541
8	Чукотский АО	8	3,63	19	0,489
9	Ненецкий АО	9	3,62	56	0,424
10	Республика Карелия	10	3,52	16	0,499
11	Тюменская область	11	3,55	5	0,553
12	Хабаровский край	13	3,45	8	0,515
13	Московская область	14	3,34	11	0,505
14	Новосибирская область	18	3,33	14	0,500
15	Камчатская область	19	3,32	12	0,504
16	Сахалинская область	21	3,30	10	0,511
17	Республика Татарстан	35	3,02	7	0,524
18	Ленинградская область	37	3,01	13	0,501
19	Карачаево-Черкесская Республика	83	2,26	80	0,367
20	Республика Дагестан	85	2,13	82	0,302
21	Республика Тыва	87	2,08	77	0,378
22	Республика Ингушетия	88	1,96	81	0,308

¹ Составлена на основе данных [Индекс готовности регионов..., 2005, с. 8–10] и [Индекс готовности регионов..., 2015, с. 9–10].

В государственной программе РФ «Информационное общество (2011–2020)» в качестве одного из целевых показателей принято снижение степени дифференциации субъектов РФ по интегральным показателям информационного развития к 2020 г. менее чем в 2 раза (точнее, в 1,8 раза) [Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313, 2014; Постановление Правительства РФ от 31.03.2017 № 308, 2017]. Согласно Индексу готовности к информационному обществу ИРИО, если разница между субъектами РФ в 2004–2005 гг. составляла 2,9, то в 2013–2014 гг. она сократилась до 2,3 (табл. 4). Это свидетельствует о сокращении цифрового разрыва между регионами России и высокой вероятности достижения плановых показателей государственной программы. Однако различия в уровне информационного развития российских регионов остаются еще значительными – они больше, чем цифровой разрыв между группами стран с разным уровнем развития ИКТ в 2016 г. (табл. 2). Особенно низка степень проникновения и использования новых ИКТ в сельской местности и труднодоступных районах страны, что признается даже в официальных документах [Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203, 2017].

Межличностное информационное неравенство. Различные социальные факторы (пол, возраст, образование, семейное положение, доход) по-разному влияют на уровень информационно-цифрового неравенства.

Исследования показывают, что в России доступ к Интернету от пола не зависит, но гендерная принадлежность влияет на направления его использования. Так, женщины реже, чем мужчины, пользуются Интернетом для поиска информации [Волченко О.В., 2016, с. 177, 180]. Вообще гендерные различия в доступе и использовании ИКТ в России не существенны – как благодаря высокому уровню образования женщин, так и их относительному равноправию. И это сближает Россию с другими развитыми странами.

Более значимую роль в информационно-цифровом неравенстве в стране играет фактор образования. Проведенные исследования свидетельствуют, что в России (как и в других странах мира) люди с высшим и средним специальным образованием более вероятно являются интернет-пользователями по сравнению с людьми, имеющими среднее образование и ниже [Волченко О.В., 2016, с. 180]. Однако в результате совершенствования отечественных систем образования и обучения роль этого фактора меняется. Аналогично гендерному фактору уровень образования скорее влияет на направления использования ИКТ, а не на доступ к ним.

Наибольшее значение для информационно-цифрового неравенства в России имеет возрастной фактор. Чем старше человек, с тем меньшей вероятностью он пользуется Интернетом [Волченко О.В., 2016, с. 180]. При этом люди, состоящие в браке, реже пользуются Интернетом, а те, у которых есть дети, – чаще [Бродовская Е.В., Шумилова О.Е., 2013]. Самый большой цифровой разрыв в России наблюдается между различными возрастными группами. Если среди населения страны в возрасте от 14 до 23 лет пользователи Интернет в 2013 г. составляли 94%, то в группе 54–63 года – 37%, а среди населения старше 64 лет – лишь 13% [Бродовская Е.В., Шумилова О.Е., 2013].

Не менее важен для информационно-цифрового неравенства в России и уровень дохода. Результаты проведенных опросов показывают, что чем выше уровень дохода респондента, тем вероятнее он является интернет-пользователем [Волченко О.В., 2016, с. 175, 176]. Причем этот фактор влияет как на доступ к ИКТ, так и на направления их использования.

В целом информационно-цифровое неравенство в России соответствует неравенству по уровню доходов (региональных и индивидуальных), но сглаживается в результате воздействия других факторов (гендерного и образовательного), а также реализации государственной политики. Причем с течением времени при уменьшении неравенства в сфере доступа к ИКТ, неравенство в целях их использования возрастает [Волченко О.В., 2016, с. 180].

Меры снижения информационно-цифрового неравенства

Изучение механизма действия и особенностей информационно-цифрового неравенства позволяет определить направления снижения цифрового разрыва. Очевидно, что соответствующие меры должны предприниматься с двух сторон: обеспечение доступа к ИКТ (со стороны «предложения» техники) и обучение навыкам использования ИКТ или повышение информационной грамотности населения (со стороны «спроса» людей).

Обеспечение доступа к ИКТ зависит, прежде всего, от стоимости техники и стоимости цифровых услуг. Снижение цен на компьютеры и мобильные телефоны, а также действующих тарифов способствует сокращению информационно-цифрового неравенства.

В условиях России не меньшее значение имеет развитие соответствующей инфраструктуры, включая модернизацию и увеличение линий связи, обновление используемой техники. Повышение

надежности связи и выравнивание ее уровня по территории страны, а также рост скорости предоставляемого трафика – вот основные задачи, которые должны быть решены для улучшения доступа к ИКТ.

По мнению специалистов, прежде всего для преодоления информационно-цифрового неравенства необходимо 100%-ное обеспечение современными услугами цифровой связи образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, органов государственной власти и местного самоуправления [Никитин М., 2011]. Представляется, что в этот список следует добавить библиотеки, музеи и другие учреждения культуры.

Снижение стоимости телекоммуникационной техники и соответствующих услуг происходит в основном благодаря НТП и конкуренции коммерческих структур. А вот развитие инфраструктуры информационного общества невозможно без участия государства.

Повышение информационной (компьютерной) грамотности населения превращается в одно из приоритетных направлений социальной политики государства. Причем в первую очередь государственная помощь распространяется на наиболее «уязвимые» группы населения: пенсионеров, неработающих женщин, безработных, уволенных в запас военнослужащих, малообеспеченных граждан, лиц с ограниченными физическими возможностями.

В настоящее время в России уже действует ряд специальных образовательных программ, которые были инициированы государственными органами или общественными организациями. Например, Всероссийская программа обучения (ВПО) «КиберЛикбез» и проект «Тимуровцы информационного общества» (разработаны Российским агентством развития информационного общества, реализуются с 2009 г.), Национальная социальная программа массового обучения старшего поколения основам ИКТ «Бабушка и дедушка онлайн» (учреждена и реализуется с 2008 г. Межрегиональной общественной организацией «Ассоциация ветеранов, инвалидов и пенсионеров»).

В частности, целью движения «Тимуровцы информационного общества» является тиражирование практики обучения навыкам пользования ИКТ представителей социально незащищенных групп населения волонтерами из числа школьников и студентов. Обучение проходит на базе компьютерных классов школ и вузов, библиотек, центров общественного доступа. Методика обучения разработана совместно с Минкомсвязи РФ. Для финансирования

привлекается малый и средний бизнес, так или иначе использующий в своей работе компьютеры и сеть Интернет. Кроме того, иницируется создание «банков компьютеров second hand», который пополняется за счет благотворительных взносов в виде списанных компьютеров, ноутбуков, принтеров, сканеров и их комплектующих. Проект реализуется в более 30 субъектах РФ, обучено уже свыше 350 тыс. человек. Условная экономия бюджетных средств превысила 3,5 млрд руб. [Тимуровцы информационного общества, 2017].

Особое внимание в стране уделяется повышению информационной грамотности лиц старшего возраста [Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р, 2016]. С 2015 г. Пенсионный фонд России (ПФР) стал выделять субъектам РФ субсидии для обучения пенсионеров (в том числе инвалидов) основам пользования компьютером и работы в сети Интернет (в рамках реализации социальных программ и на условиях софинансирования) [Постановление Правительства РФ от 22.01.2015 № 33, 2015]. В 2015 г. на эти цели было выделено свыше 40 млн рублей, в 2016 г. — 44,2 млн рублей. Результатом стало обучение в 2015 г. основам компьютерной грамотности и навыкам работы в сети Интернет 41,6 тыс. пенсионеров (при плане в 33 тыс. человек). Кроме того, ПФР совместно с «Ростелекомом» разработали учебный курс и учебное пособие «Азбука интернета» для людей старшего поколения, материалы которого размещены в Интернете в открытом доступе [Глава ПФР Антон Дроздов., 2016].

Повышение информационной (компьютерной) грамотности чрезвычайно важно для всего населения. На официальном уровне признается необходимость создания для каждого человека таких условий, находясь в которых он мог бы овладеть навыками и знаниями, требуемыми для жизни и работы в информационном обществе.

Но следует согласиться со специалистами, что, прежде всего, следует обеспечить обучение навыкам работы с новыми ИКТ учащихся средних общеобразовательных школ, а также повышение уровня информационной грамотности обучающихся в средних специальных и высших учебных заведениях. По мнению экспертов Всемирного банка, для того чтобы Россия могла в максимальной степени воспользоваться преимуществами «цифровой эры», сегодняшние учебные программы должны соответствовать потребностям завтрашнего дня [Reaping digital dividends., 2017]. Однако большинство программ обучения навыкам работы с ИКТ в отече-

ственных учебных заведениях трудно признать удовлетворительными даже с позиции современных потребностей.

Так, в школах предмет «Информатика» введен с 1985 г. Но методика его преподавания перевернута «с ног на голову» с точки зрения возможностей усвоения материала детьми. В начальных классах пытаются научить принципам работы с информацией, хотя дети этого возраста еще мало способны к обобщениям и смысл заданий от них ускользает. Зато в старших классах начинают учить работать на компьютере – пользоваться клавиатурой и рисовать картинки. Хотя многие из школьников уже приобрели эти навыки раньше. В результате организованное образование сводится к умению делать презентации, а большая часть знаний и навыков приобретается самостоятельно и бессистемно. Такой способ обучения не только мало эффективен, но и небезопасен, а полученные знания – далеко не полные. Много полезной информации (ресурсов, инструментов) просто не попадает в поле зрения учеников.

Представляется, что сначала – в начальных классах – надо учить пользоваться компьютером (в том числе быстро и слепо набирать текст, рисовать, делать презентации). А принципы работы с информацией, инструменты и полезные ресурсы Интернета следует системно изучать в старших классах. Соответственно, требуется пересмотреть программы преподавания всего курса «Информатика» в средних общеобразовательных учебных заведениях и подготовки учителей для нее.

Необходимо отметить, что пик интереса к проблемам информационно-цифрового неравенства в зарубежных странах пришелся на начало 2000-х годов. В России всплеск внимания к этой теме связан с подготовкой, принятием и корректировкой государственной программы «Информационное общество 2011–2020». Сейчас интерес снизился, так как вопросы информационно-цифрового неравенства перешли в плоскость практических решений преимущественно на уровне регионов в связи с процессами региональной информатизации [Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2769-р, 2014]. И хотя более богатые по доходам регионы обладают большими ресурсами для сокращения цифрового разрыва, но и регионы с небольшими доходами имеют шансы улучшить свое положение [Годовой отчет о ходе реализации..., 2016; Информационное общество..., 2017].

В последние годы характер информационно-цифрового неравенства в России все в большей степени приобретает черты, соответствующие уже относительно развитому информационному

обществу. При сокращении количественных расхождений возрастает значение качественных различий. А преодоление цифрового разрыва связывается уже с формированием информационной культуры, которая подразумевает определенную этику поведения, соблюдение правил безопасности и умение оценивать поступающую информацию.

Список литературы

1. Бродовская Е.В., Шумилова О.Е. Российские пользователи и непользователи: Соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2013. – № 3. – С. 5–18.
2. Вершинская О.Н. Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? // ВИПЕРСОН. Публикации. Эксклюзив. – 2011. – 01.03. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/olga-vershinskaya-tsifrovoy-raskol-novyy-vid-ekonomicheskogo-neravenstva>
3. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2016. – № 5. – С. 163–182.
4. Всероссийская программа обучения компьютерной грамотности «КиберЛикбез» / Агентство развития информационного общества РАРИО. – М. – Режим доступа: <http://www.rario.ru/projects/kiberlikbez.php>
5. Глава ПФР Антон Дроздов посетил курсы компьютерной грамотности для пенсионеров // Пенсионный фонд РФ. Пресс-центр. – М., 2016. – 08.12. – Режим доступа: http://www.pfrf.ru/press_center/~2016/12/08/125924
6. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020) в 2016 г. / Минкомсвязи РФ. – М., 2017. – 263 с. – Режим доступа: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/05/IO_otchet_2016.pdf
7. Дьякова Е.Г. Социокультурные аспекты и национальные модели решения проблемы информационного неравенства // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. – Екатеринбург, 2010. – № 1 (73). – С. 17–27. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18290/1/iuro-2010-73-03.pdf>
8. Измерение информационного общества. Отчет 2015 г. Резюме. – Женева: Международное сообщество электросвязи, 2015. – 54 с. – Режим доступа: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2015/MISR2015-ES-R.pdf>
9. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2004–2005 / Под ред. Т.Е. Ершовой, Ю.Е. Хохлова и С.Б. Шапошника. – М.: Институт развития информационного общества, 2005. – 224 с.

10. Индекс готовности регионов к информационному обществу 2013–2014: Анализ информационного неравенства субъектов РФ. – М.: Институт развития информационного общества, 2015. – 536 с. – Режим доступа: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2013-2014.pdf>
11. Информационное общество ГП: Обзор // TADviser. – М., 2017. – 10.05. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационное_общество_ГП
12. Количество пользователей Интернета в России // Интернет в России и в мире. Пользователи. – М., 2015. – 06.08. – Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151
13. Количество пользователей Интернета в России // Интернет в России и в мире. Пользователи. – М., 2017. – 21.07. – Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151
14. Международный союз электросвязи: Индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира в 2009 году // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал / Центр гуманитарных технологий. – М., 2009. – 03.03. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2009/03/03/1946>
15. Никитин М. Как преодолеть «цифровое неравенство» // CNews. Аналитика. – 2011. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/free/gov2011/articles/article27.shtml>
16. Окинавская Хартия глобального информационного общества (принята в 2000 г.) // Дипломатический вестник. – М., 2000. – № 8. – С. 51–56.
17. О программе. Национальная социальная программа «Бабушка и дедушка онлайн». – СПб. – Режим доступа: http://www.babushka-on-line.ru/#/about_project
18. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020)”» // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 18 (ч. 2). – Ст. 2159.
19. Постановление Правительства РФ от 22.01.2015 № 33 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 456» / Правительство России. – М., 2015. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/7e9fcd0SMAI.pdf>
20. Постановление Правительства РФ от 31.03.2017 № 308 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)»». – М., 2017. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215334/
21. Проблема информационного неравенства и пути ее решения: Материалы депутатских слушаний 12.04.2001. Московская государственная дума // Москва и информационное общество / Под ред. О.Н. Вершинской. – М.: Институт развития информационного общества, 2001. – Вып. 11. – 47 с. – Режим доступа: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un-dpadm/unpan047682.pdf>

22. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2769-р «О Концепции региональной информатизации до 2018 г.» // Собрание законодательства РФ. – М., 2015. – № 2. – Ст. 544.
23. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 года» / Правительство России. – М., 2016. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/7PvwllIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf>
24. Тимуровцы информационного общества / Агентство развития информационного общества РАРИО. – М. – Режим доступа: <http://rario.ru/projects/timurovci.php>
25. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ в 2017–2030 годы» // Президент России. Документы. – М., 2017. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1>
26. Цифровые дивиденды: Обзор Доклада о мировом развитии 2016. – Вашингтон: Группа Всемирного банка, 2016. – 58 с. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>
27. Fact sheet: Racial divide continues to grow: Falling through the Net. Defining the digital divide. – Washington: National Telecommunications and Information Administration. Department of Commerce, 1999. – Mode of access: <http://www.ntia.doc.gov/ntiahome/digitaldivide/factsheets/racial-divide.htm>
28. Falling through the Net: A survey of the «Have nots» in rural and urban America. – Washington: National Telecommunications and Information Administration. Department of Commerce, 1995. – Mode of access: <https://www.ntia.doc.gov/ntiahome/fallingthru.html>
29. Falling through the Net II: New data on the digital divide. – Washington: National Telecommunications and Information Administration. Department of Commerce, 1998. – Mode of access: <http://www.ntia.doc.gov/report/1998/falling-through-net-ii-new-data-digital-divide>
30. ICT Development Index 2016. – Geneva: ITU, 2016. – Mode of access: <http://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2016/>
31. ICTs, enterprises and poverty alleviation: Informatory economy report / United Nation Conference of Trade and Development. – N.Y.; Geneva, 2010. – 171 p. – Mode of access: http://unctad.org/en/Docs/ier2010_en.pdf
32. La Rue F. Report of the special rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression / UN General Assembly Human rights council, Seventeenth session. – Geneva, 2011. – 22 p. – Mode of access: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/a.hrc.17.27_en.pdf
33. Measuring the Information Society: The ICT Development Index 2002–2007. – Geneva: ITU, 2009. – 108 p. – Mode of access: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/material/2009/MIS2009_w5.pdf

34. Measuring the information society 2016. Report / ITU. – Geneva, 2016. – 274 p. – Mode of access: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2016/MISR2016-w4.pdf>
35. Reaping digital dividends: Leveraging the Internet for development in Europe and Central Asia. World Development Report 2016. – Washington: The World Bank group, 2017. – 261 p. – Mode of access: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/publication/digital-dividends-in-eca>

Экономические и социальные проблемы России

**НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

2017 № 2

Сборник научных трудов

Редактор-составитель выпуска –
Пряжникова Ольга Николаевна

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казимирова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/XII – 2017 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,0 Уч.-изд. л. 8,0
Тираж 100 экз. Заказ № 143

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

